И. В. Кулаев

Под счастливой звездой

Записки русского предпринимателя 1875–1930

Под редакцией Л. М. Суриса

DirectMEDIA
Москва
Берлин
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
К90

Кулаев, И. В.

К90 Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя 1875-1930 / И. В. Кулаев ; под ред. Л. М. Суриса – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 285 с.

ISBN 978-5-4475-8683-6

Данная книга представляет собой яркие автобиографические очерки Ивана Васильевича Кулаева (1857–1941), известного русского золотопромышленника, металлурга, коммерсанта, заметно повлиявшего на торгово-промышленное развитие Сибири, русского Дальнего Востока и Маньчжурии. Автор рассказывает о своих крепостных корнях, о том, откуда в его семью пришла фамилия «Кулаев», подробно описывает начало и развитие своей золотопромышленной деятельности, делится впечатлениями о пребывании в Америке и Канаде, развенчивает миф о сложном положении русских эмигрантов за границей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4475-8683-6
© Сурис Л. М., редактор, текст, 2016
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2016

Предисловие

Предлагаемые вниманию читателя настоящие автобиографические записки принадлежат перу известного в Сибири и на Дальнем Востоке торгово-промышленного деятеля Ивана Васильевича Кулаева. Написаны они просто и безыскусственно человеком, имеющим богатый жизненный опыт и держащим в своей памяти много интересных впечатлений прошлой жизни. Ими автор и хочет поделиться с той читающей русской публикой, у которой сохраняется интерес к былой истории нашей родины вообще и к истории нашей сибирской окраины в частности, к былой русской активности в Маньчжурии и Китае. Некоторые материалы записок И. В. Кулаева будут сохранять свой интерес и для будущих историков жизни великой русской эмиграции в Китае и Америке.

Несомненно, большое внимание встретит книга И. В. Кулаева среди лиц, специально интересующихся историей торгово-промышленного развития Сибири, русского Дальнего Востока и Маньчжурии за последние шестьдесят – семьдесят лет. В этой книге мы можем найти то, что мы можем назвать бытом экономики, бытом промышленности и торговли.

Мы можем прочитать в экономических трудах, что, положим, в Сибири за такие-то годы было добыто столько-то пудов золота, но часто за этими цифрами мы не видим и не чувствуем подлинной жизни, не знаем, сколько горя, страданий, разочарований, разбитых надежд принесли эти годы отдельным сибирским золотопромышленникам и как были вознаграждены, порою совершенно неожиданно, большим золотым потоком немногие счастливцы; нам остается неизвестной при этом борьба интересов и страстей, приводившая иногда к преступлениям и судебным процессам. Короче говоря, нам, лицам сторонним от практической торго-

вой и промышленной жизни, остается неизвестным то, что мы назвали бытом этой жизни.

Мы имеем мало материала для воспроизведения этого быта и в прошлом. Почему? Только потому, что наши торгово-промышленные деятели избегали оставлять нам свои записки о своей жизни и деятельности – или находили это излишним, или просто не было навыка к этому. Если бы было иначе, мы располагали бы теперь интереснейшими и богатыми материалами. Я определенно могу это сказать относительно Сибири, нашей общей с И. В. Кулаевым родины.

Возьмем для примера хотя бы именитых старых иркутских купцов, таких как Белоголовые, Кузнецовы, Медведниковы, Трапезниковы, Сибиряковы, Пономаревы, Базановы и многие другие. Все эти люди вели большие предприятия, которые бывали порой разбросаны по всей Восточной Сибири до Аляски. Они умели жить, работать, зарабатывать громадные средства, жертвовали огромные суммы на дела благотворительности. Жизнь многих из них была интересной, разнообразной, поучительной. И если бы эти именитые иркутские купцы, хотя бы даже только часть их, оставили после себя свои автобиографические записки, мы имели бы в своем распоряжении ценнейшие материалы, по которым могли бы судить об истории экономического развития Восточной Сибири.

Вот по всем этим причинам мы и приветствуем появление в печати книги И. В. Кулаева и рекомендуем ее вниманию читателей.

П. П. Серебренников

Пекин, 1937 год, июль

Записки русского предпринимателя 1875–1930

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящей книге я хотел бы представить мою автобиографию. Я написал ее, имея за собою уже восемьдесят лет жизни, из коих почти шестьдесят пять лет прошли в самостоятельной деловой работе, в разных отраслях промышленности и торговли, в Сибири, Китае, Америке. Много ярких впечатлений дала мне моя деловая жизнь. Остались от нее некоторые живые воспоминания, которые мне и хочется запечатлеть в книге, на память моим детям, внукам, родным. Будучи с детства знаком с деловой сибирской жизнью, а затем и с делами Дальнего Востока, я хочу поделиться здесь, на страницах этой книги, и с нашим молодым русским поколением вообще своими воспоминаниями и впечатлениями моей долгой жизни.

Пока я еще не начал писать настоящие свои воспоминания, мне казалось, что я вполне сохранил свою жизнеспособность, могу вести свои дела, не замечая упадка жизненных сил, и что все прошлое неизгладимо врезалось в мою память на всю мою жизнь; но когда я приступил к составлению моей автобиографии, я почувствовал, что многое уже изгладилось из памяти, многое представляю я себе в не совсем ясных чертах. Что делать! Таков закон человеческой жизни, такова старость, и да простят поэтому меня мои читатели, если найдут в моих воспоминаниях неполноту или, может быть, порою и неточность некоторых сведений.

Я дал моим воспоминаниям название: «Под счастливой звездой».

Мое появление на свет в 1857 году совпало и с личным благополучием в нашей семье, и с благоприятными

переменами в жизни моей дорогой родины, России, где в это время уже созрела и в обществе, и в правительстве мысль о немедленном освобождении крестьян от крепостной зависимости. Россия тогда от крутого царствования императора Николая I переходила к гуманному правлению Александра II и его знаменитым реформам. Последовал манифест о даровании воли крестьянам, указ об освобождении из ссылки декабристов; произошли большие перемены в государственном управлении, начали осуществляться гениальные законы Сперанского. Было преступлено к сооружению железных дорог. В 1858 году был присоединен к России богатый Амурский край, а после и Туркестан. Было постепенно введено свободное и доступное для всех классов образование.

Все эти крупные события повели к умиротворению страны и содействовали быстрому расцвету внутренней и внешней торговли государства и росту его промышленности.

События эти, годы расцвета и преуспеяния родины, совпали с годами моей детской жизни. Моя жизнь началась, таким образом, «под счастливой звездой», и о ней я хочу, как сумею, поведать моим читателям.

МОИ ПРЕДКИ

Время безжалостно расправляется с человеческой памятью. Немного подробностей сохранилось у меня о жизни моих деда и бабушки. Известно, что дед мой Аким и бабушка Анна Орловы до 1805 года были крепостными людьми князя Никиты Юрьевича Трубецкого. В 1805 году дед освободился от крепостной зависимости. При каких обстоятельствах, в силу каких причин получил дед свободу? Трудно сказать – давно это было.

Жизнь Орловых протекала в большой торговой слободе Никитовке Воронежской губернии, где дед мой имел кожевенный завод. Бабушка Анна рано умерла, оставив деда с троими сыновьями. Через несколько лет после ее смерти Аким Орлов женился вторично на уроженке города Алтырки Харьковской губернии – Софье Шелестовой. Сам дед мой был малоросс родом.

Софья Шелестова была, очевидно, незаурядной женщиной. Спустя сто лет среди населения тех мест, где жила бабушка Софья, сохранилась память о ней как о добром, отзывчивом, энергичном и умном человеке. Не могла она остаться и не осталась равнодушной и пассивной к такому явлению, как крепостное право. Не осталась она равнодушной и к существовавшему тогда бесправию, к произвольным поборам с крестьян, к двадцати пятилетней рекрутской службе, когда двадцать пять лучших лет человеческой жизни отдавались на отбывание воинской повинности.

Окрестные слободы приглашали бабушку Софью на сходки, выслушивали ее мнения и безоговорочно принимали делаемые ею предложения. Бабушка пользовалась большим авторитетом.

Эту полезную деятельность Софьи Орловой власти признали, однако, революционной, направленной

против существовавших правительственных порядков, и в 30-х годах прошлого столетия бабушка Софья, по указу императора Николая I, была сослана в Сибирь на каторгу.

МОЙ ОТЕЦ

Трое сыновей росли у Акима Орлова: старший Василий, средний Алексей и младший Андрей. Воспитанием всех троих ведала бабушка Софья.

Самым способным, разумевшим грамоту, что в те времена случалось не часто, был отец мой, старший из братьев, Василий. На него, тогда еще юношу, возложил дед Аким руководство кожевенным заводом, предоставив ему полную самостоятельность во вверенном его заботам деле. По инициативе моего отца был организован сбыт продуктов производства его завода на Кавказ, благодаря чему завязались у него знакомства и дружба с князьями из горцев. Одежда горцев настолько пришлась ему по вкусу, что он стал с тех пор и сам носить черкесский костюм.

Уходили годы. Приблизилось время отцу моему и на себе испытать суровый режим николаевской военной службы: пришла очередь Василия Орлова отбывать воинскую повинность. Возможностью нанять вместо себя рекрута отец воспользоваться не захотел. Не потому, что материальные средства исключали эту возможность – нет, основная причина была в том, что внутренние убеждения моего отца не позволяли ему посылать вместо себя другого на каторгу. Да, на каторгу! Какое более подходящее название придумаешь для военной службы того времени?..

Против воли моего деда отец уехал на Азовское море. Население прилежащих к этому морю районов не подлежало в то время отбыванию воинской повинности. Молодой, энергичный, полный сил и жажды деятельности, отец мой решил заняться судостроительством. На его счастье или несчастье, не знаю, подвернулась работа: надо было поднять затонувшую баржу с товаром. Отец внес залог в обеспечение исправности

работ и обязался, в случае неудачи, уплатить неустойку. На этот раз ему не повезло. Баржу благополучно подняли со дна и начали ставить ее на леса, но по неосторожности ли или потому, что не все было предусмотрено, баржа, почти в самый последний момент, перевернулась и со всем грузом пошла снова на дно моря.

Эта неудача заставила моего отца бросить свои начинания на Азовском море и вернуться на родину. Избежать воинской повинности ему так и не удалось. Но выпавшие на его долю испытания не сломили его и не изменили его убеждений. На военной службе он продолжал возмущаться и открыто высказываться против сурового, бесчеловечного военного режима, отчетливо представляя себе возможные последствия своего поведения: он совершенно сознательно, в силу своих убеждений, решил сменить военную службу на каторгу. Не надо забывать, что отец мой воспитывался в революционные годы, годы появления политических кружков и восстания декабристов. Способный, любознательный и восприимчивый юноша, под соответствующим руководством умной и развитой бабушки Софьи, он много читал и, конечно, не мог не знать и не разделять идей декабристов. А эти идеи признанием со стороны правительства не пользовались. Кончилась эта история тем, чем она и должна была кончиться: отец мой, Василий Орлов, как когда-то бабушка моя, Софья Орлова, был сослан в Сибирь, на каторгу.

Казалось, над жизнью моего отца следовало поставить крест. Однако судьба судила иначе.

В Сибирь по этапам круглый год двигались партии ссыльных. Разный люд попадал в эти партии. Нередко встречались там, так сказать, «странники по призванию», для которых весь смысл существования заключался в вольной, бродячей жизни. Не бродяжить –

скука заест! Не бродяжить – значит не жить. Дойдет такой «прирожденный бродяга» до места ссылки и при первом удобном случае, с полевых работ или лесозаготовок, убежит на волю. Лето он проводит на лоне природы. Много ли надо человеку, чтобы не умереть с голоду? Выпрашивая милостыню, пробирается такой любитель вольной жизни, человек без родины, без дома, не имея никакой определенной цели, по направлению к России. На зиму он всегда обеспечен кровом и пищей. Заявляется такой бездомник зимой в полицейский участок и откровенно сознается, что он – человек без роду и племени, не знает, как его зовут, где он родился. Такого «вынырнувшего из неизвестности» бродягу заключают, для исправления, в тюрьму. Быть на государственном иждивении для него дело привычное: ему только этого и надо. Отсидит зиму, а весной тем же самым, давно знакомым ему путем, по этапам, направляют его опять к месту поселения. Снова до зимы обеспечен он своим любимым занятием – бродяжничеством. Но разве возможно, чтобы такой любитель вольной жизни твердо осел на каком-нибудь определенном месте?

Нередко между ссыльными заключались соглашения о перемене фамилий. За известную плату человек, который уже отбыл каторгу и должен выйти на поселение, меняется фамилией с другим осужденным на каторжные работы на тот или иной срок. Подобные соглашения происходили в присутствии свидетелей из ссыльных, и условия этого своеобразного договора строго соблюдались заключавшими его сторонами.

Случилось, что в одной партии с моим отцом оказался ссыльный Василий Кулаев, по происхождению грузин, который направлялся на поселение в Енисейскую губернию. Вероятно, за какое-то вознаграждение со стороны моего отца Кулаев согласился обменяться с ним фамилией.

Когда партия, о которой идет речь, прибыла к месту назначения, тюремный смотритель вызывает ссыльного Василия Кулаева. Выходит Василий Орлов – мой отец.

– Василий Кулаев? – спрашивает смотритель.

– Я! – отвечает отец.

– Выходи, свободен!

Никаких документов, удостоверяющих личность ссыльного, на руках у него нет. При желании его личность можно установить по фотографическим карточкам, прилагаемым к документам ссыльного. Но при несовершенстве фотографических снимков и однообразной одежде ссыльных трудно различать их друг от друга. Да и, вероятно, смотрителю казалось скучным и ненужным рыться в документах: к чему еще эти формальности, если сам человек налицо?

Отец мой строго хранил тайну своего прошлого, и никто из нас, детей, не знал, как протекала его жизнь в молодости. Не обмолвился он также ни словом и о своих политических убеждениях. Может быть, по мнению отца, мы были еще слишком молоды, чтобы с нами можно было делиться мыслями о государственном устройстве и существующих непорядках, а может быть, он пришел к выводу, что все его идеи об изменении жизни были для того времени несбыточными мечтами. Возможно, что не хотел он посеять в наших детских душах смуту и, кто знает, тем самым, может быть, искалечить нашу жизнь…

Кое-что о молодых годах моего отца узнал я впоследствии из рассказов моей матери, кое-что из переписки, начатой мной после его смерти, с родственниками, оставшимися в России, моими двоюродными братьями. В 1915 году довелось мне самому побывать на родине моего отца. Желая лично убедиться в истинных причинах ссылки моего отца на каторгу, вызвавших такое суровое наказание, я наводил справки

об этом среди населения, которое обычно хорошо запоминает бывшие ранее какие-нибудь особо выдающиеся случаи. Такими исключительными по тем временам событиями были открытые выступления против существующего государственного строя бабушки моей Софьи Орловой и ее воспитанника, моего отца, Василия Орлова. Нашлись даже ветхие старички, современники и очевидцы происшедшего с моим отцом, которые поделились со мной своими воспоминаниями. Из них было видно, что отец мой попал на каторгу не за убийство, не за какой-нибудь акт злой воли, как уголовный преступник, а действительно за открытое выступление против того, что он считал гнетом и несправедливостью по отношению к народу, за любовь к человеку, под влиянием горячего порыва молодости. Я был теперь вполне удовлетворен и успокоен этими подтверждениями.

Трудно пришлось на первых порах моему отцу в глухой, малонаселенной Сибири. Многое испытал он там в те годы. Начал он свою карьеру в Сибири со службы сельского писаря и домашнего учителя. За работу получал гроши. Освоившись с условиями края и благодаря, очевидно, своим незаурядным способностям и присущей ему энергии, он сумел, однако, добиться некоторого положения. Местом своего поселения он избрал глухой, но богатый продуктами сельского хозяйства район большого села Тюлькова, с окружающими его пятью, тоже немалыми, деревнями. Обилие продуктов сельскохозяйственного производства, при полном отсутствии их сбыта, дало отцу идею сделаться посредником по сбыту этих продуктов и на этом построить свое материальное благополучие.

Отец женился на коренной сибирячке, крестьянке села Тюлькова Прасковье Даниловне Тюльковой, единственной дочери зажиточной вдовы. Вероятно, ее

мать, моя бабушка, передала свои небольшие средства в распоряжение моего отца, оказавшегося, как это выяснилось впоследствии, неплохим коммерсантом. Воспользовавшись благоприятными условиями и не имея конкурентов на поле местной коммерческой деятельности, отец удачными операциями быстро увеличил свой основной капитал. Для начала он открыл мелочную торговлю предметами первой необходимости: сахаром, солью, табаком, свечами, обувью и т. п. У населения он покупал хлеб, коноплю, масло, лен, мед, сырые шкуры и отправлял все купленное по реке Енисею зимой в город Красноярск для продажи.

Среди жителей мой отец пользовался полным доверием. Многие зажиточные хозяева привозили и сдавали ему в кредит продукты своего хозяйства, получая расчет лишь тогда, когда отцу удавалось ликвидировать сданные ему продукты. Такая постановка дела не требовала большого оборотного капитала. А дело было выгодное, и значительные барыши приумножали капитал моего отца. К тому времени, как я стал себя помнить, отец считался в Ачинском и Минусинском округах крупным капиталистом. Торговал он тогда главным образом скотом, покупая скот у местных жителей и у кочевых татар из степей Минусинского округа, славившегося скотоводством, и гнал скот гуртами на продажу в Красноярск. Не оставлял он и торговлю хлебом. Купленный хлеб отправлялся на пристани реки Енисея, где хранился в специально для этой цели построенных складах. Здесь же строились деревянные сплавные баржи, вместимостью каждая около 10 тысяч пудов. Каждую весну, в половодье, четыре-пять таких барж отправлялись в город Енисейск. Хлеб предназначался частично для единственного существовавшего там винокуренного завода Матониных, а частично для золотых приисков. В это время был самый разгар золотопромышленности в енисейской тайге.

Мои родители имели пятерых детей: троих сыновей и двух дочерей. Старшим был я, Иван Васильевич Кулаев, остальные – погодки. Когда мне исполнилось семь лет, отец взял для меня и подрастающих детей домашнего учителя. До десяти лет дети воспитывались дома, а затем отец отдавал нас в городские школы. Я поступил в 1868 году в только что открытую в городе Красноярске гимназию и проучился там до четвертого класса: отец, считая более полезным для меня изучение на практике торговой и промышленной деятельности, взял меня из гимназии и пристроил к собственному делу. Во мне отец нашел способного ученика и полезного помощника.

Первые два лета отправлял меня отец, в самый разгар работ, на золотой прииск «Богом дарованный», близ поселка Чебаки, принадлежавший его зятю Хворостову. Зимой я ездил за 700 верст в город Бийск, в районе которого служащими отца производилась закупка скота; славились там необычайно крупные быки. Первоначально скот покупался у киргизов, верст за 200 или 300 от Бийска, вблизи города Верного, потом гурты купленного скота гнали в окрестности Бийска. До весны скот кормили сеном и солью, а весной, приблизительно в апреле, голов по двести пастбищами перегоняли в Красноярск, куда скот приходил только в августе. Частично его продавали в Красноярске, но большая часть отвозилась на баржах по реке Енисею в город Енисейск, для золотых приисков.

Таким образом, в этих деловых моих поездках мне приходилось очень много работать; частые передвижения с места на место, в зависимости от торговых операций, оставляли мало времени для отдыха. Из этого видно, что отец меня не баловал, подготовляя к серьезной деловой работе в будущем.

Сделавшись состоятельным человеком, отец мой решил построить собственный дом. В версте от села

Тюлькова, на окраине деревни Атамановой, на берегу речки Журы, впадающей в большую реку Чулым, занял он не менее двух десятин земли и построил на этом участке большой, просторный двухэтажный дом, с огромным подвалом при нем, удобным – для склада товаров. Здесь, в этом доме, провел отец много лет своей жизни, здесь же прошли мои детские и юношеские годы.

До сих пор я почти ничего не сказал еще о своей матери. Мать моя была умным, скромным, исключительно отзывчивым человеком. Она пеклась, как могла, о крестьянах и болела душой об их нуждах. Ни одного крестьянина, привезшего из деревни хлеб на продажу, не отпускала она домой, не обогрев и не покормив у себя на людской кухне. Отец моей матери в этом никогда не сочувствовал. Мне, ребенку, казался он человеком несговорчивым и, в сравнении с матерью, черствым по отношению к крестьянской нужде.

Привозит, например, мужик для продажи, на четырех или пяти подводах, 100 пудов хорошо очищенной, просушенной на риге ржи. Цена на рожь стояла тогда годами твердая: 17–18 копеек за пуд, и потому мужик о цене не спорил. Вся беда заключалась в том, что мужику, для уплаты государственной подушной подати, до зарезу нужны были в данный момент 10–12 рублей наличными, а отец половину причитающейся мужику за проданный хлеб суммы, по заведенному им порядку, выдавал деньгами, а остальную сумму выплачивал товарами. За 100 пудов ржи полагалось уплатить 8–9 рублей деньгами и столько же товарами. Мужик, со слезами на глазах, вставая на колени, часами упрашивал отца дать ему необходимую для уплаты подати сумму деньгами. Крестьянину, за неплатеж государственной подати, угрожали строгие полицейские меры взыскания, вплоть до продажи чуть ли не последней принад-

лежащей ему живности, а продажа живности означала окончательное разорение. Но отец мой туго поддавался этим мольбам и просьбам. Я в те детские годы не мог без сострадания выслушивать жалобы крестьян и внутренне обвинял отца в жестокосердии. Но я не мог тогда, конечно, учитывать всех обстоятельств дела. Отказ иногда означает не жестокосердие, а просто отсутствие или ограниченность средств.

Трудно приходилось мужику-продавцу, но и положение покупателя было не из завидных. Емкость рынка была ограниченна, потребителя не было – излишки хлеба хоть в реку вали. Мой отец строил при усадьбе хлебные амбары, в которых ждал своего срока непроданный хлеб. С каждым годом этих амбаров становилось все больше, и за семь или восемь урожайных лет накопилось в них до 100 тысяч пудов хлеба. Но вот в 1869 или 1870 году, точно не помню, случился по всей Енисейской губернии неурожай. Возможность подвоза хлеба издалека исключалась, ввиду недостатков путей сообщений, и цены на хлеб росли с невероятной быстротой. Отец воспользовался обстоятельствами, выждал наивысших цен и продал весь свой запас, 100 тысяч пудов ржи, по 1 рублю 20 копеек за пуд винокуренному заводу Щеголевых, находившемуся в селе Езагаже, на берегу Енисея, в 70 верстах от Тюлькова. Хлеб принимался на месте, то есть со складов моего отца. Эта операция принесла отцу 100 тысяч рублей чистой прибыли, сразу сделав его богатым человеком.

Со всех сторон после этого посыпались заманчивые предложения моему отцу заняться золотоискательством: в округе было много богатых золотых россыпей. Предложения эти не нашли, однако, отклика в моем отце: был он человек осторожный, наученный жизненным опытом, и считал золотопромышленность делом рискованным, зная, что многие теряли в этом деле свое

последнее достояние, а обогащались только некоторые счастливцы.

Из ранних детских моих лет я сохранил еще воспоминание, что отец мой начал водить знакомство с жившими в нашем крае поляками, сосланными туда после Польского восстания 1863 года. Среди них встречались люди со средствами. Некоторые ссыльные основали колбасные фабрики и, при участии моего отца, начали выработку сальных свечей.

ДВА СОБЫТИЯ В НАШЕЙ СЕМЬЕ

Вспоминаются мне два случая, взволновавшие всю нашу семью. Мне было тогда лет девять, а старшей сестре около десяти. Отец повез нас на сплавных барках по Енисею отдавать в школы. Сестру Вассу он устроил в школу при женском монастыре в городе Енисейске, где для приезжих с округа девиц имелся интернат, а местные девочки были приходящими, так как других женских учебных заведений в городе не было. Монастырская школа славилась хорошей постановкой учебного дела; в ее программу было включено обучение рукоделию, и в ней строго следили за нравственным воспитанием детей. Надо сказать, что все более или менее состоятельные жители Енисейска воспитывали своих детей в этой школе. Около года уже моя сестра жила в этом монастыре, когда случилось одно несчастное происшествие. Один из промышленников с низовьев Енисея, из города Туруханска, привез партию соленой рыбы, нельмы и осетрины, и подарил несколько пудов этой рыбы монахиням, а те накормили ею своих воспитанниц. Рыба оказалась недоброкачественной, и все девочки, без исключения, заразились глистами. Форма заболевания была тяжелой, две или три девочки умерли. Сестру мою взяли из интерната, и она потом долго, почти два года, не могла оправиться от этой болезни.

Конечно, печальный результат этого случая необходимо было отнести за счет плохо организованной в 60-х годах прошлого столетия медицинской помощи, особенно в захолустных городах Сибири.

Второе событие заключало в себе отчасти элементы комизма. В те давние годы, даже в таких крупных торговых центрах, каким был Енисейск, не существовали еще банки и переводные конторы. Деньги, вырученные

в Енисейске и Красноярске от продажи хлеба и других продуктов, приходилось возить при себе. Случилось и отцу моему везти с собой 38 тысяч денег: 28 тысяч было кредитными билетами разного достоинства и 10 тысяч в государственных процентных бумагах. Приехав в город Ачинск, отец остановился в доме наших родственников Хворостовых. Дом стоял на берегу реки Чулыма, на окраине города, в соседстве с широко раскинувшейся березовой рощей, принадлежавшей городу. Хворостовы с радушием встретили отца и отвели ему весь верх, никем не занятый, своего обширного двухэтажного дома. Сами они жили внизу. Отца сопровождали двое служащих.

Когда путешественники въезжали во двор, вместе с ними туда вошел симпатичный с виду монах, в приличном одеянии. Монах оказался очень предупредительным, помог вынести из экипажа вещи моего отца и разговорился с ним, сказав, что он часто бывал у него в доме и хорошо его знает. Отец был уверен, что монах этот – хороший знакомый Хворостовых, а у Хворостовых сложилось представление, что монах приехал вместе с отцом. По обычаю, хозяева хорошо угостили своих гостей; монах тоже был приглашен к общему столу. Подошла ночь, и гости отправились ко сну. Служащие отца, вдвоем, заняли одну комнату, отец вторую и монах третью. Среди вещей отца находились две шкатулки: одна побольше, с деловыми бумагами, вторая, поменьше, – с деньгами и процентными бумагами. Монах, помогая отцу вносить вещи, видимо, заприметил эти шкатулки. Отец, ложась спать, поставил большую шкатулку на сундук, который находился в его комнате, а маленькую запрятал за сундук; устав с дороги и утратив поэтому обычную свою бдительность, он не принял каких-либо особых мер предосторожности и, едва лишь коснувшись головой подушки, заснул креп-

чайшим сном. Ночью в комнату отца пробрался монашек, захватил полюбившуюся ему маленькую шкатулку и, никем не замеченный, спокойно ушел.

Утром, обнаружив пропажу ценной шкатулки, отец мой поднял тревогу. Поставлена была на ноги вся городская полиция, поскакала по дорогам, разбегавшимся в разных направлениях, погоня. Рвение преследователей подхлестывала надежда получить щедрую награду за обнаружение преступника. Но все усилия оказались напрасными: монашек точно в воду канул.

Как выяснилось потом, он спустился ночью к берегу реки Чулыма, переправился на лодке через реку и, не заходя ни в одну из встречавшихся на пути деревень, стороной от дороги пробрался до города Мариинска, пройдя, таким образом, расстояние в 150 верст. В городе он зашел в кабак, спросил бутылочку водки – «варначка» – и закусочки. Быстро развязала водка язык голодному монаху: захмелев, он пустился в разговоры с целовальником и за разговором не заметил, что какой-то солдатик утянул у него из-под носу заветную шкатулку.

Служивый, не медля, побежал со своей добычей на берег реки и там камнями разбил шкатулку. Кредитные билеты мелкого достоинства солдат запрятал в голенища сапог, а с крупными, не видев их никогда раньше и не представляя их ценности, отправился в полицию с заявлением о находке. В полиции солдата обыскали, обнаружили припрятанные им деньги и до выяснения дела посадили в тюрьму. Дело «выяснили» так хорошо, что вместо 38 тысяч в шкатулке осталось всего только 600 рублей.

Отец мой поехал с жалобой на творившиеся в местной полиции беззакония к губернатору в Томск. Губернатор, ознакомившись с обстоятельствами дела, принял энергичные меры, немедленно послав в

Мариинск своего чиновника для обследования. Солдат рассказал следователю в присутствии отца несложную историю о том, как перешла к нему злополучная шкатулка, и показал, что, кроме денег, запрятанных в голенища, принес он в полицию большую пачку бумаг. По словам солдата, пальцы рук не сходились у него, когда он пробовал охватить ими пачку принесенных бумаг. Пристава отдали под суд, но денег в результате все же не доискались.

Отец настолько расстроен был происшедшим, что готов был покончить с собой. Украденные деньги составляли в то время весь его капитал, все, чем он располагал. Спокойнее к потере отнеслась моя мать. Она убеждала отца взять себя в руки и говорила ему:

– Ведь не деньги нас нажили, а мы их! Мы деньги наживали, когда нас еще и не знал никто. Теперь Кулаев известен, Кулаеву теперь доверяют и мужики, и купцы, хозяйство у нас большое – как-нибудь изживем постигшее нас несчастье. Да и о детях наших подумать надо…

Постепенно отец внял настойчивым доводам и уговорам матери, одумался и успокоился. Крепко запомнил я, тогда совсем еще малыш, внезапно свалившееся на нашу семью это горе.

ИЗ МОИХ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Часто рвется непрочная нить воспоминаний – стараюсь записать все всплывающие из прошлого отрывки моей жизни. Было мне тогда четыре или пять лет. Кто-то посадил меня на спину громадного, но смирного, выезженного сойотского быка. Моему детскому воображению бык этот показался величиной по меньшей мере с гору. И до сих пор помнятся мне его саженные, загнутые вниз полумесяцем рога.

История появления этого быка у нас такова. Примерно в 1862 году отец организовал разведочную экспедицию из города Минусинска в верховья реки Енисея на приток его, реку Ус, расположенную вблизи пределов Китая. Население Усинского и смежного с ним Урянхайского края составляли кочевые туземцы, которых русские называли сойотами. Наша экспедиция, преследовавшая коммерческие цели, вывезла из Усинского края, спустившись на паромах вниз по Енисею, сойотских чудо-быков двух разновидностей: во-первых, быков, поражавших своими необычайными размерами, и, во-вторых, быков с распущенными, как у лошадей, хвостами.

Экспедиции пришлось преодолеть значительные трудности, операция оказалась в результате убыточной, и впоследствии отец не возобновлял попыток наладить торговлю с Усинским краем. Но восемь лет спустя, приблизительно в 70-х годах, вдоль реки Ус появились уже русские заимки. Некоторые из заимок принадлежали моим знакомым, минусинским коммерсантам, братьям Сафьяновым, братьям Бяковым и другим, стремившимся завязать торговые сношения с новым краем. Попытки эти увенчались успехом.

Помню, что среди своих торговых забот и трудов отец не переставал интересоваться литературой,

выписывая газеты и журналы. В памяти у меня сохранились названия некоторых из них: «Сын Отечества», «Нива», «Русский вестник», «Дело». В последние годы своей жизни, после двадцатилетнего перерыва, отец возобновил переписку со своими родными и послал им в подарок сибирских соболей. Не остались в долгу перед нами и родственники: мать моя получила от них на память богато вышитый позументом малороссийский кокошник, который и по сию пору хранится мной как воспоминание о тех давно минувших днях…

Я уже упоминал, что 1868 году отец повез меня с сестрой по Енисею на барках отдавать в школу. Как сумею, постараюсь поделиться первыми своими дорожными впечатлениями. Началось путешествие от пристани Даурской, расположенной на 150 верст выше Красноярска по реке Енисею. Даурская славилась выращиванием в больших количествах прекрасного по качеству табака и постройкой барж для сплавки хлеба. Суровая красота тех мест производила на путешественника неизгладимое впечатление. На протяжении 150 верст сплошной стеной тянулись почти отвесные красивые скалы, состоявшие из разнообразных и до странности правильных горных пород. Скалы эти поросли сверху величественным хмурым лесом. Днем барки продвигались вперед, а к ночи приставали на ночлег к берегу. Берег был крутой, и сразу от него начиналась глубокая вода. После ограничивавшего нашу свободу двенадцатичасового плавания на барках мы, дети, с нетерпением ждали момента ночного привала. С утра уже росло в нас непреодолимое желание бегать, прыгать, двигаться… И вот на одной из остановок, не успели еще матросы как следует укрепить сходни, как моя десятилетняя сестренка устремилась на берег. Я решил не отставать и бросился следом за ней, но потерял равновесие и бултыхнулся на глубоком месте в во-

ду. Течение потянуло меня под барку, и мне пришлось бы плохо, если бы один из матросов самоотверженно не бросился за мной. Матросу удалось быстро настичь меня, схватить за волосы и подтянуть к берегу, где нас обоих, спасителя и спасенного, благополучно извлекли из воды.

В дальнейшем путешествие наше протекало без особенных происшествий, доставляя нам, детям, много разнообразных и приятных впечатлений.

В Красноярске меня поселили на квартире директора только что основанной гимназии, Красикова, который взялся подготовить меня для поступления в эту гимназию. Экзамены я выдержал, и началось мое гимназическое учение. Успехами в науках я похвастаться не мог. Арифметика и география давались мне без особого труда, но грамматика и история отравляли порядком мое существование и лишали радости жизни. Я был искренне рад, когда отец потом взял меня из гимназии и начал постепенно вводить в круг практической деятельности. Опыт и знания, приобретенные мной под руководством моего отца, оказались весьма полезными для меня в будущем.

НОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ МОЕГО ОТЦА. ЕГО КОНЧИНА

Отец мой, составивший себе определенное отрицательное мнение о горных промыслах вообще и о разработке золотых россыпей в частности, не мог все же и сам удержаться от соблазна попытать свое счастье в этой совершенно чуждой для него отрасли промышленности. В то время, неизвестно откуда, вынырнул некий майор Мелин, сделавший несколько заявок на медные рудники, расположенные в наших местах, в Ачинском и Минусинском округах. Было это в 1875 году. Мелин не жалел слов, рисуя заманчивые перспективы моему отцу и соблазняя его высокими дивидендами на затраченный капитал и возможностью постоянного, на многие годы обеспеченного заработка. Старания Мелина привлечь к делу моего отца, как наиболее известного в крае капиталиста, увенчались наконец успехом. В январе 1876 года в Красноярске был заключен нотариальный договор между Мелиным и моим отцом, по которому отец приобрел на мое имя право половинного участия в медных рудниках, отведенных правительством Мелину и уже утвержденных за ним.

Не теряя времени, приступили к оборудованию этого первого в Сибири медеплавильного завода. Он построен был в Ачинском округе, на быстрой горной реке Печище, в 8 верстах от хорошо известного Божьего озера. По одну сторону завода на сотни верст тянулась первобытная тайга, с густыми сосновыми и лиственничными лесами; по другую сторону, тоже на сотни верст, раскинулась Минусинская степь, в которой, как огромные чаши, блестели зеркальной поверхностью горько-соленые озера. Не забыть среди них тому, кто хоть раз его видел, озера Шира. Верст 15 ок-

ружностью, глубиной не менее тысячи футов, озеро Шира поражало прямо-таки кристальной прозрачностью своей воды, без всяких водорослей: вода в нем была минеральная, серно-соленая, и, вероятно, из-за свойств этой воды водоросли там не водились. Дно озера было выстлано гладко отшлифованными самой природой сланцевыми плитами, поверх которых тонким слоем лежал черный железистый песок, называемый на языке золотоискателей шлифом. Шлиф – это верный признак присутствия золота, неизменный его спутник.

На озере Шира был расположен большой казенный курорт, со специально оборудованными ваннами. Купание в озере было настолько приятно, что могло бы поспорить с купанием на известных морских курортах Франции и Италии. В 200 саженях от этого глубокого горько-соленого озера, где отсутствовала всякая растительная и животная жизнь, значительно выше его, было расположено другое озеро, версты 3 в окружности, не столь глубокое, с чистой пресной водой и обилием рыбы. Водопровод, проложенный на протяжении 200 сажен, снабжал курорт питьевой водой из пресного озера. Последнее было окружено пологими холмами, поросшими сосновым и березовым лесом. Местность эта получила вполне заслуженное название Сибирской Швейцарии. К этому курорту я еще вернусь впоследствии, а пока продолжу рассказ о заводе.

Итак, с января 1875 года два компаньона, Мединг и мой отец, энергично принялись за постройку завода, совершенно нового в крае предприятия. Обычно заводское оборудование приходилось выписывать из промышленных районов России или из-за границы, что, принимая во внимание плохую организацию транспорта, сопровождалось большой потерей времени. Компаньонам посчастливилось купить на Урале и

доставить в сравнительно короткий срок паровую машину. Эта машина служила двигателем зимой, водяное колесо – летом. Для подачи воды из реки к колесу тянулись на 3 версты водоприемные деревянные сплотки, высотой в аршин и шириной примерно в сажень. На заводе работали четыре небольшие домны. Небольшие размеры их обуславливались химическим составом руды, которая оказалась, по исследовании, труднoплавкой.

Завод был пущен в ход в августе того же года. А в июле, не дожив до начала работы завода, умер от чахотки главный инициатор и вдохновитель предприятия, майор Мединн. Отец, после выплавки первой тысячи пудов меди, отправил металл гужом в Томск, куда выехал затем и сам, чтобы наладить дальнейшую переотправку меди в Москву, единственный в то время рынок сбыта. В ноябре, возвращаясь на завод, отец простудил по дороге голову; два дня после этого он еще пробыл на заводе. Почувствовав себя сильно нездоровым, он собрался домой, в село, за 150 верст от завода; я находился в это время на заводе. Через четыре дня прискакал нарочный: меня спешно вызывали домой, к отцу. Я тотчас же выехал, но не застал уже отца в живых и поспел только на его похороны.

Оказалось, отец, вернувшись домой, прежде чем послать за доктором, весь в жару, с воспаленной головой, пошел в горячую баню попариться и этим сильно ухудшил свое состояние. Призванный доктор уже ничем ему помочь не мог. Через два дня после бани, не в силах побороть болезнь, отец мой скончался.

НАЧАЛО МОЕЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В семнадцать неполных лет я волею судьбы оказался хозяином и руководителем ряда коммерческих предприятий, среди которых находилось новое заводское хозяйство, еще не окрепшее и не устроенное. При жизни отца, по его желанию, я знакомился главным образом с промышленной деятельностью. Работа в области промышленности требовала знаний и богатого, годами приобретаемого опыта. Но даже и мой опыт, несмотря на его непродолжительность, давал мне известную опору. Не обошлось, конечно, без ошибок, в коих виноваты были моя молодость и излишнее доверие к людям; за это доверие приходилось расплачиваться.

Торговые дела отца были незначительны, я ими не интересовался и после смерти отца окончательно их ликвидировал. Отчасти этому способствовала неудача, постигшая меня на первых же порах моей коммерческой деятельности. На пристанях Енисея отцом были заготовлены три баржи: две с зерном и одна с мукой, предназначавшиеся к отправке в Енисейск. Отец, задолго до своей смерти, договорился с местными рядчиками, которые за свой счет строили сплавные баржи, грузили их зерном и направляли их к месту назначения. За каждый доставленный пуд муки или зерна им уплачивалось 10 копеек. На мое несчастье, две баржи потерпели крушение; одна из них, с зерном, села на мель. Целую неделю примитивными способами стаскивали эту баржу с мели и настолько расшатали ее корпус, что она дала сильную течь. Зерно, конечно, подмокло и погибло. Другая баржа, с мукой, на быстрине каменистого порога ударилась о скалу, разбилась и затонула.

Таков был результат моей начальной коммерческой деятельности. Мне явно не везло, потому что этим же

путем, в течение десяти лет, эти же люди благополучно водили баржи с хлебом, принадлежавшим моему отцу. Тогда я совершенно отказался от торговой деятельности и всецело посвятил себя горному делу.

СУДЬБА НАШЕГО МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА

Оборудование медеплавильного завода, несмотря на разумную экономию и хозяйственность, обошлось в 150 тысяч рублей. За три года моей эксплуатации завода я вложил туда дополнительно еще 50 тысяч рублей. Содержание меди в руде на всех рудниках завода было вполне удовлетворительно, но инициаторами предприятия не было учтено, что в Сибири, кроме условий производства, немаловажное значение имели вопросы транспорта. Место добычи металла лежало далеко от рынков сбыта, и, чтобы попасть к месту назначения, нужно было проделать длинный путь. Медь отправлялась в Томск гужом, на крестьянских подводах, за 400 верст – 150 верст проселочными дорогами и 250 верст Московским трактом; лошади шли в непролазной грязи, почти по бездорожью. Только горькая нужда могла заставить крестьянина за ничтожную плату выполнять такой тяжелый труд. Но им надо было сколачивать копейку для оплаты государственных податей, а кроме извоза, заниматься было нечем.

От Томска медь шла на пароходе по Оби до Тюмени, а оттуда снова на лошадях, в тех же тяжелых условиях русского бездорожья, 400 верст до Перми. В Перми начиналась железная дорога, связывавшая Урал с Москвой, и до Москвы медь транспортировалась уже по железной дороге. Таким образом, полгода требовалось, чтобы доставить металл в Москву. В Москве медь продавалась по 14 рублей за пуд; транспортные издержки превышали 4 рубля с пуда.

Пришлось встретиться и с другими трудностями. На месте, в Сибири, не нашлось рабочих-специалистов: не было штейгеров, формовщиков, и особенно остро ощущался недостаток специалистов по

плавке металла. Рабочих привозили с Урала на лошадях, что отнимало много времени и стоило больших денег. Само собой разумеется, что рабочие уезжали в Сибирь на значительно повышенное жалованье. Не всегда удавалось сделать подбор нужных людей. Все это, вместе с тяжелыми условиями транспорта и несовершенством технического оборудования, делало, в общем, наше предприятие почти бездоходным. Правда, третий год моей деятельности на заводе удалось закончить без убытка.

Весьма многим в успешной работе завода я был обязан управляющему заводом, Евсею Егоровичу Глотову, который был приглашен с Урала еще Мединым. Е. Е. Глотов получил образование в Екатеринбургском техническом училище, был знающим химиком, с богатым опытом по медеплавильному делу, и, вдобавок ко всему, исключительно порядочным человеком. У него был брат, Николай Егорович Глотов, и оба они выгодно выделялись среди других своими способностями и одаренностью. Н. Е. Глотов в Иркутске основал и управлял большим железоплавильным заводом на реке Ангаре, принадлежавшим М. Д. Бутину, а позже был владельцем пароходов по рекам Лене, Витиму и Ангаре.

Евсей Егорович Глотов представлял движущее начало на нашем заводе, который он любил, как собственное детище, и которому был предан всей душой. Но редкая доброта и гуманность Евсея Егоровича, являясь большими достоинствами его как человека, мешали работе его как управляющего заводом. В управляющем эта доброта и отзывчивость, граничившие со слабохарактерностью, превращались в недостатки, так как из-за них страдало и дело.

Дальнейшее развитие предприятия требовало увеличения капитала, который нужно было вкладывать в

дело, а капитала у меня не было. И в 1878 году наше горное предприятие, тогда уже зарекомендовавшее себя с лучшей стороны, пользовавшееся доверием и имевшее в перспективе блестящее будущее, пришлось сдать в аренду. Арендатором явился занимавший первое место среди миллионеров Сибири Я. А. Немчинов, из города Кяхты, действовавший через своего зятя, иркутянина Дмитрия Алексеевича Чернядьева. По контракту арендатор обязался уплачивать владельцам, то есть мне и наследнице Медина, по 1 рублю с пуда выплавленной меди, с обязательством добывать меди не менее 30 тысяч пудов в год. Но если бы даже меди было добыто и меньше, арендатор все равно должен был бы выплачивать нам 30 тысяч рублей в год.

На первых же порах дело пошло у Чернядьева неважно. Прежде всего он уволил управляющего заводом Глотова, найдя его недостаточно технически образованным для руководства крупным заводским делом. Чернядьев, очевидно, совершенно не хотел считаться с тем фактом, что Глотов три года боролся за жизнь завода, за улучшение его производства, и боролся с успехом, о чем свидетельствовало финансовое состояние предприятия. Место Глотова заступили русские и иностранные инженеры. Многие из них, не сходясь с Чернядьевым во взглядах на постановку заводского дела, вскоре покидали службу и заменялись новыми. После двух лет деятельности Чернядьев доконал дело, похоронив в нем 500 тысяч рублей денег своего тестя. Аренду за первый год работы он уплатил, а за второй платить отказался. Пришлось обратиться в суд.

Суд послал Чернядьеву повестку через полицию, но благодаря дружеским отношениям, существовавшим между Чернядьевым и полицеймейстером, повестку в полиции задержали, давая тем самым Чернядьеву возможность с постоянного места жительства в Томске выехать в Екатеринбург. Видимо, Немчинову надоело

вкладывать деньги в не приносящие никаких плодов начинания своего зятя, и он решил отправить его на немудрое, но «хлебное» дело: быть представителем Товарищества промышленности по закупке товаров для исключительно богатых в то время Олекминских и Бодайбинских золотых приисков. Товарищество промышленности приносило его участникам, иркутским миллионерам Сибирякову, Трапезникову, Немчинову, не менее одного миллиона прибыли ежегодно.

Меняя место жительства, Чернядьев рассчитывал на судебную волокиту: могли пройти годы, прежде чем ему вручили бы судебную повестку. Действительность опрокинула, однако, все расчеты Чернядьева. Мой поверенный узнал о точном часе его отъезда из города и, не добившись никаких результатов в полиции относительно вручения повестки Чернядьеву до его выезда, обратился лично к губернатору с просьбой о законной защите моих интересов. Губернатор вызвал полицейского пристава и приказал ему немедленно отправиться с моим поверенным к Чернядьеву и вручить последнему повестку. Повестка была вручена в тот момент, когда он с семьей на экипажах уже выезжал со двора. Причитающиеся с него деньги Чернядьев уплатил немедленно и, раздосадованный своей неудачей, оскорбленный всем происшедшим, покинул Томск.

Скажу несколько слов о Немчинове. Он, верно, родился в счастливой рубашке: за что бы он ни брался, все давало в конце концов доход, все росло и приумножалось. Он был одним из крупнейших миллионеров во всей Сибири. Не покидал его успех и в семейной жизни: он имел счастье быть отцом одиннадцати дочерей. Единственный сын его был, к сожалению, умственно недоразвит от рождения. Дочери в девушках не засиживались; да и как было им не найти женихов, если за каждой из них давался в приданое один миллион золотых российских рублей!

НАЧАЛО МОЕЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как только завод был сдан в аренду, я всецело отдался золотопромышленной деятельности. Впервые, на двадцатом году своей жизни, я заарендовал у бывшего уральского богача, жителя Невьянского завода, Петра Евдокимовича Богомолова, прииск Солгонский, по притоку Белого Уюса, в ачинской тайге. Сдать прииск в аренду Богомолова вынудили следующие неблагоприятно сложившиеся для него обстоятельства. П. Е. Богомолов, отец двоих серьезных, ставших уже на собственные ноги сыновей, имел почти монопольную торговлю железом. Покупая железо и железные изделия на уральских заводах, он транспортировал их в центр Сибири, в Томск, где располагались принадлежавшие ему вместительные склады. Со складов товар расходился по другим городам, селам и золотым приискам. Ничто, казалось, не могло поколебать благоденствия семьи Богомоловых, ее прочного независимого материального положения.

Гром грянул с ясного неба. Один из сыновей, Иван, увлекся золотопромышленностью, не в меру зарвался и потерял в результате миллион рублей. Второй сын, Михаил, жил постоянно в Томске и руководил продажей железа, одновременно управляя богатыми золотом Солгонскими приисками, которые приносили в год минимум 50 тысяч рублей чистой прибыли. К числу многочисленных функций Томской конторы Богомолова относился также взнос подесятинной подати – несколько сот рублей в год. В один роковой для них год Михаил Богомолов, по обыкновению, внес эту подать. Квитанцию о взносе ее следовало представить, к определенному сроку, окружному инженеру, ведающему горными делами. В конторе забыли отослать квитанцию по назначению, и, согласно закону, прииск был зачислен в казну.

Управляющий прииском, ничего не подозревая, затратил за зиму несколько десятков тысяч рублей на обстановку прииска. Добыча россыпного золота начиналась с мая месяца. В начале мая на прииск приехал окружной инженер, вызвал управляющего и обратился к нему с вопросом:

– Что вы, уважаемый, тут изволите делать?

– Как что? Приступили вот, по обыкновению, к добыче золота.

– Ах, значит, вы приступили к добыче золота? Так-так. А знаете ли вы, что за эту самую добычу вас следует, как хищников, отдать под суд?

Дальше инженер объяснил изумленному управляющему, что, вследствие несоблюдения законных формальностей, прииск зачислен в казну и предназначается к продаже с торгов. Работы были немедленно приостановлены, 150 рабочих, привезенных на прииск, пришлось уволить. Убытки по ликвидации работ выразились в сумме не менее 50 тысяч рублей. Начался суд. Более четырех лет бездействовал прииск. Богомоловы тяжбу выиграли, но окончательно разорились, и над делами их была назначена администрация.

С Михаилом Петровичем Богомоловым мы были добрыми знакомыми. Заручившись протекцией со стороны Михаила Петровича, я поехал на Урал, в Невьянский завод, к его отцу, и взял у него в аренду его Солгонский прииск. Вначале дела мои пошли удачно: на добычу золота первые три года жаловаться не приходилось. Но спустя три года запас золота иссяк: не выработанная Богомоловыми площадь с запасом золота была невелика. Первоначальный успех воодушевил меня. Во мне крепла уверенность, что мне удастся найти золотые россыпи, которые обогатят меня. Я с увлечением предался этому делу: приобретал прииска в собственность, брал их в аренду, производил разведки

новых золотоносных площадей в различных районах ачинской, минусинской и мариинской тайги, но все напрасно. Мои старания успехом не увенчались, и я решил перенести свою деятельность в другие места.

НА АЛТАЕ

После пятнадцати лет беспрерывной кипучей деятельности я оказался буквально у разбитого корыта: после ликвидации всех моих дел у меня на руках осталось всего 2 тысячи рублей. Надо было что-то предпринимать. Я кинулся искать счастья на Алтай, на прииски, принадлежавшие Кабинету его величества. Главное управление приисками, заводами и безграничными пространствами кабинетских земель находилось в Барнауле. Все эти земли, прииски и заводы, с сетью административных учреждений, составляли своеобразное государство в государстве. Контора, ведавшая специально горными делами, обосновалась в районе добычи золота, в селе Егорьевском, в 100 верстах от Барнаула. В прежнее время население Егорьевского сплошь состояло из крепостных, приставленных к горному делу. С момента освобождения от крепостной зависимости многие из них занялись сельским хозяйством; другие обратились в старателей. Старатели искали золото где хотели, применяя при добыче его самые примитивные способы. Контора приисков принимала золото по 2 рубля 50 копеек за золотник, на вольном же рынке золотник стоил четыре рубля пятьдесят копеек. Из-за резкой разницы в цене приблизительно половина золота расхищалась, уходя на сторону. С этим хищничеством пытались бороться. Были наняты специальные служащие, получившие название объездчиков, которые, объезжая места работ, должны были контролировать добычу золота; но эта мера не принесла желаемых результатов по двум причинам: во-первых, вследствие разбросанности участков работ, во-вторых, потому, что крупные артели, которым удавалось добыть значительное количество золота, находили более выгодным для себя дать объездчику взятку. Часто сумма взятки опре-

делялась в процентном отношении к добытому золоту. Кроме объездчиков, других контролеров не было, поэтому артели знали, что никто их больше тревожить не станет.

На должности управляющего конторой находился, как это ни странно, не горный инженер, а военный, полковник Хлопин. Рассказывали, что горные инженеры страдали дрожанием рук, вероятно, из-за расстроенных нервов, и при ссыпке золота в казенные кружки много его туда не попадало. Полковник Хлопин слыл честнейшим человеком, к тому же совершенно не «нервным». Он был добр и справедлив, но, к сожалению, страдал одним недостатком: больше всего на свете любил он горькую и, выпивая ежедневно, еще от трех до пяти дней в месяц находился в состоянии полного запоя. По приезде на Алтай я обратился к полковнику Хлопину, с которым был знаком, откровенно рассказал ему о своем настоящем положении и просил дать мне один из старых кабинетских приисков, где разработка была уже прекращена. Хлопин очень внимательно отнесся к моей просьбе и предоставил мне право занять любой из старых приисков, расположенных в управляемом им районе, но рекомендовать какой-либо из них отказался, честно сознавшись, что приисков он не знает. Я остановил свой выбор на речке Тайлы, в 12 верстах от Егорьевского. После того как прииск был оставлен Кабинетом, никто, даже старатели, не пытался заняться его разработкой. На Тайлах я поставил небольшие работы хозяйственным способом. Выбор мой оказался удачным: добыча золота, в отношении затраченного капитала, была вполне удовлетворительной, но, получая от Кабинета за золотник добытого золота не 4 рубля 50 копеек, а только 3 рубля, я на большую прибыль рассчитывать не мог. За три года я заработал чистыми 15 тысяч рублей.

Случилось, что в это время прошел слух об открытии золота на маленькой речушке Каянче, притоке Катуни, в 200 верстах от Барнаула. Среди гор, в сосновом лесу, на Каянче обосновался богатый старообрядческий поселок, существовавший, вероятно, с тех пор, как старообрядцы, лет сто назад, забрались в эту глушь, спасаясь от религиозных гонений. Хлопин предложил мне поехать вместе с ним на место вновь открытых золотых россыпей и организовать там работы хозяйственным способом, потому что ему было бы трудно следить за добычей золота в том случае, если бы разработку этой россыпи взял на себя Кабинет.

Когда мы добрались до нужного нам места, то там узнали, что поселянам-старообрядцам о золоте известно было давно, может быть, уже десятки лет. Золото залегало по отлогому берегу Каянчи, который весь был застроен домами и службами зажиточных крестьян. Много лет назад, вкапывая столбы для риг, крестьяне обнаружили золото, но строго хранили свою находку в тайне, опасаясь, что если какими-нибудь путями о находке станет известно горному управлению, то поселок снесут и годами нажитое благосостояние их лопнет, как мыльный пузырь. Тайны, однако, все же не удалось сберечь. Прослышал о ней поселившийся в поселке один горнорабочий и донес в Барнаульское горное управление, по обыкновению несколько преувеличив размеры золотого богатства, схоронившегося по речке Каянче.

Со времен крепостного права многое в России изменилось. В прежние годы «убрать» крестьян с места их постоянного жительства не представляло никаких затруднений, но теперь все было иначе: не говоря уже о внушительной сумме компенсаций переселенцам, в перспективе намечался бесконечный ряд неприятностей. Таким образом, с деловой точки зрения мы съез-

дили впустую, зря, но поездка сама по себе была очень хороша. Что за красавица Катунь! Как звенят и шумят в горах водопады ее притоков! Как величественны горы с шапками вечного снега на их вершинах! А над горным хребтом царит Белуха, высотой 25 тысяч футов над уровнем моря… Дорогу, по которой пришлось нам ехать до китайской границы, следовало бы правильнее назвать тропой, а нашу поездку по ней – очень и очень нелегким спортом.

Итак, я вернулся обратно на Егорьевские прииска. Впереди не видно было для меня никаких перспектив. Я все же не пал духом и решил снова попытать счастья на золоте, в этот раз в глубине Алтая, в 150 верстах от Бийска. Кабинет его величества отдал там в разработку двум большим компаниям целые районы на Алтае. Одну компанию представительствовали генерал Асташев и Гинзбург; во второй, под фирмой Мальцева, объединились исключительно высокопоставленные лица. Добыча золота велась в крупных масштабах, с затратой больших капиталов. Район работ сосредоточивался преимущественно по системе рек Мрасы, Кондомы и Лебедя. В момент моего приезда на прииски обе компании могли похвалиться успешностью своих работ. Каждая из них добывала ежегодно 40 пудов золота, но вряд ли пайщики извлекали из этого какую-нибудь пользу: слишком велики были расходы по предприятию.

Главноуправляющими в компаниях служили люди с крупными именами и многолетним опытом в золотопромышленности: мои хорошие знакомые, бывшие минусинские золотопромышленники Баллод и Шмотин у Мальцева, а у Асташева с Гинзбургом – Самохвалов и Ветринский. Они обещали мне свое содействие, поскольку, конечно, это будет в их силах.

На берегу реки Кондомы раскинулся ряд строений. Это были: Главное управление приисков, резиденции

управляющих, дома служащих, контора, больница и церковь – целый маленький городок. Этот городок я и избрал временным местом своего жительства. В 2 верстах от городка, по маленькой речке Правая Солдатка, производила работы асташевская компания. Речку Левую Солдатку, которую они обследовали и нашли невыгодным разрабатывать, вследствие небольшого процентного содержания золота в песке и небольших его запасов, предложили взять мне. Я все же решился на риск, понадеявшись на русское авось. Результаты моих работ были весьма незавидны: в течение двух лет мне еле-еле удавалось сводить концы с концами.

Снова неудача. Снова нужно искать счастья где-то в новом месте. Я знал, что в Амурской области большие работы по добыче золота производились тогда двумя компаниями: «Зейской» и «Верхнеамурской». У меня там тоже были знакомые: управляющий Зейскими приисками, красноярец Митрофан Алексеевич Субботин, был моим хорошим приятелем. Познакомился я с ним, когда он служил в компании «Родственной», владевшей золотыми приисками в енисейской тайге. Я написал ему, и Субботин в ответ на мое письмо сообщил, что он охотно поможет мне всем, чем только сможет.

Итак, я должен был покинуть Западную Сибирь, такие близкие сердцу, хорошо знакомые, родные мне места, где я долго жил и трудился и где все труды мои не принесли мне, к сожалению, никаких плодов. С горечью в душе собирался я в путь на далекий Амур.

В ДОРОГЕ

Нашлись у меня и попутчики на дорогу: из Томска ехали несколько инженеров-горняков. Семьи их, оставшиеся в Томске, снабдили путешественников всякой всячиной. Чего-чего только тут не было: замороженные, разных сортов, пельмени, окорока чудеснейшей ветчины, телятины, баранины, жареная птица, мороженая стерлядь для строганины, зернистая осетровая икра, которая, кстати сказать, стоила тогда в Томске 50 копеек фунт, – всего не перечислишь. Путь предстоял не близкий, железной дороги не было, ехать надо было на лошадях.

Ехали мы приблизительно с месяц. Путешествие с хорошей, теплой компанией имело для меня положительные и отрицательные стороны. Несмотря на свои тридцать три года и на то, что я был одно время владельцем винокуренного завода в Мариинском округе, на реке Чулыме, я еще не проглотил до тех пор ни одного глотка водки. Приезжая на завод с ревизией, отхлебнешь, бывало, немного водки, чтобы узнать, насколько хорошо она очищена от сивушного масла, да и выплюнешь. Курить я тоже не курил и оставаться в накуренных комнатах не любил, хотя старовером и не был, а дело было в следующем. Когда отец отвез меня в Красноярск и сдал для подготовки в гимназию директору ее Красикову – мне шел тогда девятый год, – я встретил там товарища, одинакового со мной возраста. Однажды вечером директор принимал гостей; жена его принесла нам коробку гильз, с насыпанным в них уже табаком, и попросила заткнуть каждую гильзу ватой. Кто бы мог упустить столь удобный случай попробовать курения? Мы этого случая не упустили, и я так усердно использовал благоприятные обстоятельства, что впоследствии, в течение двадцати пяти лет, не мог

входить в накуренную комнату, даже в фойе театра или Общественного собрания.

Поездка в теплой компании отчасти научила меня курить и пить водку. Ехали мы по Сибири в февральские сорокаградусные морозы. Приедешь в деревню, после четырехчасового пребывания в кибитке на морозном свежем воздухе, и чувствуешь такой аппетит, что трудно устоять от соблазна хорошо поесть, особенно при наличии таких вкусных закусок, какие были у нас. А спутники мои, один перед другим, старались убедить меня выпить водки перед закуской, соблазнительно описывая ни с чем не сравнимое ощущение довольства и тепла, охватывающее человека после одного-другого глотка водки. Волей-неволей подчиняешься их убеждениям – отчего и не попробовать, в самом деле? На первый раз водка показалась неприятной и горькой, а дальше я начал действительно ощущать некоторую внутреннюю теплоту, приятно согревающую все тело. И вот так, в продолжение пути, я понемногу и привык к этому зелью. Даже и сейчас, при хорошей закусочке с приятелями, нет-нет да и пропустишь с удовольствием рюмочки две-три. Точно так же обстояло дело и с курением. Вначале я пытался обмануть сам себя: целый год не покупал папирос, все крепился, лишь изредка покуривая папиросы фабрики «чужого», но спустя год пришлось сдаться. На восьмидесятом году жизни, уступая человеческой слабости, выкуриваю все же не больше четырех папирос ежедневно, и то на сытый желудок, да изредка позволяю себе выпить; но, в общем, никогда в жизни не выпивал я зараз больше трех рюмок водки.

В СРЕТЕНСКЕ

Мои попутчики направлялись в город Сретенск, лежавший в верховьях Амура. Всего попутчиков было четверо: Кропачев с двоими взрослыми сыновьями и Ярославцев.

В недалеком прошлом управляющие кабинетскими Нерчинскими приисками, они покинули службу, увозя с собой крупные деньги, – покинули просто потому, что надоело служить, приелась одна и та же обстановка. Потом они с семьями переехали на жительство в культурный центр Сибири, город Томск, где начали собственное золотопромышленное дело. Но работать на богатых кабинетских приисках – одно, а быть собственником приисков – другое. Деньги скоро растаяли, и Кропачев с Ярославцевым, оставив свои семьи в Томске, ехали теперь обратно на кабинетские прииска, вновь устраиваться на казенную службу.

В Сретенске Ярославцев и Кропачев встретили прежних своих сослуживцев и знакомых купцов, которые, в память старых своих добрых отношений с ними, начали чествовать их обедами, приобщив к ним и меня, как их спутника. Таким образом, я приобрел сразу много новых знакомых. Между прочим, они убеждали меня не ездить сейчас на Зею, так как наступала весна, дороги ухудшались, а впереди лежали 1200 верст пути по льду Амура и Зеи. Возможность заняться золотопромышленностью на Зее, при отсутствии зимних заготовок, исключалась.

Чтобы не пропадало наступающее лето, сретенские мои доброжелатели советовали мне остаться в Сретенске и в компании с Шайдуровым, который взял на год золотой прииск в Нерчинском горном управлении, заняться разработкой этого прииска. Купец Шайдуров, крупный домовладелец, один из числа чествовавших

нас обедами, проработал год на этом прииске в убыток. Мои новые знакомые приписывали эту неудачу неопытности людей, возглавлявших предприятие, и уверяли, что при моем знании горного дела можно достигнуть благоприятных результатов. В конце концов я согласился поработать с Шайдуровым до осени, с тем чтобы осенью спуститься на пароходе вниз по Амуру, а затем подняться вверх по Зее, до Зейских приисков.

Итак, я остался в новом крае, чтобы еще раз попытать свое «золотое» счастье.

На прииске, о котором идет речь и который, кстати сказать, назывался «Енда», два года тому назад начал большие работы Кабинет и хорошо его оборудовал, но через год, понеся значительные убытки, работы прекратил, оставив на месте поставленные на участке строения и промывальные машины.

Мне предстояло вложить свои последние деньги в прииск, которого я и в глаза не видел. Прииск этот находился в 150 верстах от Сретенска. Чтобы попасть туда, нужно было проехать 100 верст вниз по Шилке и 50 верст в сторону Станового хребта, который служит водоразделом Олекминской и Амурской систем. Там же находились богатые Урюмские и Желтугинские прииска.

В этот раз моя совместная работа с Шайдуровым принесла нам все же некоторую прибыль: мы заработали за лето 2 тысячи рублей, поделив их пополам.

Работая на речке Енде, в версте от главного кабинетского Урюмского прииска, я познакомился с управляющим этим приском, Михаилом Ивановичем Нестеровым, и женой его, Евдокией Ивановной. Детей у них не было. Оба они были очень милыми, симпатичными людьми, любили общество, и оба, в особенности жизнерадостная Евдокия Ивановна, не пропускали случая перекинуться в картишки. Нестеро-

вы с неизменным вниманием и радушием принимали меня у себя в доме. Иногда придешь с работы усталый, разбитый, с желанием отдохнуть, а дома дожидается посланный, с запиской от Евдокии Ивановны: «Ждем партнера в винт». Как откажешь даме, да еще такой милой и веселой, как Евдокия Ивановна! Идешь, играешь в карты, слушаешь, о чем люди говорят, и сам говоришь.

Не знаю, по своей личной инициативе или вследствие распоряжения свыше, Нестеров по зимам вел поиски золота вне пределов кабинетских земель. Разведывательные партии с Урюмских и Бабинецких приисков посылались на казенные земли за Становой хребет, на север, в покати Олекмы. Нестеров не раз хвалился удачными результатами разведок вне пределов кабинетских земель, показывая крупные самородочки золота, добытого из пробных шурфов.

Однажды без всякого намерения, так, между прочим, я спросил у Михаила Ивановича:

– Что же вы, Михаил Иванович, закрепили эти участки, согласно уставу, за Кабинетом?

С горным уставом я был прекрасно знаком.

Нестеров почему-то принял мой вопрос за шутку. Он был твердо убежден, что для закрепления земель за Кабинетом достаточно было выставить явочные столбы с клеймами двуглавых орлов.

Разговоры на эту тему возникали у нас неоднократно. Я шутил:

– А вот я соберусь летом, поеду на места ваших открытий да и закреплю их законным порядком за собой. Отберу от вас золото и на орлов не посмотрю.

Разговоры эти были несерьезные. При моем материальном тогдашнем положении о такой поездке и думать не приходилось. Наступил июль. Против ожиданий, как я уже упоминал об этом, добыча золота

на Енде наладилась. В голове моей все чаще и настойчивее стала мелькать мысль о поездке. Манили новые края своими необъятными просторами, чудились запрятанные в раскинувшейся на сотни и сотни верст горной системе несметные сокровища… Жизнь на чужих приисках тяжело действовала на душу. Никаких перспектив в будущем, всегда висевшая над головой угроза, из-за человеческой алчности или каприза, лишиться работы на следующий год, положение приживалки в настоящем – все это укрепляло во мне мысль поехать и сделать заявку на золото.

ПОЕЗДКА В СИСТЕМУ ОЛЕКМЫ

Места предполагаемых заявок лежали за 75 верст от Урюма, но не бывавшему там человеку летом, на лошадях, туда нельзя было пробраться. Много топких долин лежало на пути, лошади не выдерживали трудной дороги, тонули в болотах. Приходилось ждать орочон с оленями.

Орочоны уезжали за 400–600 верст от Урюма на север в тайгу, с Амура на Витим, по направлению к Якутску, на охоту за зверем – месяцев на шесть и более. С богатой добычей, со всеми своими семьями и стадом оленей, численностью в 50–100 голов, возвращались они потом на прииск «Урюм», в торговые села Горбица и Кара. Шкуры убитых зверей они продавали, а на вырученные деньги покупали предметы первой необходимости: муку, чай, соль, табак, а затем снова исчезали в тайгу на шесть месяцев промышлять зверя.

Дождавшись партии орочон, возвращавшихся обратно в тайгу, я договорился с ними, чтобы они доставили меня с тремя рабочими на речку Тунгир, левый приток Олекмы, в район кабинетских разведок. Таким образом, без всякого шума, в компании орочон, владевших 50 оленями, я пустился в рискованную экспедицию. В пути оленями правили орочонки, а их мужья рано утром уходили на охоту в горы и возвращались только к вечеру. Путешествие совершалось очень медленно. В день уезжали не дальше чем на 15–18 верст: 8 верст вечером и 8 утром. Днем, в жару, олени не в состоянии были передвигаться и лежали в тени деревьев. По оленьим тропам, которые ведомы только одним орочонам, прошли мы путь в 75 верст в пять дней.

Достигнув намеченного места, я выполнил все требовавшиеся горным уставом формальности для заявки на золото; затем обмерил рулеткой площадь

облюбованного участка, вкопал явочные столбы и в бумаге на имя Иркутского горного управления указал приметы местности, упомянув, что на занимаемом участке видел столбы со знаками двуглавых орлов на них, но разведочной партии нигде поблизости не встретил.

Пять дней спустя я возвратился на Урюм опять с партией орочон, везших пушнину. Урюмская администрация, узнавшая о моем отъезде на Олекминскую систему, с тревогой ждала моего возвращения. В день приезда я получил письмо от М. И. Нестерова, который просил меня заглянуть к нему. При свидании я не стал отрицать факта поездки моей на места его разведок и заметил ему, что из поездки этой я никогда секрета не делал и в прошлом неоднократно ему об этом говорил. Если же он моим словам не придавал серьезного значения, отделываясь шутками и усмешками, то в этом не моя вина. Разговор наш велся в мирном, спокойном тоне. Михаил Иванович оправдывался тем, что не ему надо было беспокоиться о соблюдении формальностей по закреплению за Кабинетом прииска, а Нерчинском горному управлению, по распоряжению которого производились разведки и куда он исправно сообщал о достигнутых им результатах. В Нестерове крепло убеждение, что для его хозяина-государя общие правила и законы неприложимы. К действиям моим он относился скептически, в успешное завершение моих начинаний не верил и считал, что я без нужды создаю запутанное дело.

Несмотря на таковую свою уверенность, Нестеров сообщил все же обо всем происшедшем в Нерчинское горное управление. Новость эта свалилась туда как снег на голову и подняла бурю волнений. Брат Нестерова, инженер, начальник Нерчинского горного управления, очень близко принял к сердцу это известие. Пользуясь своим положением, он пытался создавать препятствия

на моем пути, посылал в Иркутское горное управление разведочный журнал с планами разведываемых местностей, указывал, что стоимость разведывательных работ за две зимы выразилась суммой в 30 тысяч рублей, и настаивал на том, чтобы отказать мне в заявке как незаконно воспользовавшемуся исследованными местами. Все предпринятое им, однако, оказалось напрасно. Иркутское горное управление просило указать закон, который давал бы ему право отказать человеку, подавшему первую заявку на свободные государственные земли. Закон гласил: «Кабинет оставляет за собой право заявлять и занимать свободные государственные земли, но не пользуется никакими преимуществами перед частными лицами». Согласно закону требовалось представлять сведения о разведывательной партии в Иркутское горное управление; следовало указать число лиц в партии, их фамилии, место отправления партии и т. п. Местность считается занятой, пока на участке находится разведывательная партия, и, коль скоро партия покидает участок, местность становится свободной, независимо от того, имеются на участке явочные столбы или нет. Этого правила Нерчинское горное управление не соблюдало, снимая на лето людей с разведывательных работ.

Несмотря на полную законность моих действий, у меня не было твердой уверенности в успехе. Копошилась в голове мысль, что, может быть, Нестеров и прав, может быть, действительно закон не про всякого писан и для власть имущих не составляло никакого труда отложить окончательное решение по моему делу на многие и многие годы.

НА АМУРЕ

На исходе лета, после окончания сезона работ, рассчитавшись с управлением прииска, я дружески простился с Нестеровыми и всем штатом служащих и в конце сентября выехал в село Горбица, откуда вниз по Амуру, на пароходе, спустился до Благовещенска. До середины ноября прожил я в Благовещенске, ожидая, когда по рекам Амуру и Зее установится зимняя дорога. Зимой я приехал на Зейские прииска и там встретился с Митрофаном Алексеевичем Субботиным и другими моими старыми знакомыми. Надо сказать, что кадры служащих на Амурские прииска формировались из опытных горняков, прежде служивших на приисках Восточной и Западной Сибири. Отношение ко мне было самое доброжелательное. Мне помогли устроиться на более легкие, в смысле разработки, золотые прииска Верхнеамурской компании, расположенные недалеко от Амура, по речке Джалинде. Россыпи там показали богатое содержание золота и раньше разрабатывались самой компанией, но, по выработке лучших площадей, компания перенесла свою деятельность в отдаленную местность, расположенную по реке Зее, на вновь открытые богатейшие россыпи. Прииска по Джалинде компания отдала в разработку бывшим своим управляющим Ларину, Доенину, Бродовикову и Некипелову, которым посчастливилось, разрабатывая остатки приисков, составить себе крупные капиталы.

Особенно повезло Глебу Ларину. Счастье привалило ему как раз в год моего приезда на Джалинду, и он в короткий срок превратился в обладателя миллионного состояния. С ним произошел случай в Сибири, я полагаю, небывалый. На конной бутаре, на которую подавали золотоносные пески всего пять лошадей, Ларин в один день намыл 30 фунтов золота, а по 5 и по 10 фун-

тов снимал несколько дней подряд. Компания не подозревала ничего о богатствах, скрытых на участке, который был ею отведен под конный двор. Для сравнения замечу, что в главном разрезе у Ларина, где песок на машину подавали двадцать лошадей, удавалось намыть полтора-два фунта золота в день, и то работы считались очень выгодными.

На Джалинду с рекомендательным письмом к своим бывшим подчиненным меня направил главный управляющий приисками могущественной в то время Верхнеамурской компании Дмитрий Афанасьевич Попов, коренной сибиряк-забайкалец. В письме этом Попов просил выделить мне участок из находившихся в их распоряжении многочисленных золотоносных площадей. Просьба Попова была охотно исполнена. Из предложенных мне участков я наугад выбрал участок среди старых выработок Верхнеамурской компании, на Васильевском прииске у Ларина. Участок этот находился в 3 верстах от работ Ларина, который места совершенно не знал и рассматривал мои работы как разведочные в отношении остававшегося у него трехверстного участка.

Предо мной была теперь задача организовать работы на имевшиеся у меня небольшие средства. В декабре я направился в Забайкалье в Нерчинский завод и закупил там тридцать местных недорогих лошадей. Упряжь на них я сделал хозяйственным способом, воспользовавшись, по вольному найму, услугами каторжан с акатуевской каторги, которая находилась в 20 верстах от Нерчинского завода. Дальше возник вопрос, чем загрузить лошадей. Гнать их порожняком до Благовещенска, на расстояние свыше тысячи верст, было неразумно: при существовавших по Амуру ценах на сено и овес лошади «съели» бы сами себя. В силу этих обстоятельств пришлось мне купить тридцать саней, нанять

конюхов и загрузить двадцать семь подвод мясом, мороженым молоком, коровьим маслом, а остальные три подводы – рябчиками-«каменушками», которые в Нерчинском заводе стоили тогда 8 копеек пара. Наладив транспорт, пустились в длинный путь до Благовещенска по рекам Амуру и Аргуни. Путешествие наше отняло месяц времени. Ехали черепашьим шагом, в пути торговали мороженым молоком и маслом: деваться было некуда. Операция моя закончилась благополучно: прибыль, вырученная от торговли, покрыла расходы на прокорм лошадей и наем рабочих.

Весной, в марте, 50 человек приступили к работам на заявленном мной участке. Судьба мне благоприятствовала и на этот раз: золото хотя и в небольшом количестве, но было. Добычу золота, после всех подготовительных работ, удалось начать только с 15 мая, а к 1 июля я уже вернул затраченный в дело капитал. В это время, совершенно неожиданно, пришла на мое имя из Иркутска телеграмма о том, что горным управлением, для отвода мне золотоносных площадей в Олекминском округе, назначен отводчик, который должен на днях выехать в Сретенск. Телеграмма эта поставила меня в крайне затруднительное положение. Надо было оставить кого-то во главе производимых работ, а у меня под началом работало только два мелких, некредитоспособных десятника. Пришлось обратиться за помощью к соседу, Доенину, который рекомендовал своего старшего служащего.

Скрепя сердце бросил я интересное дело. Будущее пугало меня неизвестностью, хотя одновременно и прельщало возможностью основать большое собственное дело.

В июле месяце я с отводчиком спустился на пароходе по Шилке, на 200 верст вниз по течению, до станции Машина – одной из тех станций, которые но-

сили название Семи смертных грехов. Все эти станции были расположены на берегах реки Шилки, на каждой из них находилось по определенному числу пар почтовых лошадей, а самое важное заключалось в том, что потребность в лошадях была почти всегда в два раза больше против имеющихся в наличности. И достать лошадей было негде, так как на станциях, кроме смотрителей, никого не было. Сидели проезжающие на месте по двое суток и проклинали свою судьбу. У кого не хватало терпения, тот нанимал вольных, не казенных лошадей у того же смотрителя, и платил втридорога. Почтари в погоне за наживой злоупотребляли своей властью и утаивали свободных почтовых лошадей, благо жаловаться было некому. Вот из-за чего к станциям этим и прилипло название Семь смертных грехов.

После приемки отводов, отправив отводчика в Сретенск, я возвратился на станцию Чашина примерно в половине августа и оттуда по Амуру спустился в Джалинду. Джалинда была самым большим и торговым селом на Амуре. На пароходной пристани меня встретил сын хозяина дома, где я квартировал, и почти с первых же слов стал выражать свое сочувствие по поводу несчастного происшествия, имевшего место на моем прииске. Я от изумления, что называется, и рот раскрыл.

– Какое происшествие, какой несчастный случай?

– Неужели не знаете? Ведь вам в Сретенск телеграмму посылали. В Ильин день у вас на прииске застрелили вашего управляющего.

Телеграмма была послана в Сретенск, я на обратном пути туда не заезжал; понятно, что мне ничего не было известно о жутком происшествии на прииске.

Подробности случившегося были таковы. 20 июля, по случаю праздника Ильи-пророка, работы на приисках не производились, и служащие небольшими

компаниями ходили друг к другу в гости. Конечно, дело не обошлось без возлияний, причем пили до потери сознания. Не забыли визитеры и моего управляющего, а он выпить, видно, был тоже не дурак. В компании оказался пристав, имевший при себе револьвер. Каким-то образом револьвер этот был вытащен из кобуры, и, вероятно, в тот момент, когда пристав держал его за рукоятку, мой управляющий схватил револьвер за дуло и стал тянуть его к себе. Раздался выстрел, и управляющий был убит на месте.

Без руководителя, без хозяйского глаза, приисковое дело мое было скомкано. По возвращении моем, которое пришлось на сентябрь, я проработал еще недели две; наступившие затем холода прервали работу.

Несмотря на неблагоприятное стечение обстоятельств, у меня все же осталось 10 тысяч рублей чистой прибыли. Удачно ликвидировав дело и продав лошадей, я выехал в конце сентября на пароходе в Сретенск, пытать счастья в своих новых владениях, в безграничной олекминской тундре, куда прежде не ступала нога европейца и где ныне Советы прокладывают железную дорогу севернее Байкала, к устью Амура.

СНОВА В ОЛЕКМЕ

В Сретенске я сформировал в ноябре партию в 40 человек рабочих, по преимуществу плотников, и, купив двадцать лошадей, пустился, при сорокаградусном морозе, в далекий и трудный путь вниз по Шилке, до Семи смертных грехов. Ехали без вожатого, руководствуясь только картой. С Шилки повернули на речку Амазар, а затем, по речке Могоче, поднялись на водораздел Амура и Олекмы и оттуда спустились к моему приску, на речку Тунгир.

Самый тяжелый участок пути пришелся на верховья Могочи. Небольшая речка эта была сплошь завалена валежником, который приходилось удалять с дороги с помощью пил и топоров. С боков речку сжимали скалы и непроходимый лес. Последние пять или шесть дней нам удавалось проходить не более 5 верст.

По прибытии на место мы испытали весьма невеселые впечатления. Вокруг раскинулась необъятная, пустынная тундра, покрытая мхом, с небогатой фауной: не водились в тундре ни медведи, ни козы, ни волки, лишь в небольших количествах встречались олени, белки и соболи. Снег лежал неглубокий, всего с пол-аршина. На далеком севере, отрезанная от мира, начала наша партия строить жилые дома, склады для хранения продуктов, рыть осушительные и водоотводные канавы, подготавливаясь к вскрытию торфа. В мае или июне предполагалось начать добычу золота. Организовав предварительные работы, я вернулся в Сретенск для закупки приискового оборудования, провианта, различных материалов, товаров, лошадей и для найма рабочих; все это требовало значительных средств. Располагал же я всего-навсего 30 тысячами рублей, что составляло приблизительно третью часть необходимого для дела капитала; остальные две трети я рассчитывал

получить в кредит и в расчете этом не ошибся. Существовавшие условия мне благоприятствовали: благодаря застою в торговле купцы, наперерыв один перед другим, предлагали мне товары в кредит. Две местные крупные фирмы, Андоверова и Машковича, назначили особенно низкие цены на овес, муку, мясо и тому подобное, с доставкой на место. Я передал подряд Андоверову по следующим ценам: мука и овес по 2 рубля за пуд, мясо по 3 рубля за пуд. Продукты надо было везти на расстояние в 300 верст, из них 100 верст от берега Шилки до прииска по неезженому, неизвестному для возчиков пути.

Мир устроен таким образом, что, когда выигрывает один, другой неизбежно проигрывает. Время благоприятствовало тогда предпринимателю, но создавало тяжелые условия работы для купца и донельзя скверные для крестьянина. Извозом крестьянин занимался, не преследуя выгоду и пользу для себя, а по необходимости, по нужде. Забирая в продолжение года товар у купца в кредит, крестьянин уславливался отработать долг извозом, потому что других средств расквитаться у него не было. Купец, понятно, старался вернуть свои деньги и искал случая заставить крестьянина отработать ему долг.

Цены на продукты в Забайкалье стояли в те времена низкие: мука ржаная стоила 60 копеек пуд, мясо 2 рубля пуд. В силу вышеназванных обстоятельств, я имел возможность на сравнительно ничтожные средства, находившиеся в моем распоряжении, прилично обставить прииск, нанять 100 человек рабочих и купить 45 лошадей. После отправки людей, лошадей и материалов на место работ, успокоенный благополучным решением трудной задачи, я написал в Иркутск своему доверенному, чтобы он хлопотал об ускорении составления актов, утверждающих за мной прииск, и, не медля, вы-

слал казенную книгу для записи добытого золота. В ответ на мое письмо пришла ошеломившая меня телеграмма: «Прииска не утверждены. Вследствие ходатайства Кабинета дело вытребовано в Горный департамент в Петербург».

Необходимо было спешно предпринимать что-то. Одну за другой посылал я телеграммы в министерства, куда надо и не надо, указывая статью горного устава, утвержденного государем, прося законной защиты от произвола чиновников Кабинета двора его величества. Первая ответная телеграмма пришла, дня четыре спустя, от министра двора Фредерикса, который уведомлял меня, что им отдано распоряжение горному отделу кабинета дать немедленно объяснение в Горный департамент о сущности их претензии. Во второй полученной мной телеграмме министр финансов, торговли и промышленности сообщал, что он принимает деятельное участие в скорейшем разрешении возникшего вопроса. На восьмой день пришла телеграмма из Горного департамента: «Отдано распоряжение горному управлению утвердить прииска за вами».

Не буду рассказывать о тех волнениях и тревоге, которые пришлось мне пережить, ожидая решения вопроса. В дело было затрачено не только свое, добытое с большим трудом состояние, но – и это самое главное – чужое. Потеря имущества одновременно означала бы для меня и потерю доброго имени перед теми, кто оказал мне личное доверие. Но теперь все эти неприятности и тревоги остались позади. Полный надежд на будущее, я приступил к работе.

Сношения с администрацией горного округа, представителями которой являлись горный инженер и горный исправник, проживавшие на Ленских приисках, в Бодайбо, в полутора тысячах верст от места моих работ, представляли собой дело немалой трудности.

Письмо шло в одну сторону месяца два-три и столько же времени обратно, в результате чего операции на приисках заканчивались раньше, чем получался ответ. В таких условиях пришлось мне начинать работу.

В марте месяце, твердо уверенный в успехе предпринятого мной дела, я приступил к основным работам на прииске. Увы, меня ожидало горькое разочарование! Напластование золотой россыпи оказалось не постоянным, а гнездовым. В местах, где пласт поднимался кверху, удавалось намыть в день золота фунта два, но дня через три удача покидала нас, пласт углублялся вниз, и до следующего скачка недели две-три мы работали в убыток, намывая в день от пяти до десяти золотников. Вообще, северные склоны хребта оказались плохо разрушенными, и за три года работы пришлось сделать три отдельных разреза, один с другим не связанных. Сезонные заработки приходилось затрачивать на новые подготовительные работы. С большими усилиями, едва-едва удалось мне оправдать затраты. А сколько опасений, волнений, тревог пришлось перенести за эти годы! Как трудно было разговаривать с рабочими, которые прекрасно учитывали, что их своеволие, грубость и непослушание сойдут безнаказанно для них, что у хозяина нет способов в этом отрезанном от мира уголке воздействовать на них силой – единственной реальной угрозой. Только благодаря предшествовавшему пятнадцатилетнему опыту моему по приисковым работам удавалось мне, сглаживая все острые углы, обходиться без неприятностей и вредных для дела скандалов. Эти три года принесли мне столько тяжелых забот, сколько не приходилось испытывать мне в другие годы, и оставили неизгладимый след в моей жизни.

В районе моего прииска жило несколько партий хищников, из беглых каторжан, по пять-шесть человек в партии. Спасаясь от полиции, забирались они в тайгу,

хищнически добывали золото и этим обеспечивали свое существование; но нередко и погибали от голода и холода, заблудившись в тайге. Золото они сдавали спиртоносам, в обмен на сухари и кое-какие другие припасы, главным образом, конечно, на спирт. Пуд сухарей считали по 8 рублей; по соответствующим ставкам расценивались и остальные продукты. Разумеется, спиртоносы в этих сделках себя не обижали, и обманутые, обворованные каторжане после отъезда своих «благодетелей» продолжали влачить безрадостную, унылую жизнь.

Однажды ко мне пришли два человека из такой хищнической партии, с целью разведать, возможно ли им приобретать на прииске продукты против сдаваемого ими золота. Я заявил, что это будет возможно, причем продукты будут отпускаться по нижеследующим ценам: хлеб печеный или сухари по 2 рубля за пуд, мясо по 4 рубля за пуд и по соответствующим ценам и другие продукты, кроме водки, которой они не получат ни капли. Далее, никто из каторжан не имел права показываться в казарме среди рабочих. Вся ответственность за пропавший из разрезов инструмент будет падать на каторжан, так как, кроме них, красть было некому. Разведчики с видимой радостью выслушали мое заявление и приняли мои условия. Действительно, в будущем каторжане строго выполняли заключенное между нами соглашение.

Интересно отметить, однако, как реагировал на развернувшиеся события начальник Нерчинского горного округа, инженер Нестеров, которому было не только отказано в его претензиях, но еще он получил строгий выговор и приказ в дальнейшем на свободные казенные земли разведывательных партий не посылать. Желая компенсировать себя за перенесенное унижение, Нестеров отдал распоряжение своим управляющим не

пропускать моих рабочих и продукты через район Нерчинск их золотых приисков. Управляющие приисками не нашли, однако, возможным привести в исполнение абсурдное требование своего начальника. Как раз в то время, когда Нестеров отдал упомянутое распоряжение, через Сретенск проезжал вновь назначенный в Приморскую область генерал-губернатор Корф, который, отвечая на поднятый мной перед ним вопрос, объяснил, что, согласно законам Российской империи, дороги не считаются частной собственностью, и поэтому каждый вправе ими пользоваться. Еще одна попытка Нестерова насолить мне закончилась неудачей.

Непрерывная цепь разочарований на золотопромышленном поприще вынудила меня искать иной сферы деятельности. Вскоре представился случай продать мое дело нерчинскому золотопромышленнику Бляхеру за 25 тысяч рублей, что позволило мне только вернуть затраченные в это дело деньги.

НА ПОСТРОЙКЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

В 1895 году началась постройка Забайкальской железной дороги между Иркутском и Сретенском. Приехав в Сретенск, я встретился и познакомился с группой инженеров-строителей, во главе с начальником этого участка, Семеном Григорьевичем Крушколом. Мои новые знакомые, не так давно прибывшие сюда, интересовались местными условиями земляных и горных работ, так как участок от Сретенска до Нерчинска, на протяжении 100 верст по берегу Шилки, представлял собой скалистый грунт. На указанном участке предполагалось построить около пятидесяти мостов и мостиков, так что работа предстояла нелегкая. Обдумав дело, я решил испытать свои силы в новой сфере деятельности и взять этот железнодорожный подряд. Конкурентами на производство работ выступали приехавшие из России такие известные подрядчики-строители, как Молчанов, Пятидесятников и другие, но все они привыкли работать на постройках дорог в черноземных полосах России, в мягких грунтах, «на лопату», со скалистым же грунтом были незнакомы; кадры рабочих из России, на которых они рассчитывали, точно так же в этой области были совершенно неопытны.

Вероятно, из осторожности конкуренты назначили слишком высокие цены на работы, благодаря чему мне удалось получить подряд на постройку дороги, на участке от Сретенска до станции Кокертай – 30 верст сплошного скалистого грунта.

Хотя цены на работы и условия подряда были для меня, безусловно, выгодны, но одно непредвиденное обстоятельство опрокинуло все мои расчеты. Всю зиму, подготавливаясь к постройке, возил я на лошадях к местам работ строительные материалы: цемент, песок и камень. К началу строительного сезона были вырыты

котлованы для устоев мостов, и каменщики на местах ждали сигнала, чтобы приступить к работам. Но тут неожиданно разразилось стихийное бедствие: небывалый разлив рек Шилки, Онона и Нерчи и большой подъем в них воды вызвали сильнейшее наводнение, какого не помнили и старожилы. Произошла ужасная катастрофа. Полотно железной дороги было заложено на 2 метра выше той точки, до которой поднималась вода во время наводнения, бывшего пятьдесят лет тому назад, когда был затоплен высокий берег Шилки и часть стоящего на ней города Сретенска. В этот же раз вода поднялась еще на 3 метра выше проектируемого железнодорожного полотна. Можно себе представить, что произошло, когда лавина воды с тысячеверстного пространства прокатилась через сжатую в горах долину. Все материалы, заготовленные мной за зиму, погибли: цемент подмочило, песок унесло, а камень так затянуло илом, что доставать его стоило бы дороже, чем привезти новый. Тяжелее всего было глядеть на уносимые водой крестьянские дома, со всей хозяйственной обстановкой, с напуганной, беспомощной, забравшейся на крыши плывущих домов и не перестававшей кричать птицей, которую ожидала гибель. Деревни были разорены, крестьяне остались без крова.

Наводнение превратило мой прибыльный подряд в убыточный, заставив вторично, по дорогой цене, доставлять материал для постройки мостов. Срок окончания работ отодвинулся на полгода. Так как все материалы были заготовлены мной на местах, указанных мне строителями дороги, то, казалось, вся ответственность за происшедшее, вследствие неправильно установленной линии наивысшего уровня, должна была упасть на изыскателей. Но начальник дороги, инженер Пушечников, и начальник участка, инженер

Крушкол, люди до щепетильности честные в отношении расходования государственных денег, приняли на себя только половину убытка, взвалив вторую половину на меня. Доказывать всю неосновательность такого решения было трудно; я был вынужден смириться и продолжать работы спешным темпом, чтобы наверстать потерянное время. Над строящимися мостами пришлось возводить тепляки – род больших бараков, обогреваемых железными печами. Кладка мостов производилась зимой, днем и ночью, беспрерывно. Хотя мой строительный участок и был самым трудным из всех двенадцати строящихся участков, все же работы на нем были закончены ранее, чем на других участках. Этого удалось достигнуть благодаря моей энергии, а также тем добрым и честным отношениям, которые установились у меня с начальником участка С. Г. Крушколом.

К сожалению, из-за испорченных личных отношений инженера Крушкола с государственным контролером между ними неоднократно возникали недоразумения. Контролер, человек мяло понимавший в работах и подчинявшийся влиянию недоброжелателей начальника участка, часто без всяких оснований придирался к составленным на произведенные работы актам, не подписывал их и задерживал платежи по выполненным работам на целые месяцы, чем, безусловно, причинял немалый вред делу. Аналогичный случай произошел при расчете за мои работы по замощению склонов земляных насыпей, для предохранения последних от размыва во время наводнения реки Шилки. Эти насыпи протянулись вверх от Сретенска по Шилке на расстояние в 8 верст, причем местами высота их достигала 10 сажен. Работа была крупная и стоила больших денег. Контролер нашел, что камни кладки недостаточно связаны между собой, и отказался

подписать акт о выполнении сданных мне работ. В таком неопределенном положении дело находилось уже четвертый месяц, причиняя мне значительные убытки.

Случай этот совпал с окончанием работ на 12-м участке и официальным открытием на нем движения. На торжество прибыл в Сретенск вновь назначенный министр путей сообщения, князь Михаил Иванович Хилков. Был устроен на вокзале парадный обед по случаю такого исключительно важного события, как приобщение края, через посредство железной дороги, к цивилизованному миру. После обеда Хилков, в сопровождении начальника дороги Пушечникова, отправился на осмотр Сретенской станции, прилепившейся на насыпи над рекой Шилкой. С высоты открывался очень красивый вид: с одной стороны – высокие скалистые горы, город Нерчинск раскинулся на противоположном берегу, внизу несла свои быстрые воды широкая, судоходная Шилка… После осмотра князем Хилковым станции я, выбрав подходящий момент, подошел к А. Н. Пушечникову и, в присутствии Хилкова, хотя мне это было и неприятно, обратился с жалобой на несправедливое отношение ко мне со стороны администрации дороги, из-за которого мне приходится терпеть убытки, так как уже четыре месяца я не могу получить с участка расчета за исполненные и сданные мной большие работы. Пушечников ответил, что ему факт этот известен, и сказал мне:

– Сейчас мы будем возвращаться обратно, вы сядьте на паровоз и велите остановить поезд на месте ваших работ.

Я так и сделал. Князь Хилков и Пушечников вышли из вагона и совершили продолжительную прогулку вдоль укрепленной насыпи. После осмотра всех работ начальник дороги, в присутствии министра, главного контролера и десятка инженеров, обращаясь к началь-

нику участка, инженеру Крушколу, тоном, не терпящим возражений, сказал:

– Работы выполнены прекрасно. Что понимает в этом деле контроль? Деньги нужно заплатить не задерживая.

ПОЕЗДКА В МАНЬЧЖУРИЮ

Результаты моей деятельности на новом поприще, несмотря на разорительное для меня наводнение, оказались вполне удачными: прибыль за два года работ выразилась в сумме 100 тысяч рублей. Это был первый крупный, настоящий успех после многих лет неудач и постоянных опасений лишиться последних имевшихся на руках денег. Успех вдохнул в меня новые силы, энергию и желание работать и дальше, а тут кстати началась, в конце 90-х годов, постройка русскими Китайско-Восточной железной дороги. В Сретенск из Харбина приехал помощник начальника по постройке дороги, инженера Юговича, инженер Николай Николаевич Бочаров, с целью ознакомиться с условиями сооружения западной линии. Бочаров прежде всего обратился за интересующими его сведениями ко мне, как к человеку хорошо знакомому с краем и имеющему опыт по постройке железной дороги в пределах Забайкалья. Я охотно поделился с ним своими сведениями и спустя некоторое время получил от него предложение отправиться на западную линию, в район находящихся в его ведении четырех участков, осмотреть их и взять на них подряд на работы, которые я найду более для себя подходящими. Со своей стороны он выразил желание, чтобы я взял на себя ведение работ на наиболее трудном участке, в пределах Хинганского хребта.

На это предложение я ответил согласием и в 1899 году, летом, выехал осматривать местность, по которой предполагалось проложить полотно западной линии Китайско-Восточной железной дороги.

Выбрав трех лучших из своих лошадей, я пустился в легком крытом экипаже в неведомый для меня путь, в Китай. Путешествие оказалось довольно тяжелым. Первые 400 верст до монгольско-китайского городка

Хайлара ну ясно было ехать степью, слабо населенной кочевыми бурятами и монголами. Путь шел без единой колесной колеи, но по твердому степному грунту, и потому ехать было сносно; только по незнанию местности нередко приходилось сбиваться с дороги и блуждать. Одолеть же вторую половину пути, от Хайлара до Цицикара, протяжением в 300 верст, показалось мне убийственно трудным делом. Ехать пришлось таежной грязной колеей, избитой тяжелыми китайскими арбами, которые провозили из Цицикара в Хайлар разные товары китайского производства, а из Хайлара – всякого рода пушнину, овечью шерсть и скотские шкуры. Во время моего путешествия, в июле месяце, стояла свирепая китайская жара, сопровождаемая частыми и сильными дождями. Все речушки и ключики, встречавшиеся по дороге, были переполнены дождевой водой. Подъедешь к такой речушке, а она бурлит и кипит целым водопадом, и таких «водопадов» попадалось нам в пути немало. Что же оставалось делать? Не ждать же, когда дожди прекратятся и спадет вода. Приходилось, с риском свалиться вместе с экипажем в воду, пускаться вплавь через эти бурные стремнины, и благодаря хорошим лошадям всегда удавалось, хотя и с большими затруднениями, благополучно перебраться на твердую землю.

Таким образом перевалил я великий Хинганский хребет. Ехал я по совершенно необитаемой местности, где находилась только русская охранная стража, размещавшаяся командами по 15 человек, на расстоянии 50 верст одна от другой.

Еще одно тяжелое испытание выпало на нашу долю. На протяжении всего пути туча оводов преследовала нас и совершенно заедала лошадей. Не было никаких способов избавиться от них и спасти бедных животных; не помогали и сильно пахнувшие, острые

мази, которыми мы натирали лошадей. Пока я медленно продвигался к Цицикару, преодолевая все эти дорожные препятствия, я потерял двух лошадей, заеденных оводом. Всю дорогу мы ехали с сетками на лице. При остановках в пути, когда приходилось снимать сетку с лица, чтобы поесть, оводы, вместе с пищей, попадали иногда в рот.

В Цицикаре я покинул свой экипаж и оставшуюся в живых лошадь и обратный путь совершил на китайском экипаже с парой высоких колес, который носил название «фудутунка».

Итак, я побывал в преддверии Дальнего Востока, о котором принято было говорить как о бескровном русском завоевании и где впоследствии пролилось так много русской крови. Такова судьба: никуда от нее не уйдешь…

В МАНЬЧЖУРИИ

Наметив себе определенные работы, я согласовал вопрос о ценах с инженером Бочаровым и в зиму 1899–1900 года транспортировал в город Хайлар целый ряд продуктов и товаров, предварительно договорившись с начальником Хайларского округа, богатым монголом, чтобы он приготовил помещения под большие склады, конторы и квартиры служащих в городе Хайларе, который должен был служить распределительным пунктом для всех мест работы. Таким образом, я уже окончательно перебрался в Маньчжурию. Обстоятельства заставили меня, как это видно будет дальше, сделаться купцом. В первую очередь ко мне бросились монголы со всего округа, с требованием товаров русского производства. Спрос был, главным образом, на черную выростковую и шагреневую кожу, грубое серое солдатское сукно, мануфактуру – преимущественно цветные малюскины – и мелкую галантерею. За товары монголы расплачивались слитками серебра – ланами. Другой монеты в обращении не было.

С прибытием на постройку дороги партий служащих и рабочих спрос на продукты и товары сильно увеличился, так как европейских товаров абсолютно негде было купить. Ближайшие от Хайлара города Чита, Нерчинск и Сретенск находились на расстоянии 500 верст, и о нормальном сообщении с ними, конечно, говорить не приходилось. Начальники участков обратились ко мне с просьбой организовать торговлю по участкам, на что я охотно согласился, и скоро последовало открытие моих универсальных магазинов в пяти пунктах. Для доставки товаров и продуктов мне удалось наладить транспорт на крестьянских лошадях из Иркутска и Сретенска. Непрерывной цепью потянулись обозы к Хайлару, но в первый год удовлетворить

полностью существовавшую потребность на товары я не смог. Обувь, рукавицы, готовое белье, не попадая на склады, переотправлялись непосредственно на участки. Увеличивался с каждым днем спрос на товары и со стороны монголов. Нечего и говорить, что дела мои шли блестяще, принося хорошую прибыль.

Работы по постройке дороги на 30-верстном участке сопровождались также полным успехом. Недостатка в рабочей силе не ощущалось. Рабочие, китайцы и корейцы, были народом спокойным и миролюбивым. Каждая артель имела своего конторщика, который контролировал записи в расчетных книжках, и, при условии правильности обмеров работы и добросовестности в расчетах, с рабочими никогда не возникало недоразумений, как бывало нередко с русскими артелями. Если недоразумения и бывали, то происходили они между китайцами рабочими и их переводчиками русского языка, китайцами же. У меня сложилось представление, что среди переводчиков не было честных людей – сплошь жулики, которые не пропускали случая обокрасть рабочего. Иногда приедешь на осмотр работ, и тотчас же заявляются два-три представителя артели с жалобой на старшинку-переводчика. С трудом понимаешь их ломаный русский язык. Лопочут:

– Старшинка машинка есть. Надо гони его.

Спрашиваю:

– Как же вы обойдетесь без переводчика?

– Ваша пиши есть, моя вери.

Вот и весь разговор.

На лошадях китайцы работать не привыкли, не было в них умения, сноровки, а без конной тяги, по характеру работ и из-за больших расстояний, обойтись было невозможно. Приходилось покупать значительные партии лошадей, заводить для них упряжь и нанимать русских возчиков.

Пришлось мне здесь впервые познакомиться с «особыми условиями» работы. Начальник 3-го участка, где сосредотачивались мои работы, старый инженер, статский советник Онофрович, захвативший из России штат служащих, в их числе трех начальников дистанций, откровенно заявил мне следующее:

– Хотя вы и получили работы от высших властей, а именно от помощника начальника отделения инженера Бочарова, но не забывайте, что я являюсь хозяином участка и я определяю род грунта. Прошу вас иметь это в виду. Мы сюда приехали не степями маньчжурскими любоваться, а деньги зарабатывать.

Я спрашиваю:

– При чем же тут я?

Он, нисколько не смущаясь, отвечает:

– Очень даже при чем. Вы будете отчислять с каждого сработанного вами куба земли пятьдесят копеек в нашу пользу. И пожалуйста, не делайте удивленного лица: такая постановка дела практикуется повсюду на дорогах.

Для меня не было никакого другого выхода, как согласиться на это весьма странное требование. Впоследствии об оригинальном разговоре с начальником участка я сообщил начальнику дороги Юговичу и начальнику отделения Бочарову. Оба были возмущены происшедшим, но, во избежание скандала, делу огласки не дали, примирившись с создавшимся положением.

В общем, подрядные мои работы и моя торговая деятельность развивались вполне успешно и прибыльно для меня.

БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ

Так продолжалось до оказавшегося для меня роковым Ильина дня, 20 июля, когда над моей головой грянул такой гром, что от моего материального благосостояния и щепки не осталось. Я имею в виду китайское боксерское восстание. Даже меня, человека, привыкшего уже к разным печальным неожиданностям и сюрпризам, последовавшие события совершенно выбили из колеи.

До нас во время работ наших по постройке западной ветки Китайско-Восточной железной дороги доходили не раз смутные слухи о том, что где-то на юге, в Пекине, за тысячу верст от нас, вспыхнуло восстание, возглавляемое сектой «Большого кулака». Слухам этим мы не придавали особенного значения. Работы шли в полном порядке, без перерыва подвозились к месту работ продукты и товары. За несколько дней до 20 июля я вернулся из поездки в Иркутск. Моя жена, приехавшая из Сретенска с десятимесячным нашим первенцем-сыном в Хайлар, чтобы провести вблизи меня лето, сообщила мне, что в мое отсутствие наш дом посетил новый командующий китайскими войсками, китаец, получивший образование в Германии. Остановился он на жительство во дворе кумирни, перед въездом в Хайлар. Вместе со своими маленькими дочерьми он побывал в нашем магазине, что-то купил там для них, а затем зашел с визитом к моей жене. Он просил передать мне, что он будет рад видеть меня у себя в доме, после моего возвращения из Иркутска.

При первой возможности я постарался вернуть ему визит. При въезде во двор кумирни меня встретил взвод солдат, взявший «на караул». Откровенно сознаться, такая встреча меня несколько удивила, но, вероятно, все шло согласно китайским обычаям, как

полагалось. У командующего войсками я встретил двух «больших» генералов: Ма, помощника цицикарского генерал-губернатора, и знакомого мне еще ранее генерала Чжоумяна, который являлся представителем китайского правительства по поставке лесных строительных материалов на дорогу; согласно договору с Китаем, приобретение лесных материалов на стороне, помимо официального представителя, воспрещалось. В разговоре я коснулся вопроса об основательности слухов об опасности, в связи с восстанием «Большого кулака» в Пекине. Генералы заверили меня, что для опасений нет места. Если даже восставшие и появятся в районе работ, то китайские правительственные войска, совместно с русской пограничной стражей, в состоянии оказать им достаточное противодействие. В искренности их заявлений я не сомневался, ибо думал, что материальные блага для них стоят превыше всего, а они прекрасно устроились в связи с сооружением дороги, дававшим им небывалые выгоды. Следовательно, защита дороги была прямо в их интересах.

Успокоенный, выехал я из Хайлара на Хинган и по пути остановился на станции Якеши. Верстах в 15 от станции находился каменный карьер, где обтесывали камень для мостов, и я дня через три проехал туда, чтобы осмотреть работы, не подозревая ничего худого. Весь путь вдоль постройки железной дороги был заполнен работавшими китайцами, а через три часа, когда я возвращался, я с удивлением заметил, что рабочих оставалось уже немного, да и те не работали. Старшинок-переводчиков на местах не оказалось, от рабочих же добиться ничего не удалось. В полном недоумении вернулся я в Якеши и там от своих служащих узнал, что три часа тому назад из Хайлара, от командира сотни Чеглокова, послана начальнику военного округа

генералу Гернгроссу в Харбин телеграмма, в которой Чеглоков сообщал о требовании военных властей очистить станцию Хайлар к 12 часам дня и отправить всех жителей на русскую территорию. В случае невыполнения этого требования власти грозили обстрелом станции. Одновременно в телеграмме говорилось, что магазин Кулаева подвергся грабежу.

В ответной телеграмме генерал Гернгросс предлагал, захватив деньги и документы, выехать в направлении к русской границе, в Забайкалье.

От известий этих в глазах у меня потемнело. Голову неотступно сверлила мысль: что случилось с женой и сыном? Где они? Не убили ли их, не дай бог, во время грабежа?

Я узнал, что, по получении телеграммы Гернгросса, весь штат участка в спешном порядке направился из Хайлара к русской границе, и ожидавшие меня с нетерпением на станции Якеши служащие мои торопили меня ехать вдогонку за уехавшими. Я тотчас же вскочил на коня и поздним вечером нагнал на станции Чжеромте, в 20 верстах от Якеши, группу уехавших, кои составляли 3-й участок. В их распоряжении имелось несколько сот лошадей, запряженных в телеги и тарантасы, и 150 верблюдов, принадлежавших забайкальскому казаку Пинегину, работавшему у меня на подвозке леса для гражданских сооружений. На ночной остановке мы устроили баррикады из повозок, на случай ночного нападения.

Утром в лагерь наш явились шесть монгольских чиновников, называемых «бошко», и стали упрашивать русских изменить их первоначальное решение и не покидать мест. Они были твердо убеждены, что несколько сот монгольской конницы, соединившись с сотней русской охранной стражи, в состоянии выбить китайские войска из Хайлара. Однако начальство решило

выполнить требование высших русских военных властей об эвакуации на русскую территорию.

Неподалеку от Чжеромте нас нагнал 4-й, хинганский, участок, численностью приблизительно около тысячи человек русских, на нескольких сотнях подвод, во главе со строителем 4-верстного хинганского тоннеля, инженером Бочаровым. Вся эта масса русских, опасаясь нападения со стороны китайцев, двинулась на Хайлар, а в это время, как мы узнали, китайские войска, в количестве 3 тысяч человек, пришедших неожиданно монгольскими степями из Пекина, занимали высоты над Хайларом, с двумя пушками, наведенными на станцию Хайлар.

От Чжеромте я ехал в тарантасе с начальником участка. Моя оседланная лошадь, привязанная к тарантасу, шла сзади. Въехав на станцию Хайлар, мы увидели, что станция действительно занята китайскими солдатами. Ротмистр Чеглоков не выполнил телеграфного распоряжения генерала Гернгросса и отправился, вместе с хайларским 2-м участком, к русской границе, на казачью станицу Цурухайтуй. Генерал Гернгросс, давая распоряжение, обязал Чеглокова проводить через Хайлар, под охраной находившейся в его командовании сотни солдат, 3-й, 4-й и 5-й чжаланьтунский участки, и лишь в конце эвакуировать свой, 2-й, участок. Чеглоков же игнорировал приказ и, испугавшись надвигавшихся событий, бежал в степь и там, в безопасности, на расстоянии 30 верст от Хайлара, остановился ожидать оставшиеся участки.

При въезде на станцию Хайлар я, не сказав никому ни слова, отвязал своего коня и верхом отправился в старый монгольский город Хайлар, в расстоянии одной версты от станции, а остальные, под охраной монголо-китайской конницы, двинулись по направлению к русской границе, к казачьим станицам на реке Аргуни.

На пути в город мне преградил дорогу монгольский разъезд. Монголы старались объяснить, что лучше будет не ехать в Хайлар, а повернуть к русской границе. Я, наезжая грудью своего крупного коня на их мелких монголок, настаивал, что мне необходимо повидаться с амбанем, то есть с губернатором. Может быть, среди монголов нашлись знавшие меня, не знаю, но, во всяком случае, потолковав между собой, они отделили восемь человек, которые поехали сопровождать меня в кумирню, к командующему войсками, где пять дней тому назад я был встречен почетным караулом.

Командующий принял меня любезно. Я нервным тоном, не владея собой, задал ему вопрос: где моя семья и что с ней сталось? Через переводчика командующий ответил приблизительно следующее:

– Я являюсь представителем военной власти. Что произошло с отдельными лицами в городе, знать не могу. Если это вас интересует, поезжайте лично и наведите справки.

В сопровождении тех же восьми монголов, которым, вероятно, командующий отдал распоряжение проводить меня, я въехал в город. Около громадных глухих ворот занимаемого мной двора мы остановились, и стражники мои постучали в ворота, которые приоткрылись и пропустили нас внутрь. Во дворе оказались трое монголов, охранявших наши склады и магазин. Не было никаких признаков грабежа, все на своем месте, повсюду порядок и чистота. Склады и жилые помещения заперты на замки. Впрочем, все это в то время меня не интересовало. Я кинулся к помещению, которое занимала жена моя с ребенком, – двери оказались на замке. Я через окно заглянул в комнату: не потревоженные стояли знакомые вещи, в комнате было чисто прибрано.

Тут один из моих провожатых, молодой монгол, подошел ко мне и сказал:

– Твой бабушка, парнишка русска земля ходил.

Обрадовался я несказанно. Узнай я об этом раньше, я и в Хайлар не поехал бы. Только я собрался сесть на лошадь, догонять ушедших – стража задержала меня и не пускает, прося осмотреть склады, магазин и контору, чтобы я воочию мог убедиться, что все находится в целости и сохранности. После осмотра двинулся я наконец в обратный путь. Охрана проводила меня до станции, а дальше я поехал один. Дорога шла над речкой, у подошвы высокого горного хребта. Два раза в пути меня останавливали. Один раз с горы спустились монгольские чиновники. Низко кланяясь и приседая, они подъехали ко мне и в немногих словах, которые я мог понять, старались выразить свое соболезнование по поводу случившегося. Их «худо есть, худо есть» должно было означать: мы, монголы, здесь ни при чем и происшедшему не сочувствуем. Нагнал я эвакуировавшихся в открытой степи, там, где ожидал отставших ротмистр Чеглоков. Люди располагались на ночлег. Начальник участка пожалел меня и дал мне прикрыться свое демисезонное пальто. Ночи стояли холодные, а на мне, кроме чесучового костюма, ничего не было.

Ранним утром поднялись с мест и, пройдя за день 70 верст, добрались до станицы Старый Цурухайтуй. Радость встречи с женой, радость сознания, что оба мы живы и здоровы, сделала малозначащим и несущественным все оставшееся позади. Чего-чего только не услышала жена моя за три дня, сколько пришлось ей пережить тревог и волнений, когда беженцы из уст в уста передавали слух о взятии меня в плен и даже о том, что меня уже нет в живых. В Цурухайтуе жена остановилась на квартире казака, занимавшегося мелочной торговлей. В ее распоряжение отвели отдельную комнату, дали грязную подушку и постлали на пол кусок войлока, который и служил ей постелью. Багаж у нее,

как и у меня, был необременительный: кроме платья на себе, ничего не было. Хотя мой заведующий успел захватить из магазина в Хайларе кассовую выручку, около 1500 рублей, но купить что-либо из одежды и постельного белья в казачьих поселениях было невозможно.

Когда рабочие на станции Якеши и под Хинганом узнали о содержании телеграммы генерала Гернгросса, они, захватив семьи, на сотне имевшихся в их распоряжении лошадей, мне принадлежавших, на двухколесных таратайках направились кратчайшим путем к русским пограничным постам совершенно пустой, незаселенной степью, которая в настоящее время носит название Трехречья и имеет на своем пространстве около 50 казачьих беженских поселков. Рабочим при отъезде из Якеши было дано право забирать товары из местного отделения, в предположении, что если ими не воспользуются русские рабочие, то оставшийся без охраны товар все равно растащат рабочие-китайцы. На переезде через реку против станицы Цурухайтуй, по просьбе моих служащих, полиция обыскивала при выходе с парома рабочих, ехавших с Якеши на моих лошадях, и отбирала вещи, принадлежавшие лично нам и случайно оказавшиеся в Якеши, в моем временном помещении. Лошади и товары не отбирались. Забавно было, засунув руку в карман возвращенного мне демисезонного пальто, найти там золотой десятирублевик – забавно потому, что золота я никогда в карманах не носил. При обыске обнаружили и также вернули нам столовое серебро с нашими инициалами.

Картина бегства из Хайлара, со слов моей жены, рисовалась следующим образом. В день объявления ультиматума об очистке линии дороги командующий китайскими войсками в 9 часов утра прислал в наш дом сообщение, что Китай объявил войну России, и посоветовал, чтобы моя жена и штат служащих спокойно

собирались к отъезду из Хайлара. Наш же бой, который принял это поручение, передал его в таком виде, быть может исказив умышленно, что начальство требует спешного выезда, а в противном случае «шибко стреляй, война будет». Вероятно, нашего боя подговорили преподнести эти сведения в том виде, как он сделал, жившие неподалеку от моего дома пекинские купцы, какими-то способами заранее проведавшие о надвигавшихся событиях и знавшие о запасе серебра на моем складе. Надеясь на внезапность известия, они рассчитывали в первые моменты общей растерянности погреть руки около чужого добра. И действительно, служащие мои не только не захватили моих и своих вещей, но даже оставили на местах ящики со своими собственными сбережениями, в полной надежде, что ничего серьезного нет: вероятно, произошло недоразумение между солдатами охраны и китайским населением, что бывало неоднократно и ранее; скоро все разъяснится и можно будет вернуться спокойно по местам. Но оказалось не так.

Неожиданная новость вызвала панику между единственными русскими обитателями города Хайлара, нашими служащими, среди которых было несколько семейных. В первую очередь все кинулись на станцию, где находилась русская военная охрана и участковое начальство по постройке дороги, чтобы узнать о действительном положении дел. Собралось там и несколько сот рабочих с линии. Станция гудела, как потревоженный улей: каждый старался перекричать другого. Шум стоял невероятный. Начальник охраны Чеглоков предложил поместить женщин и детей в строившееся на станции водонапорное здание, а мужчинам стать в ряды охраны. Предложение это поражало своей нелепостью, потому что людей вооружить было абсолютно нечем, и оно, естественно, не нашло отклика среди

рабочих. Жена моя и служащие одними из первых бросились, в чем были, в сторону русской границы. Возвращаться в Хайлар, с риском лишиться жизни, никто не хотел.

Прибывший на станцию начальник Хайларского округа, монгол Лагайда, которому принадлежали дома, где мы квартировали, пытался уговорить поехать обратно моего кладовщика, чтобы он присмотрел за оставшимся имуществом. Лагайда ручался головой за безопасность кладовщика, но все его слова были напрасны: мой служащий наотрез отказался вернуться в Хайлар. Жена и ее спутники хорошо сделали, что уехали первыми; позднее к переправе через реку нахлынули сотни подвод, а паром был всего только один, и очень небольшой. У страха глаза велики: каждый старался первым попасть на противоположный берег, все толкали друг друга. Возникали драки. Во время бестолковой суматохи утонуло два человека. Моим служащим посчастливилось встретить на другой стороне перевоза казака из Цурухайтуя, который вез на продажу в Хайлар два воза картошки. За 100 рублей казак согласился подвезти беженцев до Цурухайтуя. Картошку сбросили и посадили на телегу детвору и женщин. Мужчины шагали рядом. Купец Лопатин, ехавший по делу в Хайлар, узнав о развертывавшихся событиях, поспешил обратно в Цурухайтуй, захватив в свою кибитку мою жену с ребенком, которых он встретил на перевозе.

По выезде наши западные участки разместились по пограничным станицам Нерчинского округа и занялись приблизительным подсчетом причитавшихся подрядчикам сумм. На основании подсчетов подрядчикам выдавались скромные авансы. В частности, я получил в счет произведенных работ 40 тысяч рублей. Вот как судьба смеялась опять надо мной! В дело был вложен весь мой капитал, который к тому времени превосхо-

дил 200-тысяч рублей плюс 70 тысяч рублей, следуемых моим кредиторам, сретенским и иркутским купцам, за проданный ими мне в кредит товар. По обоюдному соглашению я заплатил половину причитающегося с меня долга из полученного аванса, а вторую половину обещал погасить в течение одного года. Таким образом, у меня на руках оставалось всего 5 тысяч рублей – точно все мое богатство мне только во сне приснилось. Но я был молод, полон сил, энергия еще не остыла, да и обстоятельства складывались для меня благоприятно. Удвоив усилия, я снова принялся за работу.

МОЯ ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Когда русские войска заняли линию постройки железной дороги, строители поручили мне нанять в Забайкалье 500 человек рабочих и купить в Томской губернии 200 лошадей с упряжью и телегами. Удачно выполненная операция эта принесла мне 10 тысяч рублей прибыли. Одновременно я продолжал торговлю задержанными в пути, из-за боксерского восстания, товарами, не попавшими в город Хайлар и остававшимися на станции. Видя растущий со стороны потребителя спрос на товары и на основании богатого жизненного опыта, я пришел к выводу, что существовавшие условия удивительно благоприятствовали развитию торговой деятельности.

Естественно, что для успеха дела пришлось уделить много внимания и забот рационализации торговли на местах, во-первых, и закупке товаров, во-вторых. Для закупки товаров я решил отправиться в Москву лично, хотя и отчетливо представлял себе те трудности, которые могли возникнуть из-за того, что я не знал фирм, а фирмы, в свою очередь, не знали меня. Представитель известной московской фирмы Коншина в Иркутске, некто Виноградов, самоуверенный и бойкий господин, предложил мне выписать мануфактуру, как это практиковалось неоднократно ранее, через его посредство. Я отказался и признался ему, что собираюсь поехать в Москву собственной персоной. Виноградов не пропустил случая уколоть меня, заявив с оттенком превосходства:

– Вас никто в Москве не знает, и вам трудно будет делать закупки. Если и сумеете купить, то вас непременно обманут.

Я не остался в долгу и ответил:

– Если меня и обманут, то не больше одного раза. А какая у меня гарантия, что, покупая товар через вас, я не буду обманут много раз?

Виноградов в этот раз ушел от меня обиженный, но накануне моего отъезда зашел ко мне с рекомендательным письмом на имя фирмы Коншина, в котором предлагал фирме открыть мне неограниченный кредит, как человеку надежному, с хорошей деловой репутацией. Поблагодарив Виноградова за любезность, поехал я завязывать знакомства в московском торговом мире, располагая капиталом в 25 тысяч рублей, которые мне с трудом удалось собрать.

Приехав в Москву, я остановился в гостинице «Боярский двор». Первым долгом пошел я в фирму Коншина, с письмом Виноградова. Там произошел у меня короткий деловой разговор с директорами, примерно такого содержания:

– На какую сумму вы предполагаете сделать закупки?

– Приблизительно на двадцать – двадцать пять тысяч рублей.

– Хорошо. Приступайте к отбору.

– Какую скидку с цен прейскуранта вы мне предоставите?

– Вы будете пользоваться скидкой согласно установленному в фирме положению.

По заведенному обычаю, фирма Коншина сбрасывала 5 процентов с цен прейскуранта лицам, пользовавшимся сомнительной коммерческой репутацией, и лицам, впервые вступающим в деловые отношения с фирмой; следующая категория покупателей пользовалась 8-процентной скидкой, и, наконец, наибольшая допустимая скидка в 10 процентов предоставлялась крупным, солидным коммерсантам.

Товары я отбирать не торопился, а занялся ознакомлением с рынком. В течение трех-четырех дней мой

номер в гостинице подвергся буквально осаде со стороны комиссионеров крупных московских фирм.

– Мы можем предложить вам товар на самых льготных условиях…

– Да, но я могу купить только в кредит, а ваша фирма, не зная меня, отпустить товар в кредит не согласится.

– Почему не согласится? Если Коншин вам доверяет, значит, можем доверить и мы.

Каждый день повторялось одно и то же. Каждый день, чуть не хватая меня за руки и толкая в спину, честно зарабатывая свой хлеб, комиссионеры старались заставить меня посетить контору представительствуемой ими фирмы, и всякий нахваливал свой товар. Так началось мое хождение по конторам. Куда ни придешь, повсюду встречаешь внимание и предупредительность со стороны господ директоров. Такое отношение ко мне вызвано было не только готовностью фирмы Коншина продать мне товар, что вызвало такую же готовность и в других фирмах; были и другие причины. В Москву в это время съехались крупные коммерсанты из Иркутска и Забайкалья, и от них заинтересованные лица получили сведения о том, что я, как коммерсант, заслуживаю полного доверия.

Уже несколько раз присылали от Коншина узнать, почему я задерживаюсь с отбором товаров. Надо было что-то отвечать. Через представителя фирмы я просил передать директорам свой запрос о предоставляемой ими скидке и сроках платежа и на другой же день получил приглашение посетить контору фирмы. Меня встретили те же и будто не те директора – настолько изменилось их отношение ко мне. В результате переговоров мы сошлись на 8 процентах скидки и отсрочке платежа на двенадцать месяцев. В кредит я отобрал товара на 200 тысяч рублей, а на наличные деньги наку-

пил всевозможных гастрономических товаров: консервов, колбас, ветчины и прочего, примерно тысяч на 10.

Да, удивительные были тогда времена взаимного доверия – точно в сказке! Теперь же и близкие люди не поверят ни в чем друг другу – не только на год, но даже и на день.

Железная дорога функционировала тогда только до Иркутска, поэтому товар из Москвы в Маньчжурию шел два месяца. Придя к месту назначения, товар моментально расходился, и из ближайших городов подвозились без перерыва все новые и новые партии разнообразных товаров. В течение года сумма в 200 тысяч рублей сделала не менее пяти оборотов и принесла мне прибыли новых 200 тысяч рублей. Из Японии тогда экспортировались панно, ширмы, вышивки, альбомы и тому подобное и охотно, как заморские диковинки, расхватывались русскими, занятыми на постройке дороги.

УСМИРЕНИЕ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ. МОИ УБЫТКИ

Расскажу о том, как мы вновь водворялись на места постройки после боксерского восстания. С запада – из Читы, Нерчинска, Сретенска – двигались на Хайлар батальоны русских войск и казачьи полки, общей численностью 10 тысяч человек, под командованием генерала Орлова. Из Амурской области, от Благовещенска, подвигались войска, примерно такой же численности, под командованием генерала Ренненкампфа. Каждый из генералов прилагал все усилия, чтобы занять первым центр Маньчжурии, богатый город Цицикар. Успех выпал на долю генерала Ренненкампфа.

Отряд Орлова, шедший на Хайлар, вошел в соприкосновение с китайской армией, пытавшейся преградить ему дорогу в Маньчжурию. Это было в 40 верстах от Хайлара, на станции Амгуни, где отряд расположился в долине для приготовления обеда. Китайская артиллерия, подкрепленная конницей, куда входили 6 тысяч китайцев и 800 монголов, открыла по русским войскам орудийный огонь. Но китайские снаряды, пролетая высоко над головой, ложились где-то позади, не причиняя русским никакого вреда, и наши солдаты сварили обед и не спеша, спокойно пообедали. Затем, однако, пришла в действие и русская артиллерия. Начался обстрел из гаубичных орудий, осыпавших китайцев градом шрапнели. Первые же выстрелы заставили броситься врассыпную монгольскую конницу, не сочувствовавшую китайцам. Бегство монголов только усилило панику среди китайцев, произведенную артиллерийским огнем, и не прошло и часа, как вся китайская армия последовала примеру монголов. Казачья конница, преследовавшая отступавших китайцев, прижала их к берегу Аргуни. Страх, наведенный казачьими

саблями, заставил китайцев броситься вплавь через Аргунь, причем во время переправы, по самым грубым подсчетам, погибло около 3 тысяч человек. Происшедшей стычкой, по существу, закончились все военные операции генерала Орлова.

Монгольская конница, бежавшая в Хайлар, очевидно, принесла туда такие потрясающие вести, что все поголовно торговое население Хайлара, состоявшее сплошь из китайских купцов, бросилось вон из города, оставив там все свои богатства, заключавшиеся в серебре и пушнине, которой были забиты склады. Первой в город ворвалась казачья конница, сосредоточившая все свое внимание на принадлежавших мне запасах водок, вин, закусок и папирос в моих складах. Остальное казаков не интересовало. За конницей появилась пехота со своим начальством, генералом Орловым, и начальником тыла армии, станичным атаманом города Акши, полковником Воробьевым. Оба начальника, а особенно полковник Воробьев, оказались распорядительными, хозяйственными людьми. Все находившиеся в Хайларе склады и торговые помещения, брошенные в данный момент хозяевами, были взяты под строгий контроль, повсюду были выставлены караулы.

После занятия города генерал Орлов обратился к начальнику строительного отделения Бочарову с просьбой указать фамилию и местожительство лица, поставлявшего продукты на строившуюся дорогу. Получив от Бочарова ответ, генерал Орлов, через его посредство, предложил мне принять на себя поставку всех необходимых для его отряда продуктов – на пути следования отряда из Хайлара в Цицикар. Отчасти из-за подавленного настроения, в связи с полным расстройством своих дел, отчасти из-за незнакомства с условиями подобных поставок я намеренно дал уклончивый ответ и, пользуясь случаем, запросил генерала Орлова:

если я соглашусь принять на себя снабжение армии всеми необходимыми продуктами, вернут ли мне сохранившиеся товары, припасы, имущество и занятые под ними склады? Орлов ответил, что он этого не сделает, так как и товары, и припасы, и помещения нужны ему самому.

Тогда я отказался от предложенной поставки и тотчас же послал из Забайкалья в Хайлар своего служащего, дав ему поручение выяснить, что сохранилось из имущества после нашего бегства, и, кроме того, вывезти из Хайлара контору со всеми торговыми документами. В кибитке, на тройке лошадей, мой служащий пустился в путь из Цурухайтуя и, прибыв в Хайлар, обратился за содействием к генералу Орлову. Генералу показалась оскорбительной просьба моего служащего, и он, не на шутку рассердившись, начал топать ногами и кричать:

– Да как вы смеете предъявлять какие-то требования? Что вы сделали? Бросили все и убежали! Теперь брошенное принадлежит нам, потому что мы его завоевали.

Служащий мой пытался было объяснить, что хозяин послал его вывезти контору и хочет только выяснить, что сохранилось из принадлежащего ему имущества. Генерал снова закричал:

– Повторяю вам, ничего вашего здесь сейчас нет! Все завоеванное нами принадлежит нам. Понятно? А теперь извольте убираться отсюда подобру-поздорову.

Кто-то из военных посоветовал моему служащему обратиться к адъютанту Орлова, человеку вдумчивому и спокойному. Адъютант сразу же спросил:

– Вы побывали уже у генерала?

– Да.

– Что же он ответил на вашу просьбу?

Получив самую подробную информацию о происшедшем, адъютант сказал:

– После этого я, к сожалению, ничем помочь вам не могу. Если бы вы, перед тем как идти к генералу, повидались со мной, может быть, мне удалось бы подготовить его отнестись к вашей просьбе иначе. Теперь же я за это дело не возьмусь, потому что принятое им решение ничто не в силах изменить.

Однако мой служащий оказался человеком не робким и со смекалкой. Он умудрился поздно вечером заехать во двор, где помещалась моя контора, погрузить в кибитку все документы и благополучно вывезти их. Произошло все следующим образом. В ямщиках у моего служащего находился ловкий цурухайтуйский казак, по фамилии Кутенков, в недавнем прошлом работавший у меня в качестве переводчика монгольского языка. Дворы больших китайских усадеб неизменно имеют пару огромных ворот: одни ворота выходят на центральную улицу, а другие, не уступающие первым в величине, – на боковую; в данном случае ворота выходили в открытую степь и охранялись забайкальскими казаками. Кутенков договорился с забайкальцами, среди которых у него оказались знакомые, заехал поздно вечером со степи во двор и «похитил» контору, которая впоследствии, когда предъявлялись убытки к Китаю, оказалась крайне необходимой.

В ту осень и зиму, о которых идет речь, я лично не имел возможности побывать в Хайларе, так как был занят вновь организацией снабжения продуктами и товарами строящейся дороги. По возвращении из Москвы мне посчастливилось встретиться со знакомым коммерсантом, прибывшим из Хайлара, и услышать от него последние новости о тамошнем положении.

Между прочим он рассказал мне:

– Когда я подъехал к вашим палаткам, то подумал сначала, что произошло какое-нибудь несчастье: целая толпа солдат стояла там, около тысячи человек. Оказалось, что это были все покупатели.

Удовлетворить полностью требования каждого солдата-покупателя было невозможно, поэтому, чтобы не обидеть никого, была установлена стандартная покупка, заранее приготовленная, заключавшая в себе четверть фунта сахара, восьмую фунта махорки и по нескольку золотников других продуктов. Почти так же нуждался в необходимых продуктах и командный состав. В своих «задушевных» беседах покупатели ругали моих служащих и за ничтожные заготовки, и за полнейшую неприспособленность «торговых помещений». Надо сказать, что «торговыми помещениями» служили простые шалаши. Служащие мои, как могли, оправдывались, обвиняя в создавшемся положении военные власти, которые наотрез отказались вернуть нам приспособленные торговые помещения. Во время сильных морозов жившие в войлочных юртах мои люди, страдая от холода, обратились к начальнику тыла, полковнику Воробьеву, за разрешением им взять две или три из сорока принадлежавших мне железных печей. Воробьев заявил: «Не могу. Мне самому они нужны».

Навстречу обозам из Забайкалья, груженным продуктами, отправлявшимися в Хайлар, шли другие обозы, увозившие из Хайлара в тыл, в Акшу, пушнину и шкуры из брошенных китайцами на произвол судьбы складов. Куда впоследствии делись эти пушнина и шкуры из опустошенных складов, ведают лишь Бог да хозяйственный атаман Воробьев.

Когда страшное по своему значению и внутренней силе, но ничтожное по внешнему выявлению боксерское восстание было подавлено, мы водворились на прежних местах. Повсюду виднелись следы разрушения, оставленные эвакуировавшейся армией. Постройка Китайско-Восточной железной дороги продолжалась лихорадочным темпом, в стремлении нагнать потерянное время. То обстоятельство, что постройка произво-

дилась по воле и на средства Министерства финансов, позволило закончить все работы, за исключением прокладки хинганского тоннеля, в одно лето. Задержка платежей за работы, столь обычная на других дорогах, здесь совершенно отсутствовала. Сооружение хинганского тоннеля закончилось лишь два года спустя, и до его окончания поезда ходили по обводным путям.

Если Воробьев в Хайларе приналег на пушнину, то генерал Ренненкампф после взятия Цицикара отдал должное внимание серебру, «поддержав» таким образом престиж русских в Маньчжурии. Серебро в слитках по $4^{1}/_{2}$ фунта в каждом, изъятое из банков и частных предприятий, складывалось в ящики и отправлялось на быках и лошадях преимущественно в Хайлар, где приемка производилась счетом ящиков. Весом ящиков и числом слитков в каждом ящике не интересовались. Результаты такого небрежного контроля сказались позже: в руках охраны, сопровождавшей транспорты серебра, поднакопилось значительное количество слитков ценного металла, который долго впоследствии расходовался ею на собственные нужды.

ПОЕЗДКА В ПЕТЕРБУРГ. ХЛОПОТЫ О КОМПЕНСАЦИИ ЗА УБЫТКИ

Когда армия эвакуировалась из пределов Маньчжурии, я выехал в Петербург, чтобы предъявить правительству иск о понесенных мной убытках. Все требования, налагавшиеся на меня договорами по производству построечных работ и поставке на дорогу товаров, съестных продуктов и фуража, с моей стороны были выполнены. Что произошло между Россией и Китаем, какие у них были соглашения относительно условий постройки дороги – это меня совершенно не касалось, так как это были государственно-дипломатические вопросы. За нами же, подрядчиками, несомненно, имелось неоспоримое право на получение с российского правительства сумм, причитавшихся нам за выполненные работы и поставки.

По приезде в Петербург я решил прежде всего обратиться к военному министру, генералу Куропаткину. В субботу самого Куропаткина на приеме не было, его заменял в этот день генерал Максимович, которому я подал заявление с просьбой компенсировать мне стоимость товаров и продуктов, захваченных в Хайларе генералом Орловым. Сумма иска выражалась цифрой в 80 тысяч рублей. Максимович отказался принять это прошение и предложил мне в следующую субботу передать прошение лично в руки военного министра. Я ответил, что мне проживать в Петербурге лишнюю неделю не позволяют мои дела. Тогда Максимович дал мне карточку, которую я должен был вручить в понедельник дежурному адъютанту в домашней канцелярии Куропаткина; карточка содержала в себе просьбу к военному министру принять меня, если он найдет это возможным.

В понедельник, в назначенное время, я встретился в приемной Куропаткина с его адъютантом, который до-

ложил обо мне министру, и вскоре я был им принят. Куропаткин отнесся ко мне необыкновенно доброжелательно, тотчас же прочитал мое несколько необычное прошение, причем мне показалось, что факты, изложенные там, были ему уже отчасти известны, и обратился ко мне со следующими словами:

– Что же делать, господин Кулаев? Всему охотно верю, но ведь, знаете, когда лес рубят – щепки летят. Да, помимо всего прочего, финансовый план Военного министерства совершенно не предусматривает подобных расходов.

– Но, ваше превосходительство, – возразил я, – зачем же было свой же родной лес рубить, чтобы мы щепками оказались? Ведь задачи и призвание наших защитников должны были быть совсем другими…

Куропаткин, заканчивая аудиенцию, обещал переговорить с министром финансов, в чьем непосредственном ведении находилась дорога. По-видимому, деятельность генерала Орлова пришлась военному министру не по вкусу. Исполнил ли он свое обещание, я не знаю. Позднее я обратился непосредственно к министру финансов, графу Витте, с запросом о компенсации убытков, понесенных мной по всем пяти складам товаров, которые были расположены по линии строившейся дороги. Витте, после ликвидации боксерского восстания, лично выезжал на места событий, где организовал специальные комиссии из инженеров и консульских чиновников для выяснения убытков дороги и частных лиц. В момент пребывания Витте в Хайларе мой доверенный передал ему лично заявление о понесенных мной убытках, которые выражались суммой 320 тысяч рублей. Комиссия, рассматривавшая претензии, за недостаточностью оправдательных документов, урезала названную сумму на 70 тысяч рублей. 250 тысяч рублей, присужденных мне в компенсацию убытков, я

получил приблизительно через год после боксерского восстания, много месяцев спустя после поездки моей в Москву, когда острая надобность в оборотном капитале для меня уже миновала. Начиная с этого момента можно считать, закончилась полоса неудач в моей жизни.

С 1902 года я осел на постоянное жительство в Харбине, располагая капиталом в 500 тысяч рублей.

В ХАРБИНЕ. МУКОМОЛЬНОЕ ДЕЛО

На первых же порах мое внимание было привлечено к перспективам, связанным с мукомольным делом. Я учел то обстоятельство, что Маньчжурия является богатой земледельческой страной и что в ней имеется множество дешевой рабочей силы, не знавшей, куда себя применить. Нужно было только наладить обработку сельскохозяйственных продуктов и найти рынок сбыта их.

В крае работала одна мукомольная мельница, под фирмой «Первая Маньчжурская мукомольная компания», перерабатывавшая в день до 1500 пудов крупчатки. В 1902 году мной была построена мельница с суточным производством в 4 тысячи пудов. Пшеницу мы стали закупать только отборную, по цене от 20 до 23 копеек за пуд. Возросший спрос на пшеницу вызвал увеличение в крае посевов ее в столь широких размерах, что вновь появившиеся крупные мельницы не успевали перерабатывать выбрасываемое на рынок количество зерна.

Во время Русско-японской войны благодаря дождливому лету урожай пшеницы оказался плохим: зерно собиралось недозревшим, сырым. Между тем спрос на пшеницу еще усилился, когда в крае находилась русская армия, являвшаяся крупным потребителем. Цена на пшеницу поползла вверх, достигнув 2 рублей за пуд. В крае возникали все новые мукомольные предприятия, возглавляемые людьми малоопытными в этом деле. В начале войны для нужд армии потребовались миллионы пудов муки. Мука была продана армии по очень высокой цене, и мукомолы нажили на этой сделке сотни тысяч рублей. Рассчитывая на затяжной характер войны и увлеченные возможностью крупных и легких заработков, мукомолы, пользуясь широким кредитом со

стороны Русско-Азиатского банка, купили большие партии пшеницы по ненормально высоким ценам. Но им пришлось жестоко обмануться в расчетах. Война закончилась скорее, чем они ожидали, и мукомолы остались с дорогой, сырой и недоброкачественной пшеницей на руках. Их положение еще ухудшилось в силу того обстоятельства, что интендантство ликвидировало имевшиеся в его распоряжении запасы сырой, скоропортящейся муки, достигавшие сотен тысяч пудов, по 10 копеек за пуд.

Результаты всей этой легкомысленной авантюры не замедлили сказаться. Самые крупные мельницы, принадлежавшие Акосу, Ковальскому, Мыслинскому и Мягкову, остались должны Русско-Азиатскому банку 3 миллиона 500 тысяч рублей. Правление банка в Петербурге сильно встревожилось этим обстоятельством. В Харбин приехал сам директор банка Путилов. После энергичных усилий ему удалось объединить пять мельниц – очевидно, он полагал, что соединенными силами легче будет покрыть задолженность банку. В число директоров вновь созданного предприятия входил представитель банка Рихтер. Для развития деятельности предприятия банк передал в распоряжение директоров 500 тысяч рублей и гарантировал неограниченный кредит под закупленную пшеницу. Объединенные мельницы за год переработали 3 миллиона 500 тысяч пудов зерна, не получив не только никакой прибыли, но истратив еще неизвестно куда дополнительный оборотный капитал в 500 тысяч рублей.

А между тем мы, на своей небольшой мельнице, под фирмой «Русское мукомольное товарищество», переработав всего 1 миллион пудов пшеницы, заработали 200 тысяч рублей, то есть по 20 копеек на пуд.

Тогда правление банка, убедившись в бесцельности изобретенного им способа вернуть долг, обратилось ко

мне и моему компаньону с предложением вступить в объединение мукомольных предприятий и взять на себя управление предприятием, обещая нам разные преимущества. С нашей стороны предложение это встретило категорический отказ, после чего А. И. Путилов прислал мне приглашение приехать в Петербург для совместных переговоров относительно все того же мукомольного дела, на что я согласился. Одновременно со мной были вызваны в Петербург и владельцы объединенных мельниц. В результате наших переговоров было достигнуто следующее соглашение. Владельцы мельниц передают таковые в эксплуатацию банку на десять лет; после этого срока банк возвращает владельцам их мельницы очищенными от всяких долгов. Тотчас же вслед за соглашением правление банка передало на компанейских началах все объединенные мельницы «Русскому мукомольному товариществу».

Работа мельниц под нашим руководством в течение одиннадцати лет оказалась вполне успешной: банк полученной прибылью покрыл долг в 3 миллиона 500 тысяч рублей, и соответствующая сумма пришлась на нашу, то есть мою с компаньоном Бликановым, долю. А владельцы объединенных мельниц продали или заложили большинство принадлежавших им акций Русско-Азиатскому банку, который, таким образом, превратился в главного хозяина мельниц и с которым мы продолжали работать на первоначально заключенных условиях вплоть до революции. Можно было гордиться достигнутыми успехами не только в отношении колоссальных прибылей, получаемых нами, но и широтой размаха в постановке дела, захватившего в сферу своего влияния Западную Сибирь.

Мельница, построенная мной в Новониколаевске, являлась самой крупной в крае. Она могла перемолоть в крупчатку 8 тысяч пудов в сутки. Другая наша

мельница, в Чите, перерабатывала в сутки 3 тысячи пудов зерна. Во Владивостоке «Русское мукомольное товарищество» выстроило шестиэтажную железобетонную мельницу, которая могла перемолоть в крупчатку 8 тысяч пудов зерна в сутки. Постройка этой мельницы обошлась товариществу в 1 миллион золотых рублей. На всех мельницах, принадлежавших товариществу, включая мельницы в Маньчжурии, в сутки перерабатывалось 30 тысяч пудов зерна, то есть как раз столько, сколько можно было сбыть. На территории России обслуживались нами нужды населения Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской областей, Камчатки и Сахалина. Половина производства харбинских мельниц находила сбыт в Маньчжурии: в Цицикарской, Мукденской, Гиринской провинциях и Квантунской области, вплоть до Дайрена. Нам удалось вытеснить с рынка преобладавшую там до того времени американскую и канадскую муку.

Достигнутыми результатами в области завоевания рынка я, откровенно признаюсь, гордился, причем меня влекло даже не желание увеличить свой капитал, но чисто спортивный интерес, труднообъяснимое, захватывающее чувство – стремление выйти победителем в соревновании. Я не хочу относить выпавший на мою долю успех за счет только моего ума. По моему мнению, самое дело, в процессе своего развития, указывало, что следовало делать, как поступать в каждый данный момент. Работа создавала настроение, будила энергию. А вот когда не повезет – так уж не повезет, и будь ты хоть семи пядей во лбу, все равно, не только крупного – самого мелкого и то создать не сможешь. Не буду принимать в расчет годы моей юности, когда мной было сделано много ошибок по неопытности из-за излишней доверчивости к людям; но ведь в средние

годы я не был глупее, чем потом, а между тем, несмотря на все старания, приложенные в течение десяти лет к «золотому» делу, я никакого успеха не имел. Иногда дело и казалось как будто верным, а смотришь – кончается провалом. Но зато в полосе благополучия удача сопровождает человека, как тень. Расскажу далее один случай, как иллюстрацию вышесказанного.

ДАРАСУНСКИЕ ЗОЛОТЫЕ ПРИИСКА

После разочарований, которые принесло мне олекминское золотопромышленное дело в Тунгире, я внутренне обещал себе, что это будет моей последней попыткой, что в будущем ничто не заставит меня вернуться к этой работе, но вышло иначе. Среди массы разнообразных дел вывернулось между прочим богатое золотое дело в Забайкалье, близ города Нерчинска, а именно Дарасунские золотые прииска, расположенные по речке Дарасун. Рассыпное дарасунское золото много лет разрабатывал Михаил Дмитриевич Бутин – руками вольных рабочих и каторжан, под надзором воинской охраны. Дарасунские прииска считались уже выработанными, потерявшими всякую ценность, как вдруг в 1915 году, совершенно неожиданно, на них обнаружилось богатейшее рудное золото.

Открытая золотая жила выходила на поверхность земли. Вначале, для пробы, военным инженером Пеленкиным были закуплены в Чите десять штук обыкновенных, применяющихся в домашнем обиходе ступок. Пущенная в ход фабрика, где руда размельчалась в ступках, натолкла за зиму 6 пудов высокопробного рудного золота. Летом Пеленкин установил один чугунный бегун – особый вид жернова – и за несколько летних месяцев получил 14 пудов золота, не затратив на добычу руды ни одного патрона динамита и собирая с поверхности выветрившуюся кварцевую жилу. Разработками было установлено, что золотоносная жила шла по поверхности на расстоянии более версты, но надо полагать, судя по мощности жилы, что она тянулась на большое расстояние.

Пеленкин прежде имел крупный подряд на устройство полотна вновь строившейся ветки к северу от Забайкальской железной дороги. По ходу работ

потребовалось построить каменный мостик через маленькую речушку, приток реки Амазара. Во время рытья котлованов для закладки моста открылся слой золотоносного песка. Разработав сравнительно небольшой разрез, Пеленкин добыл 25 пудов золота, и казалось, неожиданно свалившееся ему счастье должно было сделать из него богатого человека. Но это действительно только казалось, потому что все деньги он ухитрился вбить в построечные работы, оставшись в конце концов лишь с оборудованием и лошадьми. Вот в это-то время он обратился к моему тогдашнему компаньону Полутову с просьбой предоставить ему для эксплуатации участок на Дарасунских приисках. После благоприятно закончившихся переговоров Пеленкин перебросил оставшееся от постройки дороги имущество и лошадей, предполагая заняться разработкой рассыпного золота. Его старания найти пески с промышленным содержанием золота успехом, однако, не увенчались, и знавшие Пеленкина люди, несколько забегая вперед, предсказывали ему полнейшее разорение.

При окончании работ, осенью, в начале сентября, один из приисковых служащих его, Ерофеев, горняк с уральских рудников, уйдя на охоту, натолкнулся у подошвы горы на упомянутую выше золотую жилу, набрал в карманы образцов руды и, вернувшись домой, после испытания обнаружил в ней богатое содержание золота. Но даже счастье, равное которому можно встретить только в сказке, не спасло Пеленкина от разорения. Счастливец жил в этот период времени в Чите, жил весело, развлекаясь, не зная счета деньгам, разбрасывая их направо и налево, давая в долг бесчисленным своим приятелям и знакомым. Известно, например, что один из золотоискателей, служащий Русско-Азиатского банка, получил от него заимообразно 75 тысяч рублей.

Приблизился конец операционного периода, октябрь, время расчетов с рабочими и служащими. Всего следовало уплатить 45 тысяч рублей, а у Пеленкина в карманах – ни копейки. Так как прииск принадлежал мне и деньги за сданное золото официально получали мы, то, согласно закону, удовлетворить денежные требования служащих и рабочих следовало нам, что мы и сделали. Я запросил Пеленкина, куда делись полученные им за сданное нам золото 200 тысяч рублей и предполагает ли он уплатить следуемую нам аренду, в размере 8 тысяч рублей, золотом, как было условлено по договору. Ответ получился весьма лаконичный, но вполне ясный: денег нет.

Ответ этот не явился для нас неожиданностью. Мы знали, что действительно денег у Пеленкина в это время уже не было. В ту же зиму 1916 года Пеленкин был призван на военную службу, как военнообязанный. В Чите у него оставались совершенно без средств жена и мать. Тогда, по добровольному с ним соглашению, мы решили уплатить счастливому открывателю золота 80 тысяч рублей за открытие, отдав из них 45 тысяч рублей рабочим и служащим, а остальные 35 тысяч – жене Пеленкина с матерью.

Надо сказать, что инженер Пеленкин был неплохим человеком, не пил, не играл в карты; он лишь относился к тому типу людей, которых называют «шляпами» и разгильдяями. На постройке Амурской дороги все его коллеги по подрядам сумели заработать деньги. Был даже такой случай, что работа оказалась убыточной, и подрядчики-инженеры ходатайствовали в надлежащих сферах о прибавках к установленным ценам. Из Петербурга была прислана комиссия, составленная из инженеров, которая весьма благосклонно отнеслась к просьбам своих коллег. В силу постановлений этой комиссии, между подрядчиками были распределены добавочно

7 миллионов 500 тысяч рублей, после чего все оказались довольны, и все закончили работы с барышами. Все, за исключением «шляпы» Пеленкина, который, как я уже говорил, всадив в работы свалившиеся ему с неба 25 пудов золота, остался в конце концов ни с чем.

После того как инцидент с Пеленкиным был окончательно ликвидирован, я откупил у своего компаньона Полутова его половинное участие в Дарасунских приисках и начал заготовку леса для постройки фабрики, где предполагалось мной извлекать золото из руды химическим способом. Пеленкин извлекал золото только амальгамированием его, то есть уловлением через посредство ртути, но, вследствие несовершенства применяемых способов, из руды удавалось извлечь всего 55 процентов золота, а остальные 45 процентов уходили в сносы, или, по техническому выражению, в шламы. Химическое исследование установило, что в шламах Пеленкина находилось 9 пудов золота.

В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Налетевшая как вихрь революция русская расстроила все мои планы. Мои золотые прииска были «национализированы». Интересно заметить, что вначале это богатое дело не приносило большевикам никакой выгоды. Триста человек старателей из местных жителей, работавших на прииске, сдавали государству ничтожную долю добытого золота, основная масса которого уходила по высоким ценам на сторону. В те времена, когда в Забайкалье еще существовала Дальневосточная буферная республика, из Читы приезжал в Харбин начальник горного округа, инженер Исильян, предложивший мне взять Дарасунские прииска в аренду. На предложение я ответил согласием, в надежде на скорое восстановление прав собственности и желая сохранить за собою случайно открытое богатое дело и дорого стоившее оборудование прииска.

В начале 1922 года я выехал в Читу, чтобы на месте договориться об условиях аренды. В первую очередь пришлось повидаться с министром народного хозяйства, по национальности латышом. Я спросил его:

– На каких условиях вы предполагаете сдать в разработку прииска?

– На арендных началах. Размер аренды будет установлен на основании обоюдного соглашения. Количество золота, которое вы обязаны в течение года сдать государству, определяется на основании специальных нарядов.

– А позвольте узнать, каким способом вы удалите с участка старателей, которые считают приск своей собственностью?

– Вот таким, – сказал он мне, показывая сжатый кулак.

От министра народного хозяйства я направился к премьер-министру Никифорову, с которым мне при-

ходилось встречаться во Владивостоке. Это был человек еще молодой, по-видимому умный; он держал себя удивительно просто и хорошо. В нем совершенно отсутствовала неприятная манера задираться, столь свойственная многим большевикам, выдвинутым революцией на ответственные административные посты. На поставленные мной по существу дела вопросы Никифоров ответил в достаточной степени уклончиво:

– Смотрите сами. Вам виднее, как поступить.

Последний мой визит был к министру внутренних дел Матвееву, сыну купца из Кары, у которого я когда-то останавливался, проездом на Олекминские прииска, в качестве гостя. Из трех его сыновей двое по своим политическим убеждениям тяготели к правым группировкам, а третий, левых убеждений, сделался после революции министром. Я обратился к нему с просьбой сказать откровенно: что может предпринять правительство Дальневосточной республики для выселения старателей с прииска? Он ответил:

– Для начала пошлем одного-другого комиссара уговаривать их оставить прииск добром. Ну а если они не подчинятся, так не посылать же карательную экспедицию расстреливать их! В конце концов, этой компанией, босяками, по вашему выражению, мы держимся – не вами же, буржуями. Вот все, что могу сказать, а остальное решайте сами.

Закончив, таким образом, мои переговоры с членами правительства Дальневосточной республики, я выехал обратно в Харбин.

В настоящее время, по сведениям, напечатанным в газете «Правда» и передаваемым по радио, на Дарасунских приисках добывается много золота, и они могут служить примером хорошего, капитального оборудования. Это верно. Обставить прииска стоило мне немалых денег и труда. Чтобы доставить в тайгу

120-сильный локомобиль и три пары чугунных бегунов, весом каждый по одной тонне, потребовалась упряжка в сорок быков. Вряд ли добавили большевики что-либо к этому техническому оборудованию, исключая, конечно, оборудование, требовавшееся для добывания золота химическим путем.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДОБЫЧЕ ЗОЛОТА У НАС И В АМЕРИКЕ

Скажу еще несколько слов о моих Дарасунских золотых приисках. В отводе прииска Межуточного, приблизительно посередине залегания жилы, я разрешил подрядчику Страновскому пробить пробную шахту глубиной в 27 сажен. Руда шла 26 сажен в кварцевых породах, а с 27-й сажени начинался железный колчедан. Химическое исследование установило содержание 53 золотников золота в 100 пудах колчедана. Из выбитой шахты Страновский добыл 2 пуда золота.

Надо заметить, что у нас, в России, на Урале и в Сибири, золото встречается преимущественно в кварцевых породах. В свой приезд позже в Америку я посетил Калифорнийский университет в Сан-Франциско и передал в химическое отделение его образец железного колчедана для анализа. Профессор, заведовавший лабораторией, сообщил мне, что в Америке все золотоносные системы главным образом находятся в местах залегания железного колчедана, и руда с содержанием 8 долей золота на 100 пудов колчедана считается богатой и выгодной для разработки. Невольно приходит в голову мысль об отсталости нашей техники добычи золота. Теперь, когда богатые рудники Колорадо и Невады в достаточной мере выработаны, Америка добывает золото только благодаря техническому совершенству своего оборудования.

Большой любитель посмотреть постановку золотого дела, я в разное время побывал на нескольких американских рудниках. Впервые я посетил рудники штата Невада в 1919 году, вместе с представителем фирмы «Вестингауз», который был командирован со специальной целью ознакомить меня с современным техническим оборудованием рудника, в частности с водяными

и паровыми турбинами, поставленными фирмой «Вестингауз». С большим вниманием и предупредительностью управляющий одного из самых крупных рудников Невады демонстрировал нам не только техническое оборудование прииска, но и вообще весь процесс добычи и обработки руды. Было чему удивляться, глядя на усовершенствованные машины, приводимые в движение электричеством, управляемые каким-нибудь десятком человек и заменяющие собой сотни человеческих рук. Машины делали все: добывали, транспортировали и обрабатывали руду.

В полуверсте от рудника находилось богатое имение владельца его, куда нас пригласили завтракать. Я поинтересовался, сколько лет уже работает рудник. Хозяин ответил: «Мне сейчас шестьдесят лет, а я родился в год начала работ на руднике».

Я знаю, что в 1936 году этот рудник продолжал работать; значит, он существует семьдесят шесть лет.

Начиная с 1919 года я живу год в Китае и год в Америке, по-прежнему интересуюсь постановкой дела на рудниках и констатирую факт, что за эти семнадцать лет в данной области сделаны значительные усовершенствования. У нас, в Сибири, добыча рудного золота перед революцией только еще начиналась, но этой отрасли золотопромышленности предстоит блестящее будущее. К сожалению, наша русская молодежь относится к этому вопросу без должного внимания. Я помню, как в свои молодые годы я так увлекался этой работой, что меня ничто не могло остановить: ни сорокаградусные морозы, ни зимние вьюги, ни весенние разливы бурных таежных рек; никакие опасности и риск не задерживали моего стремления достигнуть цели. К своему удивлению и огорчению, не могу сказать того же о моих детях. Трое моих сыновей окончили Калифорнийский университет, причем двое из них –

по горному факультету, но ни от одного из них я не мог добиться согласия поехать на работающие американские рудники, чтобы применить теорию на практике, без чего вся их теоретическая подготовка, отнявшая пять лет, не имела никакой цены. Обидно, что не была ими использована предоставлявшаяся им возможность, так как рудники Невады отстояли от Сан-Франциско всего на 80 миль, то есть в трех часах езды на автомобиле, и на месте рудников теперь расположены большие города с первоклассными гостиницами.

МОИ ПРИИСКА́ В БАРГЕ

Однако возвращаюсь к воспоминаниям о моей двадцатилетней жизни в Китае, в период времени до русской революции. Все мои дела там развивались удачно. Вообще русская торгово-промышленная деятельность в Китае имела все шансы на успех, и если иногда она и заканчивалась неудачами, то эти неудачи следовало отнести только за счет плохой политической осведомленности и неустойчивости русского правительства.

На пространстве между рекой Аргунью и Хинганским хребтом располагается особая область, называемая Барга, населенная в южной, степной, своей части кочевыми народами, преимущественно монгольского племени. На протяжении многих сотен верст в степи соприкасались между собой монгольская и русская границы. Жизнь и интересы бурят, входящих в состав населения России, и монголов были тесно связаны между собой. Те и другие занимались скотоводством, те и другие, кочуя, мало беспокоились о том, в пределах чьей границы в данный момент они находятся. В годы засухи буряты из русской степи, более подверженной засухам, уходили в глубь монгольской степи, не встречая противодействия со стороны монголов. То же явление наблюдалось в низовьях Аргуни, когда казачье население, жившее по склонам Хингана, вдоль притоков Аргуни, и занимавшееся скотоводством, в засушливые годы перегоняло свои табуны в раскинувшуюся на сотни верст, никем не заселенную степь. Отсюда можно заключить, что между русским населением, жившим вдоль границы, и монголами установились вполне дружеские отношения, как в одной семье.

Зато совершенно противоположные чувства питали монголы к китайским чиновникам, облагавшим монголов непомерными налогами и чинившим над ними ди-

кие расправы, вплоть до отсечения головы без суда и следствия. Вот почему Монголия всегда и тяготела к России.

После революции 1911 года в Китае, когда Монголия и Барга объявили себя независимыми, монгольские власти в Барге предложили мне арендовать Киларийские прииска, находящиеся вблизи русской границы, неподалеку от Нерчинского завода, против села Аргунь. Китайских старателей, работавших на Киларийских приисках, монголы выгнали, а сами они к занятию золотым делом были совершенно неспособны. Принципиально согласившись на сделанное мне предложение, я предварительно решил несколько глубже ознакомиться с создавшимся в крае политическим положением и обратился за интересующими меня сведениями к проживавшему в Харбине китайскому губернатору Цицикарской провинции, в ведении которого находились прежде эти прииска. Губернатору было, однако, совсем не до того. Он сам изо всех сил пытался хоть что-нибудь понять в китайской неразберихе. Попробовал я посоветоваться о деле с русским консулом в Харбине, Поппе, но ничего определенного от него тоже не услышал. Он сказал мне:

– Поступайте как хотите, это ваше личное дело. Мы не имеем пока от нашего министерства никаких сообщений о признании Монголии и Барги и потому утвердить ваш договор не можем. Лично я сочувствую вашим начинаниям и буду рад услышать об успехе русского дела.

Приблизительно такого же характера ответ я получил от русского консула в Хайларе, Усатого. Прекрасно понимая, что монгольское правительство вправе по своему усмотрению распоряжаться своим государственным имуществом, я хотел только, обращаясь за справками к русским консулам, узнать, не имеется ли у

них каких-либо оснований воспрепятствовать мне заняться разработкой Киларийских приисков. Полученные от консулов ответы меня вполне удовлетворили, и я заключил с монгольским правительством договор об аренде приисков на выгодных для баргинского правительства условиях, обязавшись отчислять в его пользу 15 процентов добытого золота, в то время как в России отчислялось в аналогичных условиях всего только 5 процентов.

После того как нанятые мной 300 человек русских рабочих приступили к работам, поднялась тревога с той стороны, откуда я меньше всего ее ожидал. Министерство иностранных дел российского правительства послало генеральному консулу в Харбине Поппе и читинскому военному губернатору телеграммы следующего содержания: «Объявить господину Кулаеву, что российским правительством самостоятельность Баргипока не признана, и поэтому российское правительство не может защищать его интересы в случае предъявления к господину Кулаеву иска об убытках со стороны китайского правительства. Кроме того, пользуемся случаем довести до сведения господина Кулаева, что какие-то права на Киларийские прииска имеются в руках Верхнеамурской золотопромышленной компании».

Зрителю со стороны могло показаться, что чиновники из Министерства иностранных дел весьма предупредительны к своим согражданам и усиленно пекутся об интересах этих сограждан, стремясь оградить их от возможных убытков. Но в действительности собака была зарыта в следующем. Верхнеамурская компания, компания генерала Асташева и Гинзбурга и, наконец, компания Мальцева, куда, как я уже упоминал, входили пайщиками великие князья, получили в 1901 году концессии от китайского правительства. Двум последним компаниям достался весь правый берег Амура, протя-

жением в несколько сот верст, а Верхнеамурской компании – тоже несколько сот верст по правому берегу реки Аргуни, куда, кстати сказать, входила и речка Килари. Два года производили все эти компании поиски золота, окончившиеся крайне неудачно. Тем временем изменился курс китайской политики. Раньше русским охотно предоставлялись китайцами концессии в Маньчжурии, но впоследствии положение стало иным, и Китай заявил протест по вопросу о концессиях, указывая, что договор о концессиях не имеет законной силы, так как он подписан только губернатором Хейлунцзянской провинции, которому китайское правительство не предоставляло никаких полномочий для совершения подобного акта.

После своей неудачи в поисках золота компании не стали оспаривать законности китайского протеста и с готовностью оставили концессию, вчинив, однако, китайскому правительству иск за нарушение договора в сумме 7 миллионов 500 тысяч рублей. По вопросу об иске возникли между китайским правительством и русским посольством в Пекине переговоры, растянувшиеся на несколько лет. В результате этих переговоров сошлись на 2 миллионах лан, внесенных китайцами в отделение Русско-Азиатского банка в Пекине.

Казалось бы, что после получения этих денег Верхнеамурская компания теряла окончательно свои права на концессии. Но не тут-то было. Директор Верхнеамурской компании, барон Фитингоф, обратился к начальнику Азиатского отдела Министерства иностранных дел, Г. А. Казакову, с которым он находился в приятельских отношениях, и попросил его послать мне телеграмму вышеприведенного содержания. Конечно, у Министерства иностранных дел не было абсолютно никаких оснований для посылки этой телеграммы, и оставалось также совершенно непонятно, какое

отношение к делам в Китае имел читинский военный губернатор. Расчет же был до удивительного прост: заинтересованные лица в Петербурге полагали, что телеграмма произведет потрясающий эффект на «провинциала», и он, испугавшись последствий, бросит оборудование приисков и покинет Килари.

Но «провинциал» не оправдал возлагавшихся на него ожиданий. Я был не труслив и ответил в Министерство иностранных дел и премьер-министру Коковцеву, что защиты себе не ищу и прошу русскому делу не мешать; доказательства, относящиеся к моим правам на прииск, представлю при личном приезде моем в Петербург.

Кстати добавлю, что никаких протестов со стороны китайского правительства, в течение четырех лет спокойной налаженной работы на приисках, ко мне не поступало.

Месяца через три после отправления ответной телеграммы я поехал в Петербург и посетил Министерство иностранных дел. Отправившийся доложить о моем приходе министру дежурный чиновник, вернувшись, передал мне просьбу Г. А. Казакова предварительно заглянуть к нему, что я и сделал. Казаков сразу же подчеркнул, что он передает мне подлинные слова министра. Министерство не может поддержать меня в моей работе на приисках, во избежание осложнений с Китаем. Деньги, вкладываемые в это сомнительное предприятие, затрачиваются мной впустую. И еще много неосновательных, детских доводов счел нужным привести господин Казаков. Расставаясь с ним, я сказал, что, хотя он и передавал слова министра, от которого я, быть может, ничего нового не услышу, я все же продолжаю настаивать на личном свидании с министром; если он откажет мне, то никто, по крайней мере, не упрекнет меня, что я не хотел работать под покровом и защитой русского правительства.

В тот день министр был занят, и Казаков обещал известить меня по телефону о дне аудиенции. Уходя, я оставил Казакову, для передачи министру, докладную записку, где обрисовал истинное положение дел. На следующий же день, в 3 часа, мне был назначен прием.

Министр Сазонов, оказавшийся очень приятным человеком, любезно встретил меня и долго беседовал со мной о деле, но в общем повторил слова Казакова. На вопрос мой: «А вы читали мою докладную записку, ваше высокопревосходительство?» – Сазонов с некоторой заминкой дал утвердительный ответ, но впечатление мое было таково, что он всецело положился на суждения Казакова. Когда Сазонов провожал меня из кабинета в зал, я между прочим обронил фразу:

– Искать защиты своих прав здесь, в Петербурге, мне больше не у кого. Поеду завтра за границу, в Германию, и попробую передать свой договор немцам. Возможно, что немцы, через свое правительство, смогут легализовать этот договор.

Это заявление мое заставило Сазонова призадуматься, и он предложил мне отложить поездку за границу дня на три, пока он разберется в деле и даст окончательный ответ. Не ожидая все-таки ничего положительного с этой стороны, я направился к премьер-министру Коковцеву со своей докладной запиской, где подробно останавливался на значении для России края, в котором я пытался развивать свою деятельность. Я сказал Коковцеву:

– Я – человек состоятельный, вы меня знаете. На свое дело в Барге я затратил пока небольшие деньги, всего пятьдесят тысяч рублей, и потеря их для меня, при моем денежном состоянии, конечно, несущественна. Не мог же я, разумеется, думать, что из-за моих личных мелких интересов в этом крае Россия вступит в какие-либо осложнения с Китаем. Я только указываю на богатства края и чрезвычайно выгодное положение его в стратегическом отношении. Сама природа

позаботилась защитить этот край с востока и юга высочайшим, поросшим лесом Хинганским хребтом, образовавшим неприступную крепость. Вам все это должно быть известно, так как вы лично осматривали места, о которых идет речь, во время посещения вами Харбина, и вы должны прекрасно учитывать, какое значение в будущем приобретет этот незначительный кусок территории.

Далее я рассказал Коковцеву истинную причину, из-за которой разгорелся весь сыр-бор, и назвал заинтересованных лиц.

Коковцев слушал внимательно и как будто сочувственно. Заканчивая аудиенцию, он сказал:

– Прошу вас еще раз побывать у министра Сазонова и повторить ему все, что вы сказали мне.

– Но, ваше высокопревосходительство, я это уже сделал, и даже в более подробной форме. Ваше внимание я не осмелился задерживать долго, зная, как много людей добиваются свидания с вами.

– И все-таки попытайтесь увидеться с Сазоновым и передайте ему, что вы действуете согласно моему желанию.

Ровно через два дня произошло мое второе свидание с Сазоновым. Он, не ожидая объяснений с моей стороны, начал излагать свои планы на ближайшее будущее. Я мог только сказать:

– Я не дипломат, ваше высокопревосходительство, но хорошо знаю условия жизни пограничного русского населения, в основной массе своей состоящего из казачества, и могу утверждать, что осуществление ваших планов встретит искреннюю признательность и благодарность с его стороны и одновременно послужит хорошей защитой от грозящих в будущем опасностей.

Беседа наша приняла интимный характер. Прощаясь со мной и пожимая мне руку, Сазонов сказал:

– Мешать вам в вашем деле не будем.

Русская экономическая политика в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке

ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

После Русско-японской войны, закончившейся неожиданным для России финалом, в правительственных кругах появилась тенденция бить отбой от Маньчжурии, не считаясь с потерей сотен миллионов русских денег, затраченных на постройку дороги и городов. При такой политике правительства мы, частные предприниматели, оказались в ролях козлов отпущения. Правительство своими намерениями как бы заявляло, что нам нужно «играть назад»: бросать все наши предприятия в Маньчжурии и заняться развитием промышленности на Дальнем Востоке. Но что было делать там русским мукомолам, в частности нашей владивостокской мельнице, перерабатывавшей в год до 3 миллионов пудов пшеницы, если наше отделение в Никольск-Уссурийске с трудом закупало сто вагонов местной пшеницы да прочим мельницам удавалось приобрести не более двухсот вагонов, а остальные миллионы пудов перерабатываемой на мельницах пшеницы ввозились из Маньчжурии и кормили весь край.

Когда в Харбине остановился ненадолго, на обратном пути с Дальнего Востока в Петербург, бывший томский губернатор Н. Л. Гондатти, который должен был быть назначен приамурским генерал-губернатором, руководители «Русского мукомольного товарищества» предложили ему посетить и осмотреть принадлежавшие товариществу мельницы. В предприятии этом, кроме штата, сплошь состоявшего из русских служащих, были заняты еще 100 человек русских рабочих. Мы пытались доказать будущему начальнику

Приморского края, мнение которого должно было иметь решающее значение в Петербурге, что у правительства не имеется никаких достаточных оснований для немилости в отношении русского производства в Маньчжурии. Обычно заграничные предприятия, находящиеся в аналогичных с нашими условиях, пользуются поддержкой своего государства, и меньше всего им надо ждать препятствий с его стороны. Гондатти сделал вид, что он вполне разделяет наши мнения, и сказал, что не забудет, где нужно, об этом напомнить, но в действительности вышло не так.

В те годы место премьер-министра занимал П. А. Столыпин, который, не зная местных условий того или иного края, всегда опирался, правильно или неправильно, в своих решениях на мнения близко стоящих к нему людей. Гондатти, вернувшись в Петербург, примкнул к господствовавшему там мнению и выявил себя большим противником утверждения русского влияния в Маньчжурии. Заняв потом пост генерал-губернатора, он настаивал на необходимости или по меньшей мере желательности постройки крупных мельниц и других предприятий в Приморской области и, через посредство своего специального чиновника по особым поручениям в Петербурге, N.N., добивался введения пошлин на ввозимую в Приморье муку и некоторые другие съестные припасы. В продолжение двух лет представлял он в Министерство финансов и торговли доклады по данному вопросу, но, вероятно, в министерстве его предложения не встречали особого сочувствия.

Однажды я приехал, в 4 часа дня, из Москвы в Петербург, а в 6 часов был вызван к телефону одним из членов правления Китайско-Восточной железной дороги, который сказал мне:

– Сегодня в восемь часов вечера, после доклада N.N., состоится решающее заседание членов Государ-

ственного совета и Государственной думы по вопросу об обложении пошлиной вывозимых из пределов Маньчжурии в Россию муки и других продуктов. Вы в данном вопросе заинтересованы более чем кто-либо другой, и поэтому ваше присутствие на заседании крайне желательно.

Я заверил говорившего, что непременно постараюсь попасть на заседание. Когда я вошел в зал, собрание было уже в сборе. Заседание открыл член Государственного совета Денисов. На мою просьбу разрешить мне присутствовать на данном заседании Денисов ответил:

– Пожалуйста, пожалуйста! Мы охотно выслушаем ваше мнение по затронутому вопросу.

Всего присутствовало на заседании 24 человека: 8 членов Государственного совета, 8 членов Государственной думы и 8 чиновников разных ведомств. На долгое время занял внимание присутствовавших объемистый доклад N.N., весь состоявший из цитат, как классное сочинение ученика, не имеющего собственного мнения: «Такой-то генерал говорил следующее… Такой-то ученый профессор высказывался так-то…» В заключение он произнес речь приблизительно такого содержания: «Ведь прежде мельниц в Маньчжурии не было, следовательно, и маньчжурской муки не существовало, а между тем население Приморья ело хлеб, приготовленный из муки-крупчатки. Значит, была не только мука, но были и мельницы».

Короче говоря, если послушать господина N.N., то в Приморском крае все имелось в изобилии.

Если присутствовавшие на заседании члены Государственной думы, в большинстве учителя из Приморья, слабо разбирались в экономике края, то остальная публика имела уж совсем смутное представление о Приморье. После окончания меркуловского доклада

председатель обратился к членам собрания с предложением высказаться по вопросам, затронутым в докладе. Собрание ответило полнейшим молчанием, никто не взял слова. Молчание продолжалось довольно долго. Наконец я попросил разрешения у председателя сказать несколько слов; мне разрешили.

– Естественно, – сказал я, – что господин N.N., в своих суждениях о положении края, опирается на мнения таких-то и таких-то генералов и профессоров, взятые им со страниц всевозможных периодических изданий. Это потому, что он сам в данном вопросе не компетентен. В самом деле, как требовать от человека знания местных условий, если сразу после окончания гимназии во Владивостоке он уехал получать высшее образование в Петербург, а с университетской скамьи попал в чиновники особых поручений к генерал-губернатору Гондатти, с местом жительства в Петербурге. Не зная истинного положения вещей, можно с легким сердцем жонглировать мнениями других лиц. Но я проработал в крае пятнадцать лет, мне хорошо знакома экономика края и вопросы продовольствия. Основывая коммерческое предприятие, руководствуешься не только настоящим, но заглядываешь и в будущее. Рассчитывая на увеличение посевов пшеницы в Приморье, я построил мельницу и крупорушку в Никольск-Уссурийске. Увы, ожидания мои не исполнились, и все оборудование пришлось продать. Правда, позднее «Русское мукомольное товарищество» выстроило большую мельницу во Владивостоке, но не надо закрывать глаза на тот факт, что мельница перерабатывала пшеницу, получаемую из Маньчжурии и Западной Сибири, а в годы недородов – австралийскую, прибывавшую во Владивостокский порт. Ввоз зерна в Приморье – явление не последних лет, как неправильно указал господин N.N. И в прошлые годы

для продовольствия войск ввозили рожь и перемалывали ее в Никольск-Уссурийске, на мельнице Ликкольда. То же надо сказать об овсе для корма лошадей в армии, который подвозился из Одессы. Овес, правда, родился в Уссурийском крае, но лошадям его не давали, потому что лошади от уссурийского овса пьянели, превращаясь словно в зачумленных. Обращаюсь теперь к экономической стороне вопроса, – продолжал я. – Если послушать господина N.N., то выходит, что развитию хлебопашества в крае мешает ввоз дешевой маньчжурской пшеницы. Полно, так ли это? В Маньчжурии пшеницу не даром дают. Даже теперь в урожайные годы за пуд зерна надо заплатить пятьдесят – семьдесят копеек. Прибавив сюда пять копеек на россыпь и тридцать пять копеек за провоз пуда зерна до Владивостока, получим, что во Владивостоке пуд маньчжурской пшеницы обходится в один рубль. Это паритетная цена Лондона. Предположив, что природные условия Уссурийского края благоприятствуют развитию сельского хозяйства, о какой конкуренции со стороны маньчжурской пшеницы можно говорить? Мельницы предпочтут переплачивать десять копеек на пуд местного зерна вместо того, чтобы затрачивать крупный капитал на покупку полугодового запаса зерна и нести дополнительные расходы по его перевозке. Я отвечаю на вопрос господина N.N.: какой хлеб ело до сих пор все Приморье? Хлеб-крупчатку из американской пшеницы. Теперь я спрашиваю вас, здесь присутствующих: следует ли облагать пошлиной ввозимые в Приморье съестные припасы?

Указанные мной факты подтвердил выступивший после меня товарищ председателя, военный генерал, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Он сказал, что со своей стороны может подтвердить факт ввоза ржи и овса из Одессы в Приморье в течение четырех

лет, пока он занимал пост коменданта крепости города Владивостока. Председатель поставил вопрос на баллотировку, предложив лицам, не согласным с введением ввозных пошлин, поднять руки. Вверх протянулись руки всех присутствовавших, за исключением четырех, принадлежавших представителям Западной Сибири.

С Николаем Львовичем Гондатти у меня произошло однажды объяснение при следующих обстоятельствах. По приезде в Читу я узнал, что с попутным мне экспрессом в Харбин едет вновь назначенный генерал-губернатор Приморья Гондатти. Ночью я занял место в том же поезде, а утром, когда подъезжали к Маньчжурии, посетил его в служебном вагоне и поздравил с высоким назначением. Почти с первых же слов разговор перешел на интересовавшую меня тему о взглядах правительства на расширение русского влияния в Маньчжурии.

– Видите ли, – говорил Н. Л. Гондатти, – Петр Аркадьевич Столыпин прав. Не промышленность Маньчжурии, а именно промышленность Приморского края следует развивать…

– А что вы посоветуете предпринять промышленникам? – спросил я. – Отказаться от годами созданного материального положения, махнуть рукой на затраченные миллионы рублей, распрощаться с перспективами на будущее и создавать промышленность в малонаселенном Уссурийском крае? Там ни сейчас, ни в ближайшем будущем не найти достаточного количества зерна для бесперебойной работы мельниц. Вообще должен признаться, что наше положение, положение русских промышленников, еще более осложняется вследствие неопределенной политики правительства. Каждое лицо, стоящее у власти, руководя курсом государственных дел, считается со своими личными убеждениями и мнениями. Сегодня нас ведут в одном

направлении, а завтра, быть может, поведут в прямо противоположном.

Последнее замечание задело Гондатти за живое, и он отвечал с некоторым возбуждением:

– Что же, вас тащили силой в Маньчжурию?

– Пожалуй что и силой. Два года тому назад премьер-министр Витте, стремясь к укреплению и развитию русских дел в Маньчжурии, усиленно предлагал мне основать в городе Дальнем завод для переработки масленичных бобов, с суточной производительностью в десять тысяч пудов. Для постройки он обещал совершенно бесплатно участок земли. Значит, действительно «тащили».

ПОХИЩЕНИЕ МЕНЯ БАНДИТАМИ

Я считаю себя почти коренным жителем Харбина, потому что начиная с боксерского восстания 1900 года вплоть до 1925 года, то есть четверть века, я прожил в Харбине, вложив и свою небольшую долю участия в дело стройки и развития города, получившего в последнее время эпитет Великого. В Харбине, с которым мы настолько сжились, что считали его родным городом, получили свое первоначальное образование мои сыновья: они учились в коммерческом училище, славившемся постановкой учебного дела. Детей у нас с женой росло пятеро: четверо сыновей и дочь. Зимой мы жили в городе, а летом уезжали на дачу или в Забайкалье, на курорт Дарасун, или на станцию Эрцендзяньцзы, в двух часах езды поездом от Харбина. Живописная гористая местность, лес, небольшие горные речки, прекрасный климат и близость к городу делали Эрцендзяньцзы весьма популярным курортом.

Но в 1925 году, с большой неохотой, нам пришлось покинуть Харбин и переселиться на жительство в Тяньцзинь.

Начиная с 1925 года, вследствие ставшего обычным явлением людоворовства, проходившего всегда безнаказанно, жизнь для состоятельных людей в Харбине стала невозможной. Первый удачный для людоворов дебют был с похищением богатого сибирского пушнинника, енисейца Тонконогова. Преступники, продержав его несколько дней в подземелье и угрожая смертью, выпустили Тонконогова на свободу после получения выкупа в размере 250 тысяч иен и обещания не делать никаких попыток преследования его похитителей. Хотя и сам Тонконогов, и его жена прекрасно знали инициаторов похищения, но, из страха за свою жизнь, они не смели жаловаться, да, по правде сказать, и некому было жаловаться.

Недели через две после этого происшествия возникла компания, состоявшая из зажиточных спекулянтов, с целью похитить меня. Они пригласили нескольких подходящих для такого дела людей, гарантировав им полную безнаказанность. Эта публика, уверенная в своей безопасности, в специально нанятом для них на этот случай новом закрытом автомобиле марки «Кадиллак», с латышом-шофером за рулем, выявив большое нахальство и смелость, отправилась на охоту за мной – в 9 часов утра, в центр густозаселенного пригорода Харбина! Проживая летом на даче в Эрцендзяньцзы, я каждую пятницу приезжал на поезде в Старый Харбин, а оттуда, воспользовавшись тем или иным способом передвижения, направлялся в пригород Харбина, Модягоу, где находился принадлежавший мне парфюмерно-мыловаренный завод. Осмотрев завод, я продолжал путь в Харбин, к конечному пункту поездки, конторе наших мукомольных предприятий. Зная мой маршрут, бандиты и караулили меня в определенном пункте.

Когда в несчастный для меня день я слез, как обычно, с поезда в Старом Харбине, эти молодцы поспешно предложили свои услуги довезти меня на их автомобиле до завода; я бы, вероятно, воспользовался их любезностью, но в этот момент судьба еще пощадила меня. Компания знакомых, с которыми я возвращался с дачи, уговорила меня поехать с ней в одном из автобусов, курсировавших между Старым и Новым Харбином. Из автобуса я вышел против гимназии имени Д. А. Хорват, сел на русского извозчика и повернул от Старохарбинского шоссе в направлении на завод. Не проехали мы и 200 саженей, как нас нагнал автомобиль, на подножке которого стоял человек. Когда автомобиль поравнялся с извозчиком, человек соскочил с подножки, но, видимо не рассчитав скорости машины, перевернувшись

несколько раз колесом, упал на землю. Целью этого человека было схватить меня за руки сзади, чтобы помешать мне соскочить с экипажа и поднять тревогу, пока подоспеют остальные сообщники. Я, ничего не подозревая, увидев падающего человека, подумал: «Какое несчастье – бедняга, наверное, убился!» – и, с мыслью помочь ему, остановил своего извозчика. Между тем упавший вскочил на ноги и бросился ко мне, вытирая на ходу попавшую в глаза пыль. В следующий момент автомобиль проскочил вперед и преградил путь моему экипажу. Выскочившие из машины бандиты схватили меня за руки, сняли с пролетки и предложили, не сопротивляясь, пересесть в их автомобиль.

Тогда только происшедшее стало мне ясно. Я заволновался и энергично протестовал против их предложения. Похитители применили насилие. Закричав «Караул!», я начал изо всех сил сопротивляться бандитам, пытавшимся втолкнуть меня в автомобиль. Борьба затянулась, я все время кричал и звал на помощь, и тогда четвертый из нападавших, ожидавший в машине, закричал: «Чего вы возитесь? Ударьте его в бок!» Человек, первым спрыгнувший с подножки автомобиля и несколько минут назад своим падением вызвавший мое сочувствие, плотный грузин небольшого роста, но широкий в плечах, нанес мне такой сильный удар в бок, что сломал ребро. Боль не прекратила, однако, моего сопротивления. Но бандитам нужно было во что бы то ни стало заставить меня войти в автомобиль, и двое из них, схватив меня за горло, начали душить. Тогда я вынужден был сдаться и сел в автомобиль. На месте осталась шляпа с моими инициалами, упавшая с меня во время борьбы, а поднятый мной крик привлек внимание жителей, так как дело происходило в жилом месте, среди огородных усадеб. На улице собралась толпа, больше всего женщин и ребятишек. Но помочь мне

никто не смог, так как бандиты в это время уже успели привести свое намерение в исполнение.

На мое счастье, среди очевидцев похищения оказался шофер, узнавший латыша, управлявшего автомобилем похитителей, и машину, несмотря на то, что номер на ней был искусно замазан. Этот свидетель происшедшего, захватив в качестве вещественного доказательства мою шляпу, доехал на моем извозчике до первой полицейской будки и известил о случившемся полицейское управление и все городские полицейские участки. Оттуда о происшествии, для сведения, было сообщено во все полицейские будки и сыскное отделение.

А в это время похитители, надев на меня впопыхах вместо темных очков очки с белыми стеклами, кружили по улицам, стремясь запутать след. Правда, промах с очками был скоро замечен, и место очков занял платок, который, однако, не лишил меня совершенно возможности видеть, куда меня везли. Вначале мы поехали в Старый Харбин, а оттуда на Интендантский разъезд. С разъезда попали, мимо завода Бородина, на Офицерскую улицу. Пропустив два квартала по Артиллерийской улице, считая от Диагональной, автомобиль свернул налево, на вторую улицу, и остановился около небольшого домика, второго от угла Артиллерийской, как мне удалось заметить. «Не пытайтесь кричать, – предупредил меня один из бандитов. – Помните, господин Кулаев, что застрелить вас для нас не составит никакого труда, если вы поднимете тревогу. Все равно нам тогда пропадать: убьем вас и убежим».

Угроза эта имела вполне реальные основания. В случае тревоги преступникам спасения ждать было неоткуда. Рядом находилось здание советского консульства, перед которым в очереди стояли человек пятьдесят, добивавшихся получения советского паспорта, без

которого русских не принимали на службу на Китайско-Восточной железной дороге. Эти люди, при первой тревоге, переловили бы всех участников похищения. У крыльца дома нас, как хороших знакомых, с целью отвлечь внимание публики, встречали двое грузин; как потом оказалось, один из них был хозяином этого домика.

Остановка в оживленном месте имела для бандитов свои преимущества, потому что среди толпы народа и подъезжавших к консульству автомобилей наша машина не выделялась ничем особенным. Другая картина получилась бы, если бы меня привезли на какую-нибудь глухую улицу пригорода, где сразу обратили бы внимание на отличный автомобиль. Вероятно, все же бандиты предполагали перевезти меня ночью в более укромное место.

Прямо с улицы мы попали в маленькую комнату, род прихожей, где стояли кровать и один стул. Окно на улицу было забито войлоком и досками. За плохонькой, тоненькой дощатой перегородкой находилась вторая комната, в которой расположились хозяева и четверо остальных бандитов. При входе в первую комнату мне предложили сесть. Я предпочел лечь на находившуюся в комнате кровать. День похищения пришелся на 8 августа, самое жаркое время в Харбине. В теле чувствовалась усталость и от жары, и от перенесенной борьбы, но боязни я не испытывал, может быть, оттого, что я не представлял себе отчетливо в этот момент возможных последствий всей этой истории. Отказавшись от любезно предложенных мне закусок, вина и пива, я попросил стакан воды. Пока я лежал на кровати, около меня все время дежурили один или два «телохранителя».

Через час мне предложили написать письмо управляющему моей конторой, с просьбой «не беспокоиться

о моем отсутствии, так как я задержался по делу у своих хороших знакомых; в контору предполагаю заглянуть часов в 8 вечера, а ночевать останусь в Харбине, о чем прошу сообщить жене, чтобы она не тревожилась». Одновременно мне предложили распорядиться выдать без задержки подателю письма названную им сумму денег. Не обращая внимания на угрозы, я в самой категорической форме отказался написать письмо подобного содержания.

Тем временем поднятая на ноги полиция и сыскное отделение, пораженные необычайной дерзостью увоза человека среди белого дня, энергично взялись за розыски, задержав в первую очередь шофера-латыша. Шофер должен был сознаться, что он возил группу неизвестных лиц, по виду коммерсантов, и точно назвал номер дома и улицу, где он их высадил. Прежде чем в дом нагрянула полиция, сыскное отделение, в стремлении хотя бы отчасти оправдать свое существование как органа безопасности граждан, поспешило отправить к злополучному дому двух надзирателей. Надзиратели, не захватив агентов из отделения и не предупредив стоявших на каждом углу полицейских, постарались известить бандитов о провале их дела. Я слышал, как в соседнюю комнату, где сидели участники моего похищения, с заднего крыльца, выходившего во двор, вбежал мальчишка и закричал: «Сюда идут полицейские!» Послышался шум отодвигаемых стульев и встревоженные голоса покидавших комнату бандитов. Через несколько минут зазвучали выстрелы.

Я вышел из-за перегородки в комнату, находившуюся рядом. Там сидел понурив голову грузин – хозяин дома, за столом, уставленным закусками, пивом и водкой. Я не мог удержаться и сердито сказал: «Что за нахальство – среди белого дня, на виду у всех, осмелиться похитить человека!» Грузин ничего не ответил.

Минут через пять ввалились в комнату два блюстителя порядка. Несмотря на мое нежелание ехать, из-за сильной боли в боку и перенесенных волнений, надзиратели настояли на немедленной поездке моей в сыскное отделение для дачи показаний. Это было сделано, вероятно, с намерением повлиять на характер моих показаний, воспользовавшись моей усталостью. Пришлось выйти. Домик окружала публика, привлеченная стрельбой. Прибывшие в сыскное отделение представители полиции заметили допрашивавшим меня надзирателям, что им непонятно, почему при поимке преступников никто не обратился за содействием в полицию, откуда к месту облавы люди могли прибыть на автомобиле ровно через пять минут. Да, наконец, в распоряжении надзирателей находилось достаточное число чинов сыскного отделения. Отвечать было нечего, и вопросы постарались замять.

Когда раздались первые выстрелы, публика, дежурившая у консульства, бросилась преследовать убегавших в сторону железнодорожного полотна бандитов с криками: «Лови, держи!» Китайский солдат, стоявший на посту, ранил в руку выстрелом из винтовки главаря шайки. Истекая кровью, с раздробленной рукой, он был пойман, не успев уйти далеко.

Перед судом потом предстали трое бандитов: главарь шайки, которому прострелили руку, шоферлатыш и владелец дома, куда меня поместили после похищения. Четвертый из участников похищения, тот самый, который сломал мне ребро, хотя и был вызван в суд, сумел избежать заслуженного наказания. Во время нападения на меня он носил черную лохматую бороду, а на суд явился чисто выбритым и, стараясь отвлечь от себя подозрение, умышленно сел напротив меня, чтобы подчеркнуть свою полную непричастность к делу. Происшедшая в наружности его перемена не смогла,

однако, обмануть моей наблюдательности. Я сразу узнал его, но надзиратели сыскного отделения в один голос стали утверждать, что я введен в заблуждение кажущимся сходством, что действительный участник нападения бежал в Мукден и они приложат все усилия, чтобы задержать его. Дело происходило в китайском суде, причем процедура судопроизводства сильно усложнялась необходимостью прибегать к услугам драгоманов, переводивших на китайский язык слова русских участников процесса. Опровергать показания надзирателей, таким образом, не имело смысла.

Замечу, между прочим, что лицо, о котором идет речь, вызывалось на допрос потому, что кто-то из свидетелей видел, как в его квартире переодевались участники моего похищения.

Китайский суд отнесся к делу очень серьезно, присудив каждого из представших перед судом бандитов к десяти годам каторжной тюрьмы. Трое остальных бандитов избегли наказания исключительно благодаря подозрительной доброте русских чинов сыскного отделения.

ПОХИЩЕНИЕ МОИХ ДЕТЕЙ В ТЯНЬЦЗИНЕ

Спасаясь от развивавшегося в Харбине людоворовства, мы переехали в город Тяньцзинь, где до того времени за людьми еще не охотились. Портовый город Тяньцзинь по своей чистоте и благоустройству выгодно выделяется среди остальных городов Китая благодаря наличию в нем европейских концессий. На каждой концессии – своя муниципальная полиция и свой консульский суд; каждая из них носит на себе своеобразный, присущий данной нации отпечаток. Резко заметна разница в благоустройстве концессий и находящегося по соседству с ним китайского города. Население Тяньцзиня достигает внушительной цифры 1 миллион 500 тысяч человек.

Этот город, куда я попал поневоле, мне очень понравился именно своей благоустроенностью и порядком. Проведя всю жизнь в работе, я не мог и на новом месте сидеть сложа руки и, приобретя участок земли в центре города, занялся постройкой здания с целью его эксплуатации. В настоящее время в нем помещаются несколько магазинов, контор и один из самых популярных в городе кинотеатров «Капитал». Для постройки здания, вернее, его проектирования, мной был приглашен проживавший в Тяньцзине инженер-архитектор Марцинкевич, поляк по национальности. Марцинкевича мне рекомендовали как специалиста по бетонно-цементным работам, что мне и требовалось, ибо я являюсь большим любителем подобных работ.

Когда началось сооружение этого моего нового здания, произошло печальное событие: похищение двоих моих сыновей, Иннокентия и Александра. Поужинав в дружеской компании в популярном в Тяньцзине ресторане Кисслинга, Иннокентий и Александр около 12 часов ночи отправились на бывшую Русскую

концессию, расположенную по другую сторону реки Хайхэ, проводить до дому барышень Снарских. По пути к перевозу через реку они встретили знакомого – русского эмигранта, в прошлом гвардейского офицера, носившего громкую фамилию Дюбрейль-Эшапарр. Он также присоединился к компании, сказав, что ему хочется пройтись, чтобы развеяться от утомительной работы в редакции. Эшапарр состоял в качестве переводчика с английского и французского языков в газете «Наш путь», выходившей в Тяньцзине под редакцией Разумова и руководимой Н. Меркуловым; редакция газеты помещалась в здании, находившемся как раз напротив перевоза.

Переплыв через реку второй раз и возвращаясь домой, мои сыновья увидели на набережной автомобиль. Воскликнув: «А, вот моя машина!», Эшапарр предложил им подвезти их домой. Видимо предчувствуя недоброе, они долго не соглашались, но в конце концов все-таки сдались, уступив настойчивости Эшапарра. В автомобиле сидел один незнакомый им пассажир. Машина тронулась. На первом углу от перевоза стоял человек, который что-то крикнул сидевшим в автомобиле. Со словами: «А, доктор! Садитесь, подвезем!» – Эшапарр предупредительно распахнул перед незнакомцем дверки автомобиля. Доктор уселся, и машина покатилась в противоположном нашему дому направлении. На вопрос сыновей, куда же их везут, Эшапарр ответил, что сначала он отвезет домой доктора.

Когда машина, выехав на окраину города, остановилась у заброшенного старого завода, экс-гвардеец, подкрепляя свои слова вынутым из кармана револьвером, предложил моим сыновьям без лишнего шума покинуть машину. В подобных случаях остается одно: подчиниться. Пленников моих повели во двор пустого,

неработавшего завода, где стоял длинный двухэтажный дощатый сарай; в нижнем этаже его находилось подполье с выложенными кирпичом стенами. В подполье это можно было попасть через люки с двойными, обитыми войлоком дверцами. В это оборудованное «по последнему слову техники» помещение – откуда, кричи не кричи, все равно никто не услышит – спустили похитители моих сыновей, а ранним утром послали их папаше письмо с предложением уплатить выкуп в размере ни больше ни меньше как 600 тысяч долларов, с угрозой, в случае отказа, умертвить пленников. Указанные деньги я должен был доставить лично, без сопровождающих, в названное мне место и передать ожидавшему там человеку.

Конечно, эти условия были для меня неприемлемы. Заявлять же в китайскую или международную полицию не имело смысла, ибо, кроме бесполезного шума, ничего больше достичь этим было нельзя. Я посоветовался со своим добрым знакомым, Леонардом Юрьевичем Мурсом, и показал ему полученное мной письмо. Это письмо отчасти навело нас на след: оно было написано на личном бланке, о чем свидетельствовали оборванная вверху часть бланка и остатки типографского шрифта. Узнали от барышень Снарских, кто их провожал за реку, и затем я обратился к Н. А. Жебраку, который в прошлом занимал должности судьи и полицмейстера при русской консульской полиции и пользуется в Тяньцзине всеобщим доверием и уважением. Н. А. Жебрак, кстати сказать, прекрасно владевший китайским языком и поддерживавший дружеские отношения с чинами китайской и консульской полиции, организовал негласную слежку и через два дня напал на верный след. Один из преступников, не принимавший прямого участия в увозе моих сыновей, но осведомленный о всех подробностях происшедшего, догадываясь,

что дело сорвалось, на третий день после похищения прибежал ко мне. Это был Карпов, являвшийся комендантом станции Тяньцзинь и находившийся в армии Чжанцзучана; по поручению Н. Меркулова он вербовал в эту армию русских солдат и офицеров.

Карпов сообщил мне, что ему известно, где спрятаны мои сыновья, и что с помощью китайской полиции, не больше как через полчаса, он доставит их домой. Вместе с Карповым в полицию направился мой третий сын, но вскоре вернулся, так как полицейские власти требовали, чтобы соответствующее заявление было подано мной лично. Делать нечего, отправился я сам. После выполнения формальностей, сопровождаемые солдатами, на двух автомобилях мы выехали к месту заточения моих похищенных сыновей. В сторожке, куда мы вошли, находились двое русских, по виду военных. Карпов, выхватив револьвер, сказал одному из них:

– Показывай, где сидят Кулаевы! – и, взглянув в сторону другого человека, спросил: – А это кто такой?

– Знакомый мой, приехал из армии, пришел повидаться.

Прошли за проводником в длинный сарай. Пустота. Нигде не видно ничего похожего на отверстие. Провожатый наш, которому Карпов все время угрожал револьвером, сдвинул в сторону круглый столик, стоявший посередине сарая, и тогда обнаружился люк, закрытый обитыми войлоком дверцами. На расстоянии пол-аршина вглубь шли вторые дверцы, тоже обитые войлоком: подполье было устроено так, что вполне предохраняло от возможности простуды. В подполе и обнаружил я печально сидевших пленников. Помещение это, как я узнал потом, предназначалось для меня, старика, и дети мои попали туда в силу неожиданно изменившихся для преступников обстоятельств.

Оказалось, что организатором и вдохновителем похищения являлся мой архитектор Марцинкевич, который, совместно с неким Станиславским из Харбина, арендовал у китайца заброшенный завод с пришедшими в негодность станками с целью заманить меня туда для осмотра завода и посадить в предназначавшееся мне «комфортабельное помещение», чтобы потребовать потом, конечно, солидный выкуп. При постройке здания театра «Капитол» потребовались две длинные железные балки, и Марцинкевич предложил изготовить их у себя на заводе. Я, удивившись, спросил его:

– Откуда у вас взялся завод?

Я знал, что Марцинкевич, тративший крупные суммы денег на свою даму сердца, всегда нуждался в деньгах. Он отвечал:

– Мне удалось подыскать нескольких компаньонов, с которыми я и открываю железостроительный завод.

– Ну что же, – говорю я, – если так, составляйте проект железных балок. Если они будут не выше бетонных, может быть, я и закажу их вам.

Представленный мне проект балки я забраковал. Тогда Марцинкевич предложил мне сделать у него на заводе мозаичные ступени для лестницы во вновь строящемся здании, говоря, что у него есть хороший мастер. На просьбу мою представить образцы материалов он воспользовался образцами материалов с итальянской фабрики, которые были мной одобрены. Марцинкевич, хорошо зная мою привычку лично присматривать за работами, а также мое обыкновение ходить одному пешком, рассчитывал залучить меня на завод и выполнить задуманный им план. Провидение опять спасло меня. Как раз закончилась в это время постройка бетонного перекрытия над подвалом строившегося здания, позволив производить работы по изготовлению ступеней на месте. Последнее обстоя-

тельство исключало расходы на перевозку с завода готовых ступеней и облегчало контроль за качеством применяющихся в работе материалов.

Таким образом, заманить меня на завод не удалось. Но так как в дело по организации моего похищения было затрачено преступниками 500 или 600 долларов, которых им терять не хотелось, то у Марцинкевича со Станиславским возникла мысль похитить моих сыновей. К делу были привлечены новые сотрудники, в большинстве работавшие в редакции упомянутой мной выше газеты «Наш путь»: Меркулов, Эшапарр, интеллигентный молодой человек Голицын, юноша Соколовский и еще два человека, из бывших военных. Ни у одного из названных лиц не было опыта в подобного рода делах: похитить-то они похитили, – но оставили за собой множество следов своего преступления и вскоре не знали, что им делать дальше. Более других ориентировавшийся в создавшейся обстановке Карпов, из желания выгородить себя, решил открыть это фактически уже раскрытое преступление.

Перед китайским судом позже предстали трое: Марцинкевич, Эшапарр и неизвестный мне человек, которого мы застали в сторожке. Каждого из них суд приговорил к четырем годам тюрьмы. Соколовскому и второму человеку из военных удалось бежать в армию; скрылся также и Голицын.

Недавно я прочел в газетах заметку, что Дюбрейль-Эшапарр был застрелен где-то в Южной Америке коммунистами, с которыми он повел там ожесточенную борьбу.

В АМЕРИКЕ

С Америкой меня заставила познакомиться революция в России и последовавшая за ней междоусобица. В 1918 году два старших моих сына окончили курс Харбинского коммерческого училища. Дорога в Россию для продолжения образования была закрыта. В это время Харбин посетил президент Калифорнийского университета Бересс, командированный американским правительством на Дальний Восток для собирания информации о русской революции вообще и главным образом о положении на Дальнем Востоке, в связи с развернувшимися событиями. Он дал моим сыновьям нужные рекомендации для поступления в Калифорнийский университет, в Сан-Франциско, и мы с женой спокойно отпустили их в дальний путь. Старший сын, Константин, определился на коммерческий факультет, а второй сын, Иннокентий, – на химический подотдел горного факультета. Год спустя в Америку направился и я с третьим сыном Василием, тоже воспитанником Харбинского коммерческого училища, и племянником моим, Владимиром Петровичем Кулаевым, инженером по профессии. Он был командирован в Харбин Временным правительством с целью заготовки обмундирования для армии, но после Октябрьской революции задание это само собой отпало. Третий сын мой, как и первые двое, поступил в Калифорнийский университет, на горный факультет.

Племянник мой, В. П. Кулаев, по приезде в Америку устроился в частную техническую контору, где служит и по сие время. Почувствовав под ногами прочный материальный фундамент, через два года Владимир Петрович выписал из Петрограда свою невесту, Антонину Александровну Максимову. Антонина Александровна, доктор по образованию, работала в течение

семи лет в Обуховской больнице в Петрограде, а потом, во время русско-германской войны, служила врачом походного госпиталя в Сербии. Молодая, выдающейся энергии женщина, она, приехав в Америку, поступила в большой французский госпиталь в Сан-Франциско, где прослужила восемь лет, после чего открыла свой собственный кабинет и не может пожаловаться на недостаток практики. Но главной ее заслугой является общественная работа. Исключительно благодаря ее настойчивости и усилиям была создана русская школа, типа детского сада, в которой в данное время воспитываются 45 детей необеспеченных русских эмигрантов. В школе детей обучают, развлекают разумными играми и кормят завтраками и обедами. Дети проводят там целый день, до возвращения с работы их матерей, которые берут их домой ночевать.

Состоя членом многих американских благотворительных обществ, А. А. Максимова сумела заручиться симпатиями американских дам-патронесс к этому русскому благотворительному учреждению, и дамское благотворительное общество приняло на свой счет половину расходов по детскому саду. При ее же непосредственном участии комитет детского сада приобрел в рассрочку дом напротив городского парка, к настоящему времени полностью выкупленный. Большую помощь в деле организации и развития этого доброго дела оказал Антонине Александровне Сергей Петрович Ковалев, харбинец, занимавший должность секретаря в названном обществе. В нижнем этаже приобретенного детским садом здания хорошо знакомый Дальнему Востоку педагог Николай Викторович Борзов, бывший директор коммерческих училищ в Харбине, открыл гимназию и вечерние курсы, на которых обучаются около 40 человек русских. Преподавание в гимназии и на курсах ведется на русском языке.

В 1920 году я с женой, десятилетним сыном Александром и двенадцатилетней дочерью Татьяной уехал снова в Америку и поселился в городе Беркли, где находится Калифорнийский университет. Таким образом, все мои дети могли теперь жить в семье, окруженные заботой и вниманием матери. От Беркли до Сан-Франциско можно доехать за сорок пять минут, переплыв через залив на пароходе и затем пересев на трамвай; вся эта поездка стоит 21 цент. Беркли, сливающийся с соседним городом Оклендом, в 1920 году имел 80 тысяч жителей, население же Окленда равнялось 300 тысячам человек. Окленд окружали несколько промышленных городков, например город Ричмонд, на реке Сакраменто, где обосновались громадный вагоностроительный завод Пульмана, сахарный завод и завод по химической очистке и разделению металлов. Около Беркли и Окленда, среди других промышленных предприятий, работали два или три автомобильных завода.

Местоположение этих городов очень красиво: с одной стороны их окаймляет залив, а с другой – к ним подступают высокие горы, покрытые сосновым лесом. Окрестности там необычайно живописны. Сообщение с Сан-Франциско очень удобно: через каждые пятнадцать минут от пристани отходят пароходы. Если случится, что пассажир, не зная точного расписания, опоздает на отходящий пароход, он может использовать находящиеся в его распоряжении до отплытия следующего парохода десять – пятнадцать минут для осмотра научной выставки плодоводства, цветоводства и сельского хозяйства, куда собраны образцы всевозможных растительных культур со всей Калифорнии. Если же выставка его не интересует, он может скоротать время в расположенном здесь же кинематографе, который ни днем ни ночью не прекращает своей работы. А когда взойдешь на пароход, так первое время да-

же не знаешь, где ты находишься: то ли на пароходе, то ли в великолепном, обширном салоне. Пароход плывет так бесшумно и спокойно, что кажется, будто стоишь на месте. Какое удовольствие двадцать – двадцать пять минут плавания через залив дышать чистым речным воздухом! Теперь же мы этого удовольствия лишены: в 1937 году через залив построены два подвесных моста, являющих собой чудо технического искусства. Один, Оклендский мост, длиною 7 миль, другой, Гольден-Бридж, – 3 мили. Постройка этих мостов обошлась в 150 миллионов долларов, зато получилась экономия во времени в десять минут на прямом трамвайном сообщении через мост.

В Беркли я с семьей поселился в купленном мной домике из шести комнат, стоявшем на склоне горы, невдалеке от университета. При доме был сад с разнообразными фруктовыми деревьями и крупными пальмами. Из окон и с террасы открывалась волшебная и величественная картина, равной которой мне не приходилось видеть в моей жизни. С высоты видишь миллионы огней Сан-Франциско, Окленда, Беркли, Ричмонда и других окрестных городков и любуешься на пароходы, входящие из океана через Золотые Ворота в залив Сан-Франциско. Это до того красиво, что всегда приводило меня в восхищение, хотя я и не восторженный юноша, а восьмидесятилетний старец, видавший виды на своем веку.

Окруженная красочной природой, семья моя зажила спокойной жизнью. Младшие дети поступили в школу, старшие занимались в университете. Я же мог наслаждаться отдыхом в кругу семьи только два-три летних месяца, ибо дела требовали личного моего присутствия в Сибири и Китае. Дети мои настолько втянулись в американскую жизнь, что все время мечтают иметь собственное дело в Америке, но ничего подходящего

там пока нет, да и трудно конкурировать в каком-либо деле с людьми, сроднившимися с местными условиями. В настоящее время мои наследники, не порывая связи с Америкой, ведут дела в Китае, начатые мной ранее. Я от дел почти отошел: достаточно на своем веку поработал, пора на старости лет от коммерческих забот и отдохнуть. И теперь я позволяю себе разнообразить жизнь путешествиями: год живу в Америке, год в Китае, а в промежутках иногда отправляюсь покататься по Европе. Никогда не переставая восхищаться энергией и творческой деятельностью человека, движимый любознательностью, я исколесил почти всю Америку и особенно Калифорнию и промышленные города, расположенные на севере Соединенных Штатов: Питсбург, Филадельфию, Чикаго, Нью-Йорк.

Вспомнил сейчас интересный штрих из американской жизни. Мой сын Александр учился в низшей школе в Беркли. Когда подошли каникулы, его товарищ по школе, сын нашего соседа, спрашивает Александра, что он собирается делать в летнее время. Тот, несколько удивленный вопросом, отвечает:

– Как что делать? Ничего не делать – отдыхать.

Товарищ, в свою очередь, удивляется:

– То есть как отдыхать? Разве это возможно?

– А ты что собираешься делать? – спрашивает Александр.

– Я? Деньги зарабатывать. Поеду на ферму и наймусь либо фрукты и овощи собирать, либо коров доить.

Русского «маменькиного сынка» сильно поразило это «поеду коров доить». Пришел он домой и, весьма удивленный, передал нам происшедший разговор. А на другой день приходит ко мне его товарищ, мальчик лет одиннадцати; родители его были состоятельные люди. Мальчик обратился ко мне с просьбой дать ему работу

по производившейся в то время окраске моего дома. Я отослал маленького просителя к русскому, который взял у меня подряд по окраске. Тот принял его из расчета один доллар в день и засадил его в такое место, где мальчишка портил краской штаны и рубашку на два доллара в день. Но эти два доллара были отцовские, а доллар плюс практика остаются за ним.

Дочь моя, Татьяна, поступила в колледж. Школой она была довольна, но часто возмущалась условиями жизни в Америке. В первый год нашего пребывания в Сан-Франциско зима выдалась холодная. Утром, чтобы попасть в школу вовремя, надо было рано вставать. Ощущение холода, когда только что соскочишь с постели из-под ватного или мехового одеяла, – не особенно приятно. Температура за ночь упадет до ноля градусов, а тут изволь одеваться. Вот наша Таня и возмущается.

– Ну уж, – говорит, – пресловутая эта Калифорния! Одно наказание Божие! То ли дело у нас в Китае: там и зимой в доме теплынь.

В Беркли у нас в доме было установлено паровое отопление, но никто из молодежи по утрам не хотел подбросить угля в котел, и естественно, что бедняжка Таня замерзала.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ИНЦИДЕНТ СО МНОЙ В ЧИКАГО

В Америке со мной произошло еще одно печальное происшествие, надеюсь, уже последнее в моей жизни. В 1930 году я собрался в путешествие по Европе, в компании сына Василия и племянника Владимира Петровича, вместе с их женами. Ехали с намерением осмотреть все достопримечательности Европы, также и Америки. Маршрут наш предполагался через Нью-Йорк в Европу. К сожалению, непредвиденный несчастный случай расстроил все наши планы.

Мы остановились на два дня в самом крупном промышленном городе Соединенных Штатов, Чикаго. Утром с племянником осмотрели знаменитую на весь мир скотобойню, после чего, вернувшись в центральную часть города, позавтракали в ресторане и отправились в находившийся напротив ресторана, на берегу озера, на большой открытой площади, Музей искусств. Когда мы проходили через площадь, по которой в двух направлениях, разделенных бульваром, двигались автомобили, в нескольких шагах от ресторана на нас налетел вывернувшийся из боковой улицы автомобиль. Племянник успел отскочить в сторону, меня же автомобиль подмял под себя, превратив чуть не в котлету: оказалась разбитой голова, вывернуты шейные позвонки и сломана нога. Меня в бессознательном состоянии отправили в находившийся близ места происшествия большой госпиталь и поместили в отдельную палату. Врачи госпиталя находили, что надежд на выздоровление мало. Десять дней пролежал я без сознания, ничего не зная и не помня о происшедшем со мной. Когда же я пришел в себя и мне рассказали все случившееся и сказали, что я нахожусь в опасном состоянии, я, совершенно не сознавая всей серьезности положения, отве-

тил: «Врачи всегда склонны преувеличивать опасность». Боли я в то время не чувствовал, только не мог повернуть шею.

Пятьдесят дней провел я на излечении в госпитале. Врачи главное внимание обратили на повреждения шеи и черепа; опасались кровоизлияния в мозг. На ногу же внимания обращали мало, считали, что это дело пустое, легко исправить. Лежать мне пришлось не очень удобно, потому что шею, для исправления, подтянули кверху, а ногу залили гипсом. В результате голову и шею мне действительно поправили, но зрение после сотрясения головы перестало быть нормальным: все отдаленные предметы кажутся двойными. Правда, этот недостаток нисколько не мешает мне читать и писать. Глазные врачи признали, что зрение может исправить только время, медицина же в данном случае бессильна. Должен сказать, что, несмотря на мой восьмидесятилетний возраст, зрение у меня вообще великолепное, если исключить указанный недостаток, причиненный несчастным случаем.

Хуже обстояло у меня дело с ногой. Кость зашла за кость, и привести их в надлежащее положение не удавалось. За пятьдесят дней лежания в госпитале не появилось никаких признаков срастания костей в новом их положении. Попытка поставить кости на прежнее место – под наркозом, с помощью трех дюжих студентов-практикантов, которые растягивали ногу не за страх, а за совесть, – закончилась неудачей: спустя некоторый промежуток времени оказалось, что кости загипсованной ноги вернулись в старое положение, то есть одна кость надвинулась на другую. Лежать в госпитале мне уже надоело, в Чикаго в это время насту пила сильная жара, и я выехал в Сан-Франциско. Передвигаться мне приходилось, пользуясь парой костылей; сломанная, бессильно болтавшаяся нога причиняла мне много беспокойства.

В Сан-Франциско посетивший меня на квартире профессор французского госпиталя в категорической форме заявил: «Ни гнилое дерево, ни гнилые кости никогда не могут срастись. Необходимо подпиливание кости в местах излома». Наслышавшись об алчности американских врачей, я не отнесся с полным доверием к его словам. Кроме того, я побоялся новой мучительной процедуры с моей ногой, да и уверенности не было в благоприятных результатах этой операции. По советам окружавших меня лиц я решил еще обратиться к специалисту по изломам костей, профессору Калифорнийского университета, имевшему и частную практику. Профессор прислал ко мне на дом своего ассистента, который осмотрел меня и пришел к заключению, что кость может срастись без всяких операций. На другой день приехал сам профессор и полностью подтвердил мнение своего ассистента. На следующий же день он снял мерку с ноги, чтобы приготовить для нее специальный браслет, и, уезжая, сказал: «Будем надеяться, что теперь нога скоро срастется». И действительно, через месяц кости срослись, нога и до сих пор служит отлично, я не хромаю. Единственное последствие излома – нарушенная циркуляция крови.

В конце лечения я в силу создавшегося у меня представления о больших аппетитах американских врачей, ждал весьма солидного счета; но, к моему удивлению, мне подают счет всего только на 25 долларов.

– Позвольте, – говорю я профессору, – вы слишком мало желаете получить с меня за все ваши труды и хлопоты. Ведь только ваш ассистент побывал у меня пять раз.

Он просто ответил мне:

– Мы обязаны делать это.

Мне удалось все же уговорить его, засчитав визиты его ассистента, принять от меня 50 долларов. В чикаг-

ском же госпитале мне пришлось заплатить, за время моего лежания там, 400 долларов.

После несчастного случая со мной наша группа, состоявшая из пяти человек, распалась: сын с его женой сопровождали меня, а племянник с супругой поехали путешествовать по Европе.

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Последние шесть лет я живу в Голливуде, пригороде Лос-Анджелеса. Свой выбор я остановил на этом районе, как на одном из лучших в Америке по климатическим условиям и красоте природы. В Голливуде у меня свой домик, где я наслаждаюсь природой и не ощущаю одиночества благодаря многочисленным русским знакомым и друзьям по Сибири. Всего в Голливуде насчитывается до 10 тысяч русских. Часть из них занята интеллигентным трудом, другие работают на фабриках. Живут безбедно, на условия жизни не жалуются, пользуются полной свободой, никого и ничего не боятся. Словом, живут как полноправные граждане Соединенных Штатов.

Я позволю себе сделать о Калифорнии следующее заключение.

Калифорния по могущественной красоте ее природы и по отличным климатическим условиям превосходит все европейские страны, за исключением разве только Швейцарии, с которой ее можно сравнить.

Это я утверждаю вполне определенно, без всякого увлечения и пристрастия. Я бывал в Европе несколько раз до мировой войны, и затем в 1936 году я еще раз проехал всю Европу, проверяя свои прежние впечатления, останавливаясь в каждом значительном городе на пять – десять дней. В Швейцарии прожил я целый месяц, побывал во всех видных городах этого государства: Берне, Женеве, Люцерне, Лозанне, Цюрихе и других. В Италии я порядочно поездил весной 1914 года, накануне мировой войны. Там всю зиму 1913/14 года, с ноября по апрель, жила моя жена с больной дочерью. Я ездил за ними в Италию и пробыл здесь март и половину апреля 1914 года. За это время посетил многие итальянские города.

Приятного впечатления от моего тогдашнего посещения Италии у меня не осталось. Природа ее, по сравнению с калифорнийской, показалась мне какой-то жалкой. В 1936 году я был в Италии снова и провел там две недели. Осматривая итальянские города, я нашел, что они выглядят лучше, чем это было в 1914 году. Столица Италии Рим произвел на меня очень сильное впечатление: это действительно один из немногих городов в мире по своей величественной красоте.

Возвращаюсь, однако, к своим американским впечатлениям. Меня очень интересовала, среди других колоссальных сооружений Америки, строившаяся на реке Колорадо дамба, которая называлась раньше дамбой Хувера, теперь – Боулдера. Колорадо славилась когда-то богатой добычей золота. Идея создания такой колоссальной дамбы могла возникнуть только в Америке, с ее не знающими границ размахами в затрате капиталов и смелостью технических замыслов. Дамба Боулдера преграждает большую горную реку, протекающую на протяжении нескольких сотен миль. На время работ реку отвели от места постройки дамбы вправо и влево, для чего были устроены в хребтах специальные тоннели. Дамба, сооруженная среди скал, имеет высоту 700 футов, из которых 200 футов образуют ее основание, или фундамент, а 500 футов сверх фундамента образуют плотину для контроля воды. Энергия падающей воды приводит в движение десять исключительно мощных водяных турбин для добычи электрической энергии, которая передается на территории нескольких штатов, участвующих в постройке дамбы. Благодаря этой дамбе река, превратившись в громадный бассейн, становится судоходной на протяжении 100 миль. Кроме того, несметные запасы воды, использованные в целях орошения, обратят несколько сот тысяч квадратных миль близлежащей сухой и

безводной степи в плодородную местность. Для достижения поставленной грандиозной цели потребуется затратить более 200 миллионов долларов. Какое другое государство в мире в состоянии затратить такой капитал для осуществления подобной задачи?

Я имел редкую возможность осмотреть до мельчайших подробностей это замечательное сооружение. На долю муниципалитета самого большого в Калифорнии города Лос-Анджелеса, находившегося ближе других к месту работ, выпала обязанность руководить работами по созданию дамбы. Во главе отдела, ведавшего проводкой электрической линии от Лос-Анджелеса к дамбе Боулдера и некоторыми другими работами, муниципалитет поставил нашего соотечественника, русского инженера Всеволода Владимировича Ланковского, служившего инженером при муниципалитете. Ланковский был настолько любезен, что представил меня руководителям муниципалитета и получил их согласие показать мне только начатую тогда постройкой дамбу.

В первый мой приезд я имел возможность наблюдать сразу меня заинтересовавшие своей необычностью работы по устройству гигантской выемки под фундамент плотины, перерезавшей русло реки Колорадо. Из года в год, в течение трех лет ездил я на постройку дамбы, наблюдая последовательные этапы ее сооружения. Все было необыкновенно и чудесно. Помню, как мое внимание приковали к себе работы, производившиеся всемирно известным заводом «Бабкок-Вилькокс» на месте постройки дамбы по изготовлению стальных труб для подачи воды к гидравлическим турбинам. Приготовленные на заводе стальные листы, толщиной в два дюйма и длиной четыре сажени, свертывались в кольца, и края их сваривались при помощи электрической сварки. Диаметр

каждой трубы равнялся двум с половиной метрам. Только эта стальная двухдюймовая броня была в состоянии противостоять чудовищному напору воды.

Когда я посетил дамбу Боулдера в 1936 году, четвертый по счету раз, она была уже закончена постройкой, и я со своими спутниками проехал на автомобиле с одного берега реки Колорадо, из штата Калифорния, на другой берег, в штат Невада. Заведовавший временным заводом по изготовлению стальных труб представитель фирмы «Бабкок-Вилькокс» любезно предложил нам прокатиться на заводском катере по частично заполненному водой водоему и во время прогулки сообщил много интересных подробностей о постройке дамбы, упомянув, что, несмотря на большое количество воды, доставляемое рекой Колорадо, потребуется несколько месяцев, пока вода заполнит весь водоем и поднимется на высоту плотины.

КРАСОТЫ КАЛИФОРНИИ

Невольно хочется сделать сравнение двух стран, России и Америки. В них много общего: та же ширь и простор, те же необозримые пространства, как я наблюдал, главным образом, в Калифорнии, знакомой мне ближе и лучше других областей Америки. Вдоль и поперек исколесил я побережье Тихого океана, начиная на севере от города Сиэтла, в штате Вашингтон, и кончая городом Сан-Диего на границе Мексики. Все здесь хорошо: красота и величие природы и дела рук человеческих.

О богатстве страны следует судить по количеству и качеству ее дорог. В Соединенных Штатах, по всему пространству их, раскинулась густая паутина асфальтированных дорог, вбирающая в себя самые маленькие местечки; по этим дорогам – непрерывное движение автомобилей и автобусов.

Уже шесть лет живу я в Голливуде, на юге Калифорнии, выезжая временами в Китай. Обратно, в Америку, возвращаюсь на большом канадском пароходе, доезжаю до порта Ванкувера, где всегда встречает меня на своем автомобиле сын мой Иннокентий. Мы оба с ним – большие любители природы. Для меня, старого таежника, прогулка доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие. Проезжаем мы не спеша по изумительно гладким асфальтовым дорогам расстояние около 1500 миль, с севера на юг Калифорнии. До Сан-Франциско дорога пролегает по сосновому лесу. Огромные, стройные сосны, словно часовые на посту, стоят по обеим сторонам дороги. Невольно вспоминается Сибирь, юные мои годы… На пути встречается много крупных рек. Самая значительная из них Колумбия, при устье которой стоит большой город Портленд.

Первым большим городом Соединенных Штатов, куда мы попадаем из Ванкувера, расположенного на

территории Канады, является Сиэтл. Это оживленный портовый город, с севера охваченный морским заливом, а с других сторон – огромными озерами, которые вносят много разнообразия и красоты в окружающий ландшафт. На пути от Портленда, в штате Орегон, снова лежат значительные города, опоясанные лесами и высокими горными хребтами, на вершинах которых покоится вечный снег. Один из таких хребтов имеет до 14 тысяч футов высоты, и дорога подходит вплотную к его «сахарной» голове, покрытой белым, чистым снегом. Не менее интересна другая, параллельная первой дорога, бегущая вдоль берега моря, среди прекрасных лесов: морские заливы; шумные, торопящиеся к морю горные речки; мосты и мостики, перекинутые через них. На берегах заливов расположены многочисленные лесопильные заводы; по заливам и притокам рек сплавляется сюда лес, кипит энергичная деятельность. Эти лесопильные заводы построены с таким размахом в техническом оборудовании и так велики, что каждому стоит их посмотреть.

Во второй половине пути, от Сан-Франциско на юг до порта Сан-Диего, на протяжении 600 миль, картина меняется: начинается тропическая растительность. По обеим сторонам дороги тянутся необозримые фруктовые сады, состоящие преимущественно из апельсинных и лимонных деревьев, и обширные виноградники. Фрукты в Калифорнии собираются в продолжение всей зимы, но главный сезон сбора лимонов и апельсинов бывает в декабре и январе. Едешь в автомобиле с открытыми окнами и с наслаждением вдыхаешь этот чудный аромат зрелых плодов и свежее благоухание только что распускающихся на деревьях листьев.

А какие чудесные курорты в Калифорнии! Взять хотя бы национальный парк «Исамида». Ничего подобного в Европе не увидишь. Сама величественная естественная природа создала его, сохранившись там

во всей своей красоте. Этого великолепного могучего леса я не смогу сравнить ни с чем, виденным мной в Европе. Стоит, например, лесина, а в лесине дупло, через которое свободно проедет автомобиль. И дерево живет. Подобные деревья в американских парках не редкость. Сто квадратных миль занимает парк «Исамида». В нем протекает красивая горная речка, в которой водится в изобилии форель, а в парке вырастают и живут, под наблюдением опытных специалистов, разнообразные звери, на содержание которых Штаты отпускают специальные средства, доставляя всем животным наилучшие условия жизни. И звери перестают бояться человека, делаются ручными.

В парке живут два десятка медведей, много оленей и коз. Все они гуляют и пасутся на свободе. Каждый вечер, в 9 часов, вспыхивает ярким светом электричество, и точно по сигналу медведи со всего парка собираются к определенному месту на кормежку. Всегда набирается много желающих посмотреть на это редкое зрелище. Медведи едят тихо, мирно; кормят их преимущественно растительной пищей. Администрация курорта предупреждает посетителей парка, чтобы ничего съедобного, в особенности мяса, в палатках и открытых автомобилях не оставляли, так как медведи, учуяв запах еды, часто потихоньку, ночью, крадут эти продукты. Как-то однажды еду я на автомобиле по парку; навстречу мне идет по дороге медведь. Увидя машину, мишка предупредительно свернул в сторону и встал на задние лапы в позу просителя, у самого края дороги. Я дал ему сайку, и он, довольный, проследовал дальше.

Парк «Исамида» расположен приблизительно на полдороге от Сан-Франциско к Лос-Анджелесу. Летом сюда съезжаются на десятках тысяч автомобилей дачники. Селятся они преимущественно в палатках и кабинках, частью в гостиницах. Для удобства дачников в

палатках установлены специальные печи, водопровод и умывальники.

Протекающая по парку речка имеет протяжение до 50 миль. Она питается все лето, кроме своих естественных притоков, таянием горных снегов. С гор бегут шумные водопады, придавая особую красоту местности. Еще одна достопримечательность есть там, которой никак нельзя не заметить. Берега речки образованы не бесформенной массой горных пород, часто вызывающей представление о спешно и небрежно возведенной насыпи, но из высоких, отшлифованных самой природой, от основания до вершины, скал.

Интересно, что вы можете в зимние месяцы, путешествуя в окрестностях Голливуда, на протяжении 80 миль, всего в два часа времени, испытать резкие смены температуры, от тропического лета до сибирской зимы. При выезде из Голливуда вы примерно миль 30 едете, при обычной средней температуре Калифорнии, среди фруктовых садов и виноградников; потом попадаете совершенно в сухую степь, где, кроме разнообразных пород кактусов, нет никакой растительности. Перед вами только песок да сухой перекатный ковыль. Едешь этой степью миль 40. Затем начинается постепенный длинный подъем в гору, появляется растительность, лес; еще выше – уже большие сосновые леса, виднеется снег на горах, высота которых доходит до 4 тысяч футов. При дальнейшем подъеме снег достигает уже аршина глубины – и вы попадаете, таким образом, в полосу самого настоящего сибирского холода.

Сюда из Лос-Анджелеса и Голливуда каждое воскресенье съезжаются на десятках тысяч автомобилей любители полюбоваться снежным пейзажем и заняться зимним спортом. Устраивается катание на санках, на лыжах, на кожах. В публике царит веселое оживление, шутки, смех, шум – и, несмотря на это, полный

порядок. Полисмены устанавливают всю массу автомобилей, один к другому, на протяжении 2 миль. У подошвы гор колышется вода незамерзающих озер, а 6 милями выше уже видишь глубокий снег, при среднем зимнем морозе. Туда идут кататься только спортсмены-лыжники.

Для нас, сибиряков, все это может показаться прямо сказочным.

Достоин также внимания и дачный курорт Тахо, в 100 верстах от Сан-Франциско. Красивое озеро на курорте, длиной 30 верст, наполнено пресной чистой питьевой водой с гор. Вокруг него сосновый лес, среди которого разбросаны, по правому берегу озера, дачи. Прогулки на маленьких пароходиках, бороздящих спокойные воды озера, доставляют публике большое удовольствие.

На севере с Калифорнией граничит штат Орегон. Там много высоких гор, покрытых сосновым лесом, с мягкими, красивыми очертаниями. Наивысшая точка горной цепи достигает 6 тысяч футов над уровнем моря. И на этой высоте находится в кратере вулкана озеро, 30 миль в окружности, необычайной глубины. Приехал я взглянуть на это славящееся своей красотой озеро, как сейчас помню, 28 августа. Кроме гостиницы и нескольких кабинок, вокруг не было никаких других жилищ. Решили переночевать, чтобы утром, набравшись сил, начать осмотр озера. Вечером пошел сильный дождь и скоро начал лить как из ведра. А утром, при пробуждении, мы увидели настоящую зиму: выпал снег толщиной в три вершка, и сделалось чрезвычайно холодно. Еле-еле отогрели горячей водой мотор моего автомобиля. Позавтракав, двинулись, около 11 часов дня, осматривать озеро; ехали кругом, вдоль берега. Но наша поездка закончилась неудачей: продолжавший валить крупный мокрый снег застилал глаза, и мы вынуждены

были повернуть обратно. Двумя часами позже мы спустились до 4 тысяч футов высоты: стояла чудная солнечная погода, и нигде не было видно и признаков выпавшего снега.

Вот каковы климатические особенности описываемого мной края.

РОССИЯ И АМЕРИКА

За мою долгую жизнь мне пришлось пережить много различных житейских передряг, а также видеть немало разного рода государственных и общественных перемен. Я пережил царствования четырех русских государей, из коих каждый направлял политику страны по своему особому руслу. Бывало в этой политике много и неправильного и тяжелого для судеб России.

Но одно нужно признать непоколебимо, что со времен царствования императора Александра II Россия развернулась, в полном смысле этого слова, усвоила себе размах жизни культурных государств Европы и начала необычайно быстро развиваться экономически. Многие отрасли промышленности, земледелие и скотоводство развились до колоссальных размеров. Россия могла своими пищевыми продуктами прокормить всю Европу. Был бы только спрос на эти продукты, но недостатка в них не было.

Страна наша была богато наделена природой во всех отношениях.

В течение десяти лет я много раз побывал в Северной Америке и достаточно полно изъездил эту страну, от одного океана до другого. И теперь, сравнивая между собой Россию и Америку, я выскажу совершенно беспристрастно свое заключение о том, что таких природных богатств, как в России, в Америке нет.

В Америке находится немало пространств, совершенно бесплодных и безводных, много пустых степей, где имеется только камень и голый гравий и нет никакой растительности – нечего даже пощипать скоту. В Штатах же, где процветает сельское хозяйство, земля обрабатывается не столь большими и не столь богатыми черноземом участками, как у нас, в Европейской России или Сибири.

Степи в России тоже занимают пространную площадь, но почти все они бывают пригодны для пастьбы скота в течение круглого года; здесь часто и не требуется значительных затрат человеческого труда на заготовку корма скоту на зиму. В Америке же большая часть молочного и убойного скота выкармливается в изгородях, с затратой рабочего труда, посевными травами, главным образом люцерной (по рассказам, завезенной в Америку с русского Алтая).

В России мне приходилось бывать на минеральных кавказских курортах, проезжать области Донскую, Кубанскую, Терскую, губернию Таврическую и другие смежные с ними районы – все это тысячеверстное пространство представляло собой сплошную черноземную полосу с посевами пшеницы.

Возьмите далее Малороссию, даже нашу Сибирь от Оби на запад – это все новые и новые площади со сплошными засевами пшеницы. Это все наши несравненные земельные богатства.

Благодаря этим богатствам и множеству пригодной для эксплуатации рабочей силы Россия могла бы первенствовать на всех рынках Европы, но мешала этому недостаточность ее материальной культуры. У нас не было развитой сети путей сообщения, не хватало средств передвижения. Не совсем благополучно обстояло дело и с продажей зерна: в портах было мало зернохранилищ; ненадлежаще очищалось зерно от сора; нередко оно приходило в иностранные порты порченое, затхлое – и забраковывалось. Вследствие всех этих обстоятельств и доброкачественное русское зерно ценилось на рынке дешевле, чем зерно других стран, хотя по своей культуре оно было значительно выше американского зерна. Главное качество русской муки было таково, что печенный из нее хлеб долго не становился черствым.

В 1905 и 1906 годах мы свою муку «Русского мукомольного товарищества» продавали из Харбина по линии железной дороги до Дайрена и брали за кулек муки (весом в один пуд 15 фунтов, равный американскому кульку) на 20 копеек дороже, в сравнении с американской мукой, и все же все русские и китайцы предпочитали брать русскую муку.

Велики в России и горные богатства, и в этом отношении, сравнивая ее с Америкой, можно сообщить следующее.

В богатых ранее золотоносных районах Америки, Колорадо и Неваде, рассыпное золото совсем теперь выработано; рудное золото иссякает, дорабатывается и скоро, надо полагать, совсем исчезнет. В России же дело обстоит иначе, особенно в Сибири, о которой я могу судить по моему личному опыту. Здесь имеются громадные, неисследованные еще золотоносные пространства между реками Амуром и Витимом. Рудное золото в Сибири начали добывать только с 90-х годов прошлого столетия, при случайных его открытиях и в малых количествах. По всем материалам, которыми я располагаю, рудное золото в Сибири залегает во всех ее золотоносных районах.

Можно быть вполне уверенным в том, что в горном деле нашу родину ожидает богатое и большое будущее. В России нужно только удешевить, по примеру Америки, добычу горных богатств. В Америке за последнее время на бедных рудниках стали строить не громоздкие дорогие фабрики, а только толчеи для обогащения руды; по обогащении руды отправлялись на специальные фабрики, где химическим способом извлекалось из них золото, серебро и прочее. Это обстоятельство дало возможность разрабатывать бедные руды со сравнительно малыми затратами средств.

Не могу не отметить я затем и следующего.

В жизни населения Америки большой минус для него представляют ежегодные стихийные бедствия: бури и ураганы, разрушающие целые поселения, а также грандиозные наводнения, наносящие большой ущерб многим штатам. В России таких массовых опустошений, вызываемых стихиями, не наблюдается. России досаждали бедствия другого рода, связанные с недостаточной русской культурностью, – это эпидемии холеры, чумы и т. п. Но с этими бедствиями, при известной обстановке, можно бороться.

В общем, можно сказать, перефразируя немного старое русское изречение: «Земля наша богата и обильна, а порядка в ней все еще нет…»

Касаясь личных качеств американского народа, я должен, к чести его, отметить, что американцы всегда сочувственно относятся к горю другого народа, даже и тогда, когда этот народ имеет мало общего с ними. Россия испытала на себе их отзывчивость во время страшного голода в приволжских губерниях, в 1921 году, когда Гуверовская экспедиция, так называемая АРА, с большим толком затратила на помощь голодавшим русским миллионы золотых долларов и спасла этим от голодной смерти многие тысячи людей.

ХАРБИНСКОЕ ИНТЕНДАНТСТВО ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

В своих записках я не соблюдаю последовательности. Да и трудно мне, старику, ее соблюдать. Пусть уж мои читатели простят меня за это. Пишу как умею и могу.

Вот и теперь мои воспоминания и мысли обратились от Америки и Европы снова к родной России, на этот раз к некоторым неприглядным сторонам ее старого быта.

Неприятно мне вспоминать о таком прошлом моей родины, России, обидно. Другой раз подумаешь: может быть, и сам ты тоже принимал участие во всех этих неприглядных явлениях прошлой русской жизни. Приходится порой недобром помянуть и прежнее русское правительство.

Вспоминаю о Русско-японской войне, которая с начала до конца протекала на моих глазах. Здесь происходили иногда прямо-таки чудовищные вещи. Хищничеству не было конца, полный хаос царил повсюду. Многому приходилось порой просто удивляться.

Из глубины России было невозможно сразу двинуть войска на театр военных действий, за совершенной неприспособленностью железнодорожных путей к воинским перевозкам. И первые воинские части двинулись на войну из Забайкалья, из городов: Читы, Нерчинска, Сретенска и Нерчинского Завода. Эти части еще не были подготовлены в некоторых отношениях к военным действиям. Укажу на такой пример.

Возьмем, скажем, сретенский батальон: он по военному времени развернулся в полк, то есть увеличился вчетверо. Военных же повозок в нем было из расчета на потребности только одного батальона, и полк, та-

ким образом, остался без передвижных средств, которые не были запасены вовремя. В подобном же недостаточном виде оказалось и вооружение полка; особенно это касалось пулеметов и орудий. У японцев на роту приходилось восемь пулеметов, у нас два. Мобилизованные в Сибири части состояли из рабочих и крестьян до сорокапятилетнего возраста. Эти солдаты в продолжение пяти, десяти и пятнадцати лет не держали в руках ничего, кроме кайлы и сохи, и этих отяжелевших мужиков-бородачей гнали прямо на боевые линии, почти с одними винтовками в руках. Могли ли эти мужики задержать высадки японских десантов, каковые происходили под защитой громовых орудий японского флота? Конечно нет, как не могли они удержать японцев и при переправе через реку Ялу. Наши полки не были даже связаны технически между собою, и, нечего правду скрывать, плохо приходилось на позициях нашим бородачам: японцы уничтожали их, как куропаток.

Плохо началась наша военная кампания против японцев, плохо и продолжалась далее.

В Петрограде и в России вообще много слышалось в свое время горьких упреков и насмешек по адресу нашего командующего войсками, генерала Куропаткина, по поводу его отступления в глубь маньчжурской территории. Я же думаю, в этой его стратегии и заключалось наше, русское, спасение. Иначе японцы быстро покончили бы с нашей армией и через два месяца после своего появления в Маньчжурии были бы уже в Харбине. Отступление генерала Куропаткина дало возможность нашей Китайско-Восточной железной дороге наладить пропуск по дороге 24 пар поездов в сутки, вместо 3 пар, как это было ранее. Это обстоятельство позволило подтянуть на театр военных действий до 500 тысяч солдат. Натиск японцев на Харбин был задержан, и русским удалось затем заключить мир

с японцами на более или менее приемлемых условиях для побежденной России условиях.

Мы, русские, жившие в Харбине, можем только благодарить генерала Куропаткина за его тактику отступления.

А кто был виноват в неподготовленности нашей к войне с японцами, в преступной неосмотрительности, в создании хаоса на театре военных действий и в ближнем тылу – не берусь судить; это не мое дело.

Что же касается вопросов о продовольствии и снабжении армии и о действиях интендантства в Харбине, то относительно этих вопросов я могу судить смело, будучи полностью осведомлен о том, как велось хозяйство армии в годы войны.

К нашему русскому стыду, военное хозяйство у нас вообще хронически стояло не на высоте, как я помню, по крайней мере; лучше сказать, оно было ниже всякой критики.

Вспоминается мне один крупный военный поставщик, некто Манасевич, который жил в Томске и делал поставки амуниции для войск, стоявших в Западной и отчасти в Восточной Сибири. В 1870–1880 годах это был весьма крупный коммерсант, о котором должны помнить старожилы города Томска. В свои молодые годы я бывал в доме Манасевича. Вспоминаю, что както я играл у него в карты – в «генеральский» винт – и за карточным столом кто-то из игравших подшутил над хозяином, сказав, что он может не бояться проигрыша в карты, ибо на взятом им подряде все равно наживет большие деньги.

Манасевич заметил на это:

– Нужно непременно поставить все скверное и в значительно меньшем количестве, чем следует по договору, – тогда, может быть, кое-что и останется.

Так обрисовал дело с поставками на армию один из присяжных поставщиков. Много денег, очевидно, ухо-

дило у него на взятки кому следует. Тогда я только догадывался об этом, а вот в Харбине, в годы Русско-японской войны, я имел возможность воочию в этом убедиться.

В эти годы в Харбине было сформировано интендантство, во главе которого стал генерал Ланге, интендант Виленского военного округа. Это интендантство представляло собой не что иное, как шайку пустых, бездарных людей, не приносивших никакой пользы ни порученному им делу, ни другим людям, ни даже, пожалуй, себе, потому что хотя они и были рвачами и хапали кое-что, но все это тут же беззаботно проедалось и пропивалось. В подобной деятельности особенно выпукло выделялась видная фигура начальника продовольственного отдела Харбинского интендантства, капитана Владимира Федоровича Каппеля. Без его участия ни одна продовольственная поставка интендантству не могла пройти. Каждый поставщик предварительно сговаривался с ним или с его помощником о цене и количестве поставляемого продукта и об отчислении в его, Каппеля, пользу. Когда последнее было обусловлено, тогда уже можно было не сомневаться в том, что и цена и количество будут интендантством утверждены.

Я, по складу своего характера, не мог мириться с таким положением дел, никаких приятельских связей с Каппелем не заводил и этого порядка твердо держался, почему в военных поставках лично участия не принимал. Поставки в армию муки и круп делали другие мукомолы. Мы только по раскладке вносили какой-то и куда-то предназначавшийся налог, который мы засчитывали расходом по сдаче в армию муки и гречневой крупы.

В начале войны я предложил интендантству в обычном легальном порядке приобрести у меня

миллион пудов ячменя, для фуража в армию, по цене 55 копеек за пуд. Нужно заметить, что овса в Маньчжурии не сеяли; ячмень же разводили только в районе южной линии Китайско-Восточной железной дороги. Ячмень я, помимо всякого ожидания войны, уже заготовил в количестве 200 тысяч пудов, с трудом можно было затем набрать остальные 800 тысяч пудов.

На мое предложение интендантство ответило, что заявленная мной цена дорогая, и на этом все мои переговоры были закончены. Интендантство затем, как я узнал, само послало в районы, для скупки ячменя, нескольких своих агентов.

Что же сделали эти агенты? Первые партии ячменя они купили по 40 копеек за пуд, а потом сообщили в Харбин, что далее они не в состоянии будут покупать ячмень дешевле 60 копеек. Интендантство отдало приказ: платите! Были закуплены вторые партии ячменя; затем от агентов последовали новые сообщения о росте цен на ячмень, с указанием, что дешевле 80 копеек ячмень нельзя будет купить; в ответ получались новые распоряжения: платите! – и так постепенно цены на ячмень они догнали до 2 рублей за пуд.

Это один случай. Второй заключался в следующем.

Предложил я интендантству купить у меня шесть тысяч ящиков кирпичного чая известной чайной фирмы Боткина. Эта партия чая, кстати сказать, отличного качества, была мной случайно приобретена в городах Владивостоке и Сретенске. По поводу этого моего нового предложения мне ответили, что чай мой, по представленному мной образцу, не соответствует требованиям интендантства.

Прошел после этого месяц времени или более, точно не помню; неожиданно получил я из интендантства запрос: не смогу ли я поставить для армии ячмень и кирпичный чай? Значит, зашли в тупик, и не было дру-

гого выхода, если уж сами они обратились ко мне с подобной просьбой.

Это обстоятельство предоставило мне желанную свободу действий.

Я был принят генералом Ланге в его кабинете и в разговоре заявил ему следующее:

– Ваше превосходительство! Я не знаком с черным ходом вашего интендантства – тем самым ходом, по которому проходят приятные для вас поставщики. Я два раза, в законном порядке, делал вашему интендантству добросовестные и нужные предложения, но оба раза они были отвергнуты вашим интендантством без всяких со мной переговоров. Из этого я убедился, что поставки в армию всегда и всеми производятся с успехом только с помощью таких способов, какие для меня неприемлемы.

Генерал выслушал мою речь, уткнувшись носом в стол, и ничего мне не возразил. Его помощник, полковник Топор-Рабчинский, сидевший тут же, встал из-за своего стола и, обращаясь к генералу, сказал:

– Ваше превосходительство! Господин Кулаев высказал нам сейчас такие прискорбные замечания, что хоть проваливайся сквозь землю. Разрешите позвать сюда капитана Каппеля и выяснить, в чем тут дело.

Генерал Ланге, не поднимая головы от стола, ничего не ответил и на предложение своего помощника. Тогда полковник Топор-Рабчинский позвонил вестовому и сам распорядился пригласить в генеральский кабинет капитана Каппеля. Последний быстро явился, и полковник сказал ему:

– Объясните нам, в чем тут дело? Господин Кулаев пришел к весьма нелестным для нашего интендантства заключениям, и вот открыто, нисколько не стесняясь, говорит о том, что у нас процветают поголовное лихоимство и взяточничество. Находите ли вы возможным для себя опровергнуть эти его обвинения?

Каппель, обычно красный в лице, как вареный рак, теперь побледнел и начал с замешательством давать объяснения относительно моего предложения о покупке у меня партии ячменя, цена которого вначале, по прибытии в Харбин интендантства, показалась ему очень высокой. Относительно же чая он заявил, что не является специалистом по этому продукту, и что у него имеются солдаты – специалисты по чаю, и что им было предложено опробовать мои образцы чая, каковой они признали непригодным.

После этого объяснения я попросил Топор-Рабчинского принести сюда, в кабинет генерала Ланге, образец моего чая, а также образец того чая, который, в количестве ста ящиков, сдал интендантству поставщик Гиллер. Этот Гиллер поставил мне тысячу ящиков кирпичного чая и при поставке пытался подсунуть сто ящиков японского чая плохого качества. Эта проделка ему не удалась, и вот эти-то забракованные мной сто ящиков он и сдал потом интендантству по цене, которую я назначил за свой чай, именно по 12 рублей за пуд.

Образцы моего чая, с сургучной печатью, были принесены; гиллеровских образцов не оказалось. Я заявил тогда, что чай Гиллера цел и находится в интендантских кладовых, и потому можно быстро достать образец этого чая, что и было сделано. Топор-Рабчинский, сравнив образцы, полюбовался образцом кирпича моего чая и сказал, что такого хорошо спрессованного, тяжеловесного чая он у себя в интендантстве еще не видел.

На этом мои разговоры в интендантстве были пока закончены. Однако история моего первого личного ознакомления с интендантством имела еще и свое продолжение.

На другой день вечером я пошел в харбинское коммерческое собрание. Когда я раздевался в передней, ко

мне подошел Гиллер и предупредил меня, чтобы я, во избежание скандала, не проходил в собрание, что там находится капитан Каппель, который очень расстроен и возбужден вчерашним инцидентом в интендантстве и что дело не обойдется без скандала, если я появлюсь в его присутствии. Я поблагодарил за предупреждение и, сняв пальто, прошел прямо в столовую, где за одним из столиков сидел капитан Каппель, беседуя со своими знакомыми. Взяв стул, я уселся против Каппеля и сказал ему:

– Владимир Федорович, вы зачем-то хотели меня видеть – так я к вашим услугам.

Каппель, побледнев, не ответил мне ни слова. Тогда я заметил:

– Говорить нам с вами здесь, я думаю, не место. Лучше поговорим завтра у начальника тыла, генерала Надарова.

С этими словами я встал и вышел из столовой.

На другой день утром, когда я только что поднялся с постели, ко мне на квартиру явился капитан Каппель и начал слезно упрашивать меня не губить его и его семью, не жаловаться на него Надарову.

– Ведь я служу в интендантстве двадцать пять лет, – говорил он, – вы пожалуетесь, и вся моя служба пропадет, выгонят меня без пенсии, и я тогда – погибший человек…

РЕВИЗИЯ СЕНАТОРА КУЗЬМИНСКОГО

Русско-японская война закончилась. Эвакуировалась действующая армия. Харбинское интендантство уехало в Иркутск. Видимо, высшие власти в Петербурге были осведомлены об интендантских панамах, которые творились в тылу армии, и, по высочайшему повелению, была, назначена сенаторская ревизия для обследования деятельности интендантства в военное время, в Сибири и Маньчжурии. В Харбин был назначен сенатор Кузьминский. Этот сенатор, будучи в Харбине, допрашивал, в числе других лиц, и меня. Он обратился ко мне с вопросом: известно ли мне, что в интендантстве брали взятки, и кто брал таковые?

На эти вопросы я категорически заявил сенатору, что взятки в интендантстве брали все, от малого до великого: без этого никакие сделки не совершались.

– Вы можете подписать это показание? – спросил Кузьминский.

– Отчего же нет? С удовольствием! – ответил я.

– А начальник тыла Надаров брал взятки или нет? – последовал новый вопрос сенатора.

На это я ответил:

– Из главной администрации интендантства я знаю только двух лиц, безупречных в этом отношении: это генерал Надаров и заведующий передвижением войск полковник Захаров; других я не знаю.

– А вы лично давали кому-нибудь взятку?

– Давал, но не в харбинском интендантстве. С моего разрешения однажды мой артельщик в Верхнеудинске дал взятку смотрителю складов…

Я назвал сумму взятки (несколько сот рублей) и рассказал, при каких обстоятельствах эта взятка была дана.

НЕДОРАЗУМЕНИЯ С ИРКУТСКОЙ ТАМОЖНЕЙ

Наше «Русское мукомольное товарищество» поставляло в армию гречневую крупу, и после эвакуации армии осталось у нас в Верхнеудинске 60 вагонов несданной крупы. Мы решили отправить эту крупу в Иркутск. Отправка состоялась в конце февраля. В это время получился правительственный указ об обложении с 1 марта всякого зерна и круп, следующих из Забайкалья в Иркутск, пошлиной в 30 копеек с пуда.

Крупа наша пришла в Иркутск 24 февраля. По заведенному железнодорожному порядку на станции Иркутск были поставлены на всех дубликатах соответственные штемпеля о прибытии крупы, и тотчас же заявлено в иркутскую таможню. Последняя уклонилась в февральские дни принять нашу крупу к освидетельствованию под предлогом, что она завалена очередными грузами.

Как раз в это время я проезжал из Харбина в Петербург, и мой артельщик доложил мне в Иркутске, что таможня отказывается в настоящий момент принять крупу к досмотру. Я сделал распоряжение держать крупу в вагонах, пока таможня, освободившись, не примет ее. За простой вагонов я должен был платить 100 рублей в сутки, но я не думал, что этот простой будет продолжительным. Нисколько не сомневался я и в том, что даже по вновь изданному указу моя крупа ни в каком случае не будет подлежать обложению пошлиной, раз она прибыла в Иркутск ранее марта месяца. С этой уверенностью я и уехал спокойно в столицу.

ХЛОПОТЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Прибыв в Петербург, я получил от моего артельщика в Иркутске телеграмму, в которой он извещал меня, что таможня требует уплаты пошлины на крупу. Я немедленно отправился на прием к премьер-министру Коковцеву и объяснил ему все обстоятельства дела. Он ответил, что и сам получил из Иркутска несколько телеграмм по этому делу, но, будучи очень занят, не успел еще назначить специальную комиссию для рассмотрения этого вопроса; он надеется, что недоразумение скоро выяснится. Коковцев предложил мне повидать директора департамента неокладных сборов и объяснить ему сущность моего дела.

Решив принять это предложение, я предварительно побывал у директора Русско-Азиатского банка, Алексея Ивановича Путилова, и спросил его, не знаком ли он с директором департамента неокладных сборов Министерства финансов. Путилов ответил, что хорошо знаком с ним, и дал мне для него свою визитную карточку, в которой написал, что просит оказать мне всякое возможное «законное содействие».

С этой рекомендательной запиской Путилова я и явился к директору департамента. Меня встретил представительный чиновник, с большой седой бородой, лет шестидесяти на вид. Выслушав меня весьма любезно, он откровенно сказал мне:

– Видите ли, господин Кулаев, все зависит от того, как посмотреть на данный вопрос. Можно сделать и так и этак. Возможно, что юридически дело будет обстоять так, а практически – совсем иначе. Я получил распоряжение от премьер-министра Коковцева назначить комиссию для рассмотрения вашего дела. В этой комиссии я буду председательствовать. Путилова я, может быть, приглашу в комиссию, а может быть, и нет…

Проще говоря, за словами чиновника чувствовался вопрос: «А сколько дашь?»

Видно, и здесь было в силе правило: не подмажешь – не поедешь.

Признаться, я никак не ожидал этого от такого высокого чиновника, почтенного бородача.

Комиссия вскоре была собрана и вынесла постановление, без объяснения своих доводов, обложить мою крупу пошлиной.

Узнав об этом постановлении, я дал телеграмму своему артельщику отправить крупу обратно в Забайкалье, в Верхнеудинск. Я был уверен, что у Иркутского интендантства крупы нет, и взять ему таковую негде, и что оно, рано или поздно, обратится все равно ко мне. Крупа в Верхнеудинске была сложена в склады железнодорожной станции. Интендантство в Иркутске узнало об отправке мной крупы в Забайкалье и сообщило моему артельщику, что оно принимает мою крупу в Верхнеудинске по цене 1 рубль 50 копеек за пуд. Артельщик протелеграфировал мне об этом в столицу. Я ответил ему: крупу сдать. Но сделать это оказалось не так просто. Прошло около недели; и ко мне от артельщика снова пришла телеграмма, сообщавшая, что сдать крупу невозможно без расхода 3 копеек с пуда. Ответил – дать.

Потом я узнал, что делал приемщик интендантства, смотритель складов. Принимал он за день или за два мешков десять крупы и потом говорил, что ему некогда, что он занят другой работой, и прекращал приемку. Жаловаться было некому. Расходы шли, надо было платить за пользование складами и хранение; мыши и крысы проедали мешки; крупа рассыпалась. Что другое мне оставалось делать, как дать взятку?

Обо всем этом я и рассказал впоследствии в Харбине сенатору Кузьминскому.

ПОЕЗДКИ В ШТАБ КУРОПАТКИНА

В течение Русско-японской войны мне пришлось два раза ездить – в 1904 и 1905 годах – в штаб генерала Куропаткина, который находился в городе Ляояне, в Мукденской провинции. Во время этих поездок я мог наблюдать буйства и бесчинства офицеров на станциях железной дороги.

Вспоминаю, как на одной из станций сильно подвыпивший офицер гонялся на железнодорожных путях, с револьвером в руках, за солдатом, убегавшим от него.

Помню также, как я однажды вечером сидел в зале первого класса большой станции Ляоян. Весь зал был битком набит и заставлен столиками и столами, за которыми сидели офицеры всевозможных чинов, от прапорщика до полковника. Один из офицеров, сидевший вблизи меня за столиком, был порядочно навеселе и начал бушевать. Потом мне сказали, что он – из запасных, происходит из какой-то известной петербургской семьи. Он поднял шум и неистово кричал на весь вокзал только потому, что официант подал ему теплый чай. Стакан с этим чаем он пустил в лицо официанту и, выскочив из-за стола, побежал бить буфетчика.

Меня удивило не буйство этого офицера, а то обстоятельство, что никто из сотни военных, сидевших тут же, не попытался как-нибудь сократить расходившегося ресторанного героя.

Случилось, однако, так, что как раз в это время на перроне вокзала находился заведующий передвижением войск, строгий полковник Захаров, ожидавший проезда через станцию великого князя Кирилла Владимировича. Услышав крики бушевавшего офицера, он вбежал с перрона в вокзальный зал и громким голосом вскричал:

– Что это за шум такой?

И что же? Наш герой моментально притаился среди других, мирно сидевших за столиками офицеров, как ни в чем не бывало.

При остановках поезда на станциях следовавшие эшелонами на фронт призванные в армию бородачи нередко подходили ко мне небольшими группами и спрашивали меня:

– Скажите, пожалуйста, господин: зачем нас гонят в чужую землю? Кого и что тут мы должны защищать? Сами мы ведь ничего не знаем…

Такими вопросами солдаты ставили меня в тупик. Что я мог ответить им на это?

А отвечать все же приходилось. Давал я им объяснения, какие и сам порой не считал резонными, объясняя, например: правительство, мол, находит, что нельзя выпускать японцев на материк, иначе они зайдут далеко, до самого Байкала.

Другое объяснение мне было трудно придумать. Верили ли солдаты моим словам, не знаю – скорее, кажется, что нет, не верили.

О БЕЗОБРАЗОВЕ

Виновником Русско-японской войны, если не прямым, то косвенным, часто называют Безобразова, весьма известное в Петербурге лицо. Этот энергичный деятель получил в Корее, в бассейне реки Ялу, большую лесную концессию, для эксплуатации каковой составил товарищество, в которое вошли многие крупные и важные столичные персоны. Эти-то господа и были против каких-либо уступок Японии – особенно в корейском вопросе – и довели Россию до войны.

Конечно, это – мое личное мнение. Возможно, что все это и не так происходило, как я говорю.

Безобразова я знавал ранее. Я случайно познакомился с ним в 1889 году на Алтае, в Сибири. Моя встреча с ним состоялась на спасской резиденции по реке Кондоме. Эта резиденция принадлежала золотопромышленной компании Асташева и Гинзбурга. Безобразов тогда проезжал через эту резиденцию на Абаканский железоделательный завод Пермикина, в качестве администратора этого предприятия. В это время это был весьма еще молодой человек, чуть ли не соскочивший только что со школьной скамьи и совершенно неопытный еще в делах. А был он уже распорядителем крупного дела – видно, ему хорошо ворожила бабушка в Петербурге. Ехал он в Абаканский завод через Алтайские горы, вместо того чтобы отправиться туда обычным путем, через Красноярск.

На спасской резиденции Безобразов пробыл двое суток. Вечерами мы развлекали нашего «высокого» гостя игрой в генеральский винт.

Как он руководил заводскими делами на Абакане, я не знал, так как в скором времени покинул Алтай и уехал на Амур.

Уже много позднее, будучи в Маньчжурии, я узнал о действиях Безобразова на Ялу. Его деятельность то-

гда показывала, что это был человек с большим весом и положением в столице, что и позволило ему создать такую крупную авантюру…

Много нехорошего видело русское население во время Русско-японской войны, и оно потеряло свою веру в то, что правительство может хорошо управлять страной. Нередко люди, даже патриотически настроенные, не знали, что делать, и бросались в крайности, хватаясь хотя бы за тот же социализм… Города и земства стали выносить политические постановления, требуя реформ, настаивая на знаменитой «четыреххвостке». Никто не отдавал себе ясного отчета в том, что из всего этого выйдет, и в отчаянии говорили, что хуже не будет.

А в результате все же получилось хуже.

БУЙСТВА СОЛДАТ

Неудачная для нас Русско-японская война вызвала революционные беспорядки и эксцессы, имевшие место и в Харбине и на других станциях и в поселках полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Отсюда эти беспорядки перекинулись и на города Восточной Сибири. Все это происходило в 1905 году, когда и по всей России было неспокойно и там свершала свое шествие так называемая первая русская революция.

В этом году я едва не стал жертвой яростного буйства русских солдат, возвращавшихся домой с Маньчжурского театра военных действий.

Случилось это так.

Проезжал я из Иркутска в Харбин, имея при себе до 20 пудов багажа. Наш поезд пришел на станцию Маньчжурия в 8 часов утра. Здесь нам, пассажирам, заявили, что едва ли в этот день наш поезд будет отправлен в Харбин, так как железнодорожные рабочие и служащие настроены революционно, желают митинговать и манифестировать и не расположены работать.

Пришлось мне со всем своим багажом поехать в гостиницу, находившуюся в поселке Маньчжурия. Здесь население испытывало большую тревогу. Благодаря тому обстоятельству, что железнодорожники не работали, на станции было задержано и скопилось двенадцать поездов с солдатами, эвакуировавшимися с фронта домой. У железнодорожников замерзли все локомотивы, и везти солдат далее на запад было не на чем. Солдаты, которых скопилось на станции по крайней мере до 12 тысяч человек, страшно волновались.

Зная об этом, население поселка и опасалось, что вся эта масса неспокойно настроенных солдат может броситься на поселок, разгромить и разграбить его. Но оказалось иначе.

Все солдаты были трезвы – продажа водки и вина в поселке была строго воспрещена. Их возмущение направлялось исключительно против железнодорожников. По адресу последних солдаты выкрикивали:

– Вы тут митингуете, ничего не делаете! Паровозы переморозили и нас тут морите, когда нам ехать нужно!

Вероятно, были среди солдат и такие молодчики, которые подстрекали толпу к погрому поселка, но пока что агитация их успеха не имела.

Часов около 10 утра разыгралась катастрофа, печальная для митинговавших рабочих и служащих дороги. Они в количестве 50–60 человек с красными знаменами и плакатами революционного содержания проходили через виадук к станции. У схода с виадука их встретила толпа солдат и начала яростно избивать манифестантов. Большинство последних успело разбежаться, а человек десять остались убитыми тут же, на станции.

Я сидел в это время в магазине Котельникова, находившемся рядом с гостиницей, в которой я остановился. Как из магазина, так и из гостиницы часто посылались люди на вокзал, чтобы узнать, что там творилось. Меня же, главным образом, озабочивал вопрос, пойдет ли в этот день поезд в Харбин или нет.

Вдруг из-за соседних построек вывалила с шумом и криком толпа солдат, человек в триста, и направилась к гостинице и магазину, где мы сидели. Хозяин и служащие бросились закрывать ставни и двери магазина, а я, перебравшись через изгородь, направился к себе в гостиницу. В это время, навстречу мне, в ворота гостиницы тоже вошла небольшая толпа солдат. Посмотрев на меня, они сказали мне мимоходом:

– Не беспокойся, господин: мы ведь не разбойники.

Мне невольно пришлось замешаться в эту группу солдат. С другой стороны во двор гостиницы ворвалась

еще одна солдатская толпа и там поймала официанта, бегавшего для разведки на вокзал. Когда на станции солдаты начали избивать железнодорожников, официант бросился бежать оттуда; солдаты погнались за ним, приняв его тоже за одного из революционеров, – и вот теперь они узнали его и начали жестоко избивать несчастного кулаками и сапогами. В одну минуту они сделали из него окровавленную массу: я видел, как из носа и рта несчастного текла кровь, он лежал без чувств и хрипел, а его все продолжали бить.

Я, невольный свидетель этой ужасной картины, крикнул солдатам:

– Ребята, бросьте! Ведь он уж и так покойник!

Слышу из толпы раздается голос:

– Жалеешь? Видно, все вы тут такие…

И толпа стала угрожающе надвигаться на меня. В этот критический для меня момент из гостиницы выбежал хозяин ее и закричал:

– Что же это вы делаете? Ведь это вы моего официанта убили! Какой же он революционер?

Услышав это, толпа оставила меня в покое и обрушилась на хозяина гостиницы. Стали кричать ему:

– А ты зачем держишь у себя таких крамольников?

Дали ему, перепуганному до смерти, несколько подзатыльников и повели в жандармское управление. Дорогой солдаты поостыли, благоразумие взяло верх, и они отпустили хозяина гостиницы на свободу.

Не выйди он в нужный момент на улицу, не знаю, чем бы кончилась для меня вся эта история. От дикой, разъяренной толпы всего можно было ожидать. Хорошо еще, что все солдаты были трезвые.

Этим мои приключения в тот злополучный день еще не кончились.

Мне сообщили, что поезд в Харбин пойдет в 8 часов вечера. К этому времени я и выехал с моим багажом

из гостиницы на станцию. Войдя в здание вокзала, я увидел, что на полу там валяются пять или шесть трупов – все это были железнодорожники-манифестанты; некоторые из них еще подавали признаки жизни.

Эта ужасная картина невольно вызвала мое сострадание, и я, не задумываясь о последствиях моих слов, сказал громко:

– Что же это они валяются тут? Хоть бы отправили их в госпиталь, что ли!

Вокзальные помещения были битком набиты солдатами, и до их слуха донеслись мои возмущенные слова. Из кучи солдат выдвинулся один, небольшого роста, желчного вида, и обратился ко мне со словами:

– А что, вам жаль этих крамольников? Вот нас небось вы не жалели, когда мы полгода сидели в окопах и вошь нас заедала. А теперь, из-за этих мерзавцев, мы сидим четвертый день здесь на станции.

Все это говорил солдат озлобленно, повышенным голосом. Кругом нас стали плотной толпой собираться другие солдаты, прислушиваясь к нашему разговору. Я знал, что в подобных случаях теряться не следует, а нужно идти напролом, и стал возражать говорившему: пострадавшие получили, мол, свое возмездие и довольно с них; и собак, мол, когда убивают, так и то куда-нибудь подальше с глаз уносят. А ведь это же люди, не собаки! Нельзя же таким зрелищем украшать вокзал.

Но солдат не унимался и с яростью продолжал твердить свое, видимо рассчитывая на сочувствие обступившей нас толпы. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы меня не выручил мой служащий: он увидел, что моя беседа с солдатами может кончиться печально для меня, пробрался ко мне и дернул за рукав.

– Хозяин! – сказал он. – Нужно рассчитаться за багаж.

Я тотчас же бросился к двери багажной конторы – причем толпа машинально расступилась, – оттуда выбежал на перрон вокзала и зашел в свой вагон.

Можно сказать, Провидение спасло меня и на этот раз.

ХИЩЕНИЯ В ХАРБИНЕ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В течение русско-германской войны тоже, видимо, не все обстояло благополучно у нас, в России, по хозяйственной части, поскольку я мог судить об этом по Дальнему Востоку. Во время этой войны я состоял членом правления организованного мной в Харбине банка Первого общества взаимного кредита. Благодаря этой моей банковской деятельности я мог наблюдать некоторые интересные картины.

Некто Глазунов, исполнявший обязанности полицейского пристава в Харбине, был выгнан со службы начальством за свои разнообразные художества. Он уехал потом на германский фронт и ухитрился взять там поставку подошвенной кожи для одного сибирского полка. Полк этот делал через наш банк аккредитивы на имя Глазунова, на покупку кожи по 150 рублей за пуд, тогда как кожа в это время в Харбине расценивалась от 45 до 50 рублей за пуд. Могу сказать, что сапоги для армии заготовлялись десятками тысяч даже в таких городах, как Тяньцзинь и Шанхай, где в этом случае происходила настоящая вакханалия; многие спекулянты, не имевшие никакого понятия ни о кожевенном, ни о сапожном деле, зарабатывали на этих поставках здесь большие деньги. Шили сапоги китайцы; как они их шили, из какого материала – один Бог знает. Однако поставщики товар сдавали, а комиссии принимали.

В Харбине совершенно открыто, без всякого стеснения шла вовсю торговля нарядами на вагоны по перевозке грузов по железной дороге. Это было уже в 1918–1919 годах, во время Гражданской войны в Сибири. По регулированию выдач нарядов на вагоны в Харбине был образован особый, с позволения сказать, комитет, куда вошли железнодорожные служащие

Слаута, Носов и др. Во главе же стояли уполномоченные омского министерства продовольствия – А. В. Цыклинский и его помощник Л. К. Трофимов. Последний был душой и воротилой всего дела.

Без благословения этого комитета ни один вагон не мог никуда выйти из Харбина. А благословение это ловкие дельцы получали, платя за вагон по 500, а то и по тысяче рублей. При таких условиях, вместо продуктов для голодающего, скажем, населения Забайкалья, шли лимоны в глубь Сибири или на Урал. Всякие ходатайства губернаторов о снабжении продовольствием их губерний или областей оставались гласом вопиющего в пустыне. Даже ходатайства уполномоченных по снабжению армии подвергались той же участи; если же им и удавалось иногда добиться подачи вагонов, то лишь после больших трудов и препирательств с властями предержащими.

Харбинский биржевой комитет имел целый ряд шумных заседаний, где обсуждались все те безобразия, которые творились в комитете по выдаче нарядов на вагоны. По полномочию биржевого комитета я ездил туда лично объясняться, и там мне ответили примерно так: «Удивляемся, как это могло так случиться! Ведь у нас на дороге целых пять ревизоров» – и тому подобное.

И биржевому комитету приходилось удовлетворяться такого рода объяснениями.

Разным невероятным вещам в Харбине, по части лихоимства, не было конца.

Порой мне кажется, что наша великая Россия, только благодаря лихоимству и взяточничеству ее служилых людей, а также беспечности и халатности в верхах, дошла до такой пагубы, как коммунизм. Все остальные причины, приведшие ее к этой пагубе, носили лишь побочный характер…

Что греха таить – под прикрытием смутного времени в комитете по выдаче нарядов на вагоны творились весьма грязные художества. Один случай особенно сильно взволновал харбинский коммерческий мир – это продажа более полутора тысяч вагонов в одни руки, под предлогом, что в этих вагонах будут отправлены бобы на юг Китая, где в это время, по причине неурожая, царил страшный голод и люди десятками тысяч умирали голодной смертью. Ловкие изобретатели этого несложного фокуса отправили бобы на станцию Куанченцзы, а оттуда направили их, вместо голодного Южного Китая, в Дайрен, где бобы и были проданы по цене 2,75 иены за пуд; в Харбине же они были куплены по цене 1,25 иены, с погрузкой в вагоны. 1 иена 50 центов с пуда бобов пошла в доход изобретателю фокуса, господину С., и его усердным сотрудникам.

Бесцеремонное взяточничество и хищения до того разложили такое богатое и важное предприятие, как Китайско-Восточная железная дорога, что за описываемое время совершенно парализовалась ее работоспособность. Многие паровозы были переморожены, составы вагонов приведены в негодность, и неизвестно было даже, где таковые находятся. О точном выполнении расписания поездов и правильности их движения не могло быть и речи. Не было даже иногда уверенности в том, отойдет ли сегодня из Харбина значащийся по расписанию поезд.

Положение казалось совершенно безнадежным.

Б. В. ОСТРОУМОВ

Спас, однако, положение дел небольшой случай – назначение управляющим Китайско-Восточной железной дорогой инженера Бориса Васильевича Остроумова.

Новый управляющий всем своим наружным видом и небольшим ростом никак не производил впечатления грозного человека. На деле же оказалось совсем иное. Откуда-то у этого невысокого человека нашлось так много энергии и силы духа, что он в короткое время привел в должный порядок разложенное, умиравшее дело и заставил вновь работать как следует многомиллионное большое предприятие, разбросанное на тысячи верст.

Б. В. Остроумов наладил деятельность дороги так, как будто в прошлом у нее совсем и не было никакой расхлябанности и разболтанности. Поезда пошли полными составами, начали приходить и уходить точно по расписанию. Дорога стала неузнаваемой.

Б. В. не только успевал вести дела дороги, но находил время заботиться и о нуждах служащих и рабочих, а также и об удобствах публики, пользовавшейся дорогой. Он открыл на станциях ряд летних курортов, где публика могла спасаться от летней жары.

Наведя на дороге полный порядок, Б. В. Остроумов сумел пресечь также царившие там хищничество и взяточничество. Как было бы хорошо, если бы в свое время и вся наша Россия смогла обрести для себя подобного энергичного «управляющего», хотя твердого духом премьер-министра. Конечно, тут другой масштаб, но суть-то все та же.

ВАКХАНАЛИЯ НА СТАНЦИИ ИННОКЕНТЬЕВСКАЯ

Укажу еще на один пример хищнической вакханалий во время русско-германской войны.

Недалеко от Иркутска, где в описываемое мной время находилось управление Забайкальской железной дороги, лежит станция Иннокентьевская – первая станция названной дороги. Вот на этой Иннокентьевской, во время великой мировой войны, творились колоссальные хищения, можно сказать, прямо грабежи.

Положим, вы – известный коммерсант и приезжаете в Иркутск. К вам вскоре же является агент-спекулянт с предложением различных товаров. Вы спрашиваете его: что же у него имеется?

Он отвечает:

– Все, что нужно. Имею представительства от разных фирм.

Вы, например, спрашиваете агента:

– А белое крымское вино «Ливадия» есть? Также водка Петра Смирнова?

В ответ слышите:

– Я сейчас узнаю по телефону.

Идет, звонит, возвращается и говорит:

– Есть столько-то вагонов, цена такая-то.

И если вы покупали какой-нибудь товар, то он немедленно отправлялся в ваш адрес по железной дороге, без всяких нарядов.

Впоследствии выяснилось, что подобные агенты продавали товар совсем не от торговых фирм, а просто от администрации станции Иннокентьевская, с которой даже можно было вести торговые переговоры по железнодорожному телеграфу.

На этой станции за время войны скопилось всякого товара сколько угодно, и товар этот нарочно здесь

задерживался. Когда отправители справлялись об участи своего товара, то получали неизменный ответ: «Товар еще не пришел». А товар этот давно уже продан.

Во время военных передвижений частные грузы задерживались на многих станциях причинно и беспричинно; никто за продвижением этих грузов не следил, и никто за них не отвечал.

В моих торговых делах был следующий случай. Было отправлено в декабре из города Каинска по Сибирской железной дороге в мой адрес в Харбин три вагона сладкого сливочного масла. Прошли декабрь, январь и февраль, а масла все нет и нет. Я командировал своего служащего разыскивать товар. Он начал свои поиски с Каинска и дошел до Красноярска – по отметкам дубликата, везде вагоны с моим маслом прошли; значилось отправление и со станции города Красноярска. Поехал мой служащий дальше: по отметкам, вагоны нигде более не проходили; доехал он до Иркутска, вагонов не нашел и возвратился в Красноярск.

Здесь выяснилось, что мои вагоны с маслом были перевезены через Енисейский мост и затем затолкнуты на пустой разъезд Енисей, в 2 верстах от Красноярска. На этом разъезде вагоны и простояли без движения два месяца.

В марте моему служащему удалось выпроводить вагоны с маслом с разъезда Енисей, и они благополучно проследовали, под его наблюдением, на восток, до станции Иннокентьевская. Здесь прошло три дня, пока моему служащему удалось наладить дальнейшую отправку их в Харбин. Одного вагона с маслом все же не оказалось: растаяло на станции Иннокентьевская. Остальное масло пришло в Харбин, уже начав, благодаря теплу, портиться. Пришлось его перетопить и, таким образом, потерпеть на нем убыток. За третий вагон

масла, пропавший на станции Иннокентьевская, дорога уплатила мне 20 тысяч рублей.

Спросите теперь высшее начальство: где же, при всех этих панамах, были ревизоры дороги и что они делали?

По окончании войны было установлено, что на станции Иннокентьевская было за военное время расхищено товаров частных лиц на 7 миллионов рублей.

АЗАРТ НАЖИВЫ

Во время мировой войны и в первые годы русской революции я насмотрелся на многое и имел возможность наблюдать, как быстро люди заражались азартом наживы, и притом нередко люди немолодые, опытные, выдержанные. Особенно много явлений этого рода происходило в Харбине. Многие здесь за время войны уже успели нажить крупные капиталы, но так вошли во вкус, что это их не удовлетворило, и они, бросив свои постоянные дела, пустились в дальнейшие прибыльные спекуляции, уже во время Гражданской войны в Сибири. Они скупали всякого рода товары, отправляли их в Западную Сибирь и на Урал, где ощущался товарный голод, и продавали там привезенный товар населению по двойной и тройной цене; потом снова повторяли те же спекуляции.

Такое радостное благодушие продолжалось до отхода армий Колчака в глубокий тыл, в Забайкалье; тогда наши харбинские богачи побросали свои товары на произвол судьбы и вывезли в Харбин нажитые капиталы в сибирских кредитных рублях, которые с падением власти Колчака потеряли всякую ценность, и вновь испеченные миллионеры лопнули, как мыльные пузыри.

Бывали и такие случаи. Иркутские углепромышленники объединились в конце войны, в 1917 или 1918 году, и сумели все свои копи продать Всероссийскому Временному правительству за 72 миллиона рублей. Один из этих углепромышленников, Петр Карпович Щелкунов, получил, по разверстке, за свои копи 20 миллионов рублей. Если бы он перевел эти деньги в иены, то был бы навсегда обеспеченным человеком: за иену платили тогда еще 3–4 рубля. Но Петру Карповичу, как и многим другим в то время, казалось, что ниже этого курса русский рубль не спустится, и он решил

ждать повышения курса… и не так давно умер в Харбине, почти на положении нищего.

Подобного рода случаев было немало.

Мой компаньон по мукомольному делу в Харбине, Митрофан Григорьевич Бликанов, по ликвидации этого дела имел 6 миллионов рублей, совместно со мной заработанных на мукомольном деле. Я уговаривал его купить, хотя бы на часть его капитала, какую-либо иностранную валюту или приобрести для себя лично дом, но он не слушал моих уговоров, будучи уверен, что русская валюта снова войдет в свой нормальный курс. И в результате мне пришлось похоронить его за свой счет, затем три года содержать его жену и калеку-сына.

Вот как судьба играла людьми в то время!

Кстати, сообщу я здесь и о следующем случае.

Читая в одной из харбинских газет объявления, я за последние годы стал часто встречать там уведомления о том, что судебным приставом Негиревичем продается с публичного торга такое-то и такое-то имущество несостоятельного должника Крола. А ведь Крол тоже не так давно имел капитал в 3 или 4 миллиона, и мне даже памятны те обстоятельства, при которых он их нажил.

Это было в те годы, когда в России стало обнаруживаться бестоварье. Крол достал где-то восемь или десять станков для литья стеариновых свечей и обратился ко мне с предложением вступить с ним в компанию и открыть в Харбине завод стеариновых свечей. Я не принял его предложения. Тогда он попросил меня выписать для него лично из Лондона партию парафина и стеарина для выделки свечей. Условия его в этом случае были таковы: парафин и стеарин приходят в мои склады в Харбине, откуда Крол по мере надобности будет брать эти материалы и переделывать их в свечи, кои обязывается сдавать обратно в мой склад. Для продажи свечей он должен был брать их из склада, против

оплаты. За свой риск и на затраченный капитал я должен был получить по рублю с пуда. Условия были приемлемы для меня, и я выписал для Крола из Англии, через Русско-Азиатский банк, партию стеарина и парафина в 100 тысяч пудов – это было более чем на миллион рублей. Стоил тогда парафин, с доставкой на Харбин, кажется, по 11 рублей с пуда; переработка его, с накладными расходами, обходилась в один рубль. Итого, пуд свечей самому Кролу стоил 12 рублей, а продавал он свечи на сибирском, уральском и других рынках по цене не дешевле 30 или 35 рублей за пуд. Значит, на первой операции он должен был заработать не менее полутора миллионов рублей, затратив на основанное им дело, самое большее, 3 или 4 тысячи. Потом Крол стал продолжать свою работу в том же духе и, в общем, в течение года заработал до 3 миллионов рублей.

Я не ставлю Кролу в упрек быстроту его обогащения: оно создалось вполне законным путем. Просто конъюнктура рынка и обстоятельства времени были использованы ловким, смышленым человеком. Почему он прогорел и стал несостоятельным должником, я не знаю. Возможно, что и его также подвело доверие к русской валюте.

ДАВНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА РЕКЕ ЕНИСЕЕ

Выше я описал, как однажды судьба позволила мне выйти живым из опасной передряги с буйствовавшими солдатами в 1905 году, на станции Маньчжурия.

В жизни моей бывало немало опасных случаев разного рода, и об одном из них, самом серьезном, я расскажу теперь своим читателям.

Это было в конце 70-х годов прошлого столетия, когда мне было всего двадцать лет. Мне нужно было выехать из Красноярска на свой медеплавильный завод. Попасть на него можно было двумя путями: или по реке Енисею, или же дорогой через город Ачинск. Ехать по последнему пути, на перекладных почтовых кибитках, мне не захотелось, и я решил совершить свое путешествие по Енисею. Была уже осень, и я стал ждать, когда установится по Енисею санный путь. Обычно река вставала в последних числах октября, а в начале ноября уже устанавливалась по ней санная дорога, по обеим сторонам которой ставились, близко одна к другой, вехи из хвойных деревьев.

В эту осень Енисей встал тоже в октябре, но в ноябре произошла оттепель, лед плохо окреп, и вех долго не ставили. Мне же надо было спешно выезжать на завод. Я навел справки – мне сказали, что тяжелые обозы и почта еще не ходят, а крестьяне налегке переезжают из деревни в деревню. На основании этих сведений я решил поехать по реке, не ожидая установки на ней вех.

Была у меня легкая зимняя ирбитская повозка, внутри плотно обитая толстым серым сукном и имевшая кожаный замет на суконной подкладке. На этой повозке я и выехал из Красноярска. Внутри повозки я разложил свои дорожные вещи, а также несколько шуб и меховых пальто, заказанных мне служащими завода.

Дорога от Красноярска до первого большого села Минусинского уезда, на расстоянии 150 верст, проходила сплошной тайгой; река пролегала здесь среди гор с отвесными скалами. Местность была очень красива, но непригодна, по своей суровости, для земледелия. Маленькие деревушки располагались по реке на расстоянии примерно 30 верст одна от другой. Жители их занимались зимой только извозом и ямщиной – перевозкой пассажиров по вольному найму: почтовых лошадей на этом переезде не было.

Мне довольно часто приходилось ездить по этому пути, и потому в деревнях у меня везде были знакомые ямщики, которые дорожили мной, как пассажиром, частенько обращавшимся к их услугам.

Приехав из Красноярска во вторую или третью деревушку, по названию, кажется, Ашарову – это было уже часов в двенадцать ночи, – я заехал к одному знакомому крестьянину и стал заказывать лошадей на следующий перегон. Крестьянин уговаривал меня переночевать у него и отправиться дальше днем. По его словам, ехать ночью было опасно, тем более что вехи по реке еще не были поставлены; легко было попасть ночью в наледь, то есть в наплыв поверх льда воды из речушек, втекавших в Енисей и еще не замерзших. Такие наледи бывали иногда в аршин глубиною. Крепок ли был лед на самом Енисее, об этом мой крестьянин не думал и ничего не говорил. Очевидно, считал, что крепок.

Его уговорам провести у него ночь я не оказал должного внимания: думал, что просто ему лень ночью возиться с упряжкой лошадей, и прямо ему это высказал. Тогда крестьянин, не возражая больше, крикнул спавшему на полатях сыну:

– Парень, вставай! Надо лошадей запрягать.

Запрягли мне тройку лошадей, из предосторожности привязав к кибитке запасные веревки. Поехали. На

мягкой постели в повозке я скоро, под монотонный скрип полозьев, крепко уснул, и часа два мое путешествие продолжалось совершенно благополучно. Но, не доезжая немного до следующего поселка, мы попали в беду: неожиданно и лошади, и повозка моя обрушились в воду.

Ямщик закричал мне:

– Беда! Провалились!

Я схватил у него бич, черенком его стал нащупывать глубину воды и сразу же убедился, что мы не попали на наледь, а провалились прямо в середину великой реки Енисея. Кругом повозки бурлила вода, на пространстве так саженей пяти. Лошади еще держались, погрузившись в воду по самую голову, и плыли, сопротивляясь угрожавшей им гибели. Мой ямщик, ловкий и расторопный парень, не растерялся и с чрезвычайной быстротой обрубил топором постромки у пристяжных. Коренной конь, более крупный, опирался задними ногами в дно реки, а передними старался выбиться наверх, подвигаясь к твердому еще льду и ломая его. Ямщику, с топором и веревками, удалось по спине коренника перебраться на целый твердый лед.

Тогда он топором обрубил гужи у коренника, освободил его от упряжки, обвязал веревкой морду лошади, не давая ей окунаться с головой в воду, и извлек ее наконец на лед. Коренная была спасена, две же пристяжные лошади, продержавшись вплавь на воде около пяти минут, не смогли более сопротивляться быстрому течению реки и были затянуты под лед.

Выбившись на твердый лед, мой ямщик, мокрый и перезябший, бегал взад и вперед, стараясь согреться, но это плохо ему удавалось. Я же сидел в своей кибитке среди бурлящей воды, как Ной в ковчеге во время потопа. Повозка моя оказалась достаточно непроницаема для воды и успешно сопротивлялась ее напору: кроме

того, под широкие отводы повозки набились льдины и не давали ей быстро погружаться в глубь реки. Она медленно наполнялась водою – это обстоятельство дало мне возможность выбросить часть своего багажа на лед.

Сам же я не знал, каким способом можно было мне выбраться на лед. Кругом моей повозки сажен на пять лед был обломан, и передо мной зияла открытая пасть, которая собиралась поглотить меня. Повозка моя, хотя и медленно, все же достаточно уже глубоко наполнилась водой. Мокрый по пояс, я вылез из нее и пристроился на высоком облучке. Ямщик со льда, где он находился, ничем помочь мне, при всем его желании, не мог.

Положение мое было поистине отчаянное. Казалось, спасения нет – уходи ко дну Енисея, вместе с повозкой, вслед за бедными утонувшими пристяжными… Но счастливый случай спас меня. Ямщик и я увидели вдруг на горе у реки, не так близко от нас, костер и стали громко кричать, взывая к спасению. Ночью, на открытом чистом воздухе, по реке, крик наш разносился далеко. Прошло некоторое время – и на наш крик подъехало в санях-розвальнях к месту нашей катастрофы трое мужиков.

Оказалось, около костра спали лесорубы, заготовлявшие дрова для винокуренного завода Щеголевых. Они услышали наши отчаянные крики, поняли, что случилось что-то неладное, запрягли свою лошаденку в розвальни и поспешили на помощь, которая пришла как раз вовремя.

Спасители наши бросили мне, все еще сидевшему на облучке моей повозки, длинную веревку. Я привязал эту веревку к повозке, которую мужики, с большими усилиями, подтянули, сквозь затирающие ее льдины, ближе к твердому льду, но все же выбраться мне из ки-

битки, уже заполнившейся водою, было пока невозможно. Остался единственный путь к спасению: мне тоже была брошена веревка, я крепко привязал ее к себе у талии и бросился в воду на плавающие льдины. И лесорубы вытащили меня на лед, как рыбу из воды. На мне в это время была шуба на длинноволосом тибетском меху, на ногах надета катаная обувь, так называемые сибирские валенки; все это промокло и было наполнено водою.

С большим трудом я снял на льду свои валенки, надел выброшенные мной из повозки ботинки с резиновыми галошами, тоже мокрые. В пропитанной водой шубе я сел в розвальни лесорубов, они отвезли меня в поселок Езагаж, где находился большой винокуренный завод Щеголевых. Ехать пришлось часа два.

Я отправился на завод. Здесь оказался доктор, который сразу же принялся лечить меня, сделав какое-то втирание. Затем вытопили баню для меня, натирали меня спиртом и пр. Лечили меня таким образом двое суток. Казалось, ужасное ледяное купание прошло для меня благополучно, без последствий, но в действительности случилось не так. Приехав к себе на медеплавильный завод, я почувствовал «можжение» в костях ног: словно какой-то червяк точил их. Такое состояние продолжалось довольно долго. Медицинское лечение у себя дома, на заводе, и в городах плохо помогало. Но все же это недомогание потом прошло.

Сдав завод в аренду, я обратился к золотопромышленной деятельности и переселился на жительство на золотые прииска. Я с увлечением предался этой деятельности; на смывках, раз в сутки, присутствовал сам лично, простаивая часа по два в холодной воде какой-нибудь горной речки. Правда, я стоял в воде в крепких, непромокаемых, специально для этого сшитых сапогах, но тем не менее холод для ног был чувствителен. И, как это ни странно, боли в ногах у меня прекратились.

И вот я прожил до восьмидесяти лет, и никакой боли и ревматизма в ногах не ощущаю. Исключение составляет только поломанная в Чикаго нога. В ней плохая циркуляция крови, и только недавно я стал чувствовать по этой больной ноге приближение плохой или сырой погоды.

Считаю, что своим здоровьем я обязан своей сибирской спортсменской жизни. Зимами, в лютые сибирские морозы, мне приходилось порой целыми неделями и более бродить по снегу на лыжах в поисках золотоносных россыпей; трудно забыть и ночевки среди глубоких снегов у горящих костров; памятны и весенние ледяные ванны, которые приходилось иной раз принимать при переездах через ключи и речушки, непомерно вздувавшиеся от снеговых вод…

Памятно и многое другое – всего не перечтешь…

О СИБИРСКОМ СУДЕ

Судебная реформа императора Александра II Сибири сначала не коснулась. Тогда – это были еще 70-е годы – находили, что такая реформа для Сибири преждевременна. В Сибири поэтому действовал прежний дореформенный суд, и по-прежнему в суде процветали произвол и взяточничество.

С судом мне приходилось сталкиваться как при моих личных делах, так и при делах моих близких знакомых и друзей.

В 1878 году я, имея в Ачинском округе медеплавильный завод, числился ачинским купцом. Я жил постоянно при заводе и, по закону того времени, был обязан выкупать в этом округе свое гильдейское свидетельство. В то же время я имел винокуренный завод в Мариинском округе Томской губернии и должен был выбирать гильдейское свидетельство и в этом округе.

Лично я в городе Мариинске никогда не жил и имущества, движимого и недвижимого, в нем не имел. Неожиданно для меня общество мариинских купцов выбрало меня членом окружного суда (по тогдашнему наименованию, судебным заседателем) сроком на три года. Мне прислали формальное извещение об этом моем избрании и попросили меня явиться в город к отбыванию моей новой служебной обязанности.

Я не достиг в то время еще совершеннолетия и на свое избрание в суд посмотрел как на абсурд своего рода, поэтому в город Мариинск не поехал. Тогда Мариинский окружной суд обратился в Томск, к губернским властям, с просьбой понудить меня к отбыванию моей общественной повинности. Губернатор наложил на этом прошении свою резолюцию в таком же духе и, за мое уклонение от общественной повинности, оштрафовал меня на 100 рублей.

Я послал губернатору свои объяснения, указав, что мое избрание в суд, ввиду моего несовершеннолетия, является незаконным. Не получая от губернатора никакого ответа, я, выбрав свободное время, лично отправился в Томск и по дороге остановился на две недели в Мариинске, где и приступил к несению своих служебных обязанностей в качестве члена окружного суда.

Я хорошо знал, что мое избрание в суд было только комедией и было вызвано желанием чиновников получить с меня значительный откуп, но принципиально этого не хотел и решил поступить иначе, чтобы отбить у чиновников охоту к дальнейшим притязаниям такого рода.

Итак, я стал судьею, и мне предстояло теперь проверить, правы ли были те люди, которые утверждали, что решения суда выносились не по обстоятельствам дела, а по сумме благодарности суду.

В скором времени как раз представился мне благоприятный случай понаблюдать за действиями суда. Между местными купцами-старожилами завязалась большая тяжба, начало которой относилось еще к прежним годам. Несколько лет тому назад местные купцы, братья Прохоровы, объявили себя несостоятельными должниками, задолжав москвичам 150 тысяч рублей. На следующий год после этого они сами в Москву не поехали, а поручили крупному мариинскому коммерсанту Трифону Савельеву сойтись с москвичами на сделке в обычном заведенном порядке. Для этой цели они якобы дали Савельеву 20 тысяч рублей. Савельев же в Москве скупил все долговые обязательства Прохоровых и потом по этим векселям предъявил к последним иск и таковой выиграл. Затем он описал магазин своих конкурентов и продал их товар с публичного аукционного торга.

За пять лет до описываемого мной времени Прохоровы предъявили встречный иск к Савельеву, доказы-

вая, что они давали последнему свои деньги на сделку с московскими купцами, а Савельев доказывал, что он скупил их векселя на свои деньги. На чьей стороне была правда, неизвестно было. В течение пяти лет дело это тянулось в судах и наконец было окончательно решено высшей судебной инстанцией, Сенатом, который, за недоказанностью обстоятельств дела, постановил Прохоровым в иске отказать.

Казалось, на этом дело и должно было закончиться, но вышло не так. Прохоровы нашли в Сенате какую-то лазейку, и Сенат отдал Мариинскому окружному суду распоряжение вновь пересмотреть дело, а пока что, до пересмотра, наложить арест на имущество Савельева в сумме 20 тысяч рублей.

Этот момент как раз и совпал с моей судейской практикой. Та и другая тягавшиеся стороны стали требовать от меня защиты их интересов, а я, надо сознаться, в то время понимал в законах столько же, сколько известное животное в апельсинах. Судьи и чиновники окружного суда ухватились за новое дело, как за хорошую доходную статью, с большим пылом и усердием. По получении сенатского распоряжения они тотчас же опечатали розничный и оптовый магазин Савельева, самый крупный в городе, в котором находилось товара на сотни тысяч рублей.

Действуя так решительно, судейские чиновники, несомненно, добивались поставленной ими цели, но обстоятельства сложились так, что их ожидания не оправдались.

Случайно в это же самое время томский губернатор назначил товарищем прокурора (тогда он назывался стряпчим) при Мариинском окружном суде Ивана Николаевича Дьяконова. Он был сыном управляющего отделением Сибирского банка в Томске, единственного тогда финансиста в городе, человека весьма симпатичного

и всеми уважаемого, к тому же видного общественного деятеля.

В семье Дьяконовых я бывал и был принят у них как хороший знакомый. По Сибирскому же банку я числился среди крупных его клиентов. С новым стряпчим Мариинского окружного суда я был отлично знаком – он был приблизительно моим сверстником; сомневаюсь, был ли он также в то время совершеннолетним. Учился он в Томском реальном училище. Это был парень-шалопай, веселого нрава, добрый, податливый; в науках он преуспения не имел и с трудом дотянул, кажется, только до пятого класса. Вышел ли он сам из училища, или его «ушли», подлинно не знаю. Известно мне было только то, что он понимал в законах столько же, сколько и я, если не менее; по своему же служебному положению он должен был теперь писать свои заключения на каждое определение и решение окружного суда – согласен ли он с таковыми или нет, а если нет, то почему.

Вот и объединились такие две молодые судейские силы, как я и Дьяконов, и начали борьбу против неправильных решений нашего окружного суда. В этом нам втайне помогал один законник, подпольный адвокат из ссыльных – называли тогда таких адвокатов ходатаями.

Первый наш протест произошел по поводу наложения ареста на магазин Савельева. В законе говорилось, что в подобных случаях, чтобы предварительный арест не причинял убытков, надлежало налагать таковой на имеющееся недвижимое имущество. В нашем протесте мы указали, что у Савельева в Мариинске имеется большое недвижимое имущество: каменный двухэтажный дом, каменные магазин и склады – все это, вместе взятое, намного превышало ценность 20 тысяч рублей.

Протест был подан в Томское губернское управление по телеграфу, и на второй же день оттуда был по-

лучен ответ: приказание снять арест с магазина Савельева, с замечанием по поводу незаконных действий суда.

В течение двух недель моего присутствия в суде мной и Дьяконовым были сделаны четыре основательных протеста против его решений. На этом и закончилась моя «трехлетняя» судейская служба. Я выехал по своим делам в Томск, и в дальнейшем времени Мариинский окружной суд ни разу более не возбуждал вопроса о привлечении меня снова к судейской практике.

За две недели моей работы в Мариинском окружном суде я имел возможность наблюдать постановку здесь судебного дела. Здание суда было небольшое, деревянное, бедно обставленное; в зале его, так называемом присутствии, стоял стол, покрытый, по форме, зеленым сукном; окна этого зала выходили во двор. Мимо окон в ворота двора входили просители. Завидя таковых, один из членов суда, по фамилии Арестов, выходил навстречу посетителям в коридор и расспрашивал их там, в чем заключалась их просьба; без сомнения, он вел с ними при этом беседы на тему о том, что дело может быть решено и так и этак. Для остальных членов суда все это представлялось делом обычного порядка.

В РОЛИ ОПЕКУНА

В отместку за неприятности, причиненные мной, Мариинский окружной суд взвалил на меня трудное и сложное дело – опекунство над имуществом когда-то знатного чиновного богача Попова, давно умершего. Он был владельцем большого имения, размером в несколько десятков десятин земли, с хорошим сосновым лесом. Это имение находилось под Томском и называлось дача Степановка. Женат был Попов на княжне Баратаевой, которая и являлась наследницей всего имущества, оставшегося после смерти ее мужа. Имущество это, помимо дачи Степановки, заключалось еще в работавшем когда-то золотом прииске, находившемся по речке Кундату – в Мариинском округе, – в медеплавильном заводе и в медных рудниках в Акмолинской области. Этот завод и рудники были также брошены несколько лет тому назад и более не разрабатывались.

После смерти Попова опека над его имуществом была утверждена при Акмолинском окружном суде, и, нужно думать, по ликвидации акмолинского имущества дело по этой опеке было переслано в Мариинский суд, по месту нахождения еще остававшегося в Мариинском округе имущества покойного, в виде брошенных приисков. В присланных в Мариинск бумагах никаких сведений о прошлой деятельности опеки не оказалось.

Вдова покойного, Аделаида Михайловна Попова, со своей сестрой, барышней-княжною, жила на даче Степановке. Каждой из сестер было лет около шестидесяти. Обе они были не от мира сего, прямо херувимы какие-то. Спрашивали их, как протекала их жизнь в деловом отношении, и они отвечали, что ничего об этом не знают.

Жили сестры как отшельницы, никуда со своей дачи не выезжали и знакомства в Томске ни с кем не во-

дили. Во время торжественных праздников навещали отшельниц с визитами только губернатор и некоторые другие высокопоставленные лица в городе. Жизнь сестер, в общем, была небогатой; средства они получали от дачи-имения, на котором продавался строевой сосновый лес.

ЕЩЕ ИЗ СТАРОЙ СИБИРСКОЙ СУДЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ

До чего порой царила большая свобода нравов в судах старой Сибири, видно будет из следующего.

В Красноярске мои знакомые, коммерсанты Полуянов и Зорин, торговали вином и, располагая небольшими средствами, держали винные склады. С помощью одного горняка-разведчика они открыли богатое золото по небольшой речушке, впадавшей в Енисей, верстах в 60 выше Красноярска. И вот наши виноторговцы неожиданно для них самих стали золотопромышленниками и начали добывать за каждое лето пудов по 18 золота при небольших затратах на дело. В общем итоге им двоим оставалось пользы каждый год не менее 100 тысяч золотых рублей.

Между обоими предпринимателями пробежала, однако, черная кошка, произошли какие-то крупные недоразумения, и начали они друг с другом тягаться не на живот, а на смерть. Не довольствуясь своими компанейскими приисковыми недоразумениями, стали они возводить один на другого обвинения в разных преступлениях; первый, например, обвинял второго в том, что он – двоеженец, а второй называл первого каторжанином и заявлял, что он не имеет права заниматься золотопромышленностью.

Бывшие компаньоны подавали один на другого заявления в губернское правление, которое с полным вниманием и усердием стало применять к обоим жалобщикам свои меры правосудия. Сегодня оно наказывало одного жалобщика, накладывая арест на половину намытого золота, затем через два-три дня арест снимался, и по отношению к другому жалобщику применялась та же мера судебного возмездия; и в таком духе продолжалось это красноярское правосудие лет пять,

пока тяжебщики не выработали окончательно своего небольшого золотоносного участка.

В конечном результате рассорившиеся счастливцы превратились в бедняков, и им, на покрытие их долгов, пришлось даже продать свои каменные дома, приспособленные ими еще до начала тяжбы, в первые годы их успешной золотопромышленной деятельности.

В это же примерно время, в том же самом учреждении, где царило такое блаженное правосудие – в Енисейском губернском правлении, – завязался лично у меня тоже судебный процесс, по тому времени также довольно крупный. Он произошел по причине моей болезни, неожиданно приключившейся со мной. Случилось это так.

Каждой зимою, обычно в декабре и январе, мы, золотопромышленники, съезжались в город Томск для закупки здесь всех товаров, необходимых для предстоящих приисковых операций. В одну из таких поездок мне случилось заболеть, схватить какое-то «поветрие», как тогда говорили. Болезни своей я не придавал вначале особенного значения. По возвращении из Томска я заехал в Красноярск и попал туда как раз во время Масленицы. Масленичное дело известное: пришлось бывать в гостях, есть блины, со всеми полагающимися к ним закусками, пить вино и шампанское – я не сохранил диеты, и, как оказалось, поступил неосторожно.

Сразу после Масленицы я по своим делам выехал в село Чебаки, в Ачинский округ, и по дороге почувствовал резкое ухудшение своей болезни. Перепуганный этим обстоятельством, я на одной из почтовых станций обратился за медицинской помощью к местной лекарке-знахарке. Она попоила меня каким-то зельем, и мне стало совсем плохо. Я помчался обратно в Красноярск. Здесь я испытал вторую неудачу – обратился за

помощью к одному знакомому врачу, молодому и еще неопытному, только что оставившему университетскую скамью. Его лечение оказалось неудачным, и мне пришлось даже слечь в постель. Я пригласил затем другого врача, который наконец помог мне, и мое здоровье начало быстро поправляться.

Болезнь моя не позволила мне весною вовремя выехать на мои прииска. А на приисках начались работы. От моего управляющего Солгонскими приисками я получил письмо, с сообщением о том, что торфа, назначенные к работе, уже вскрыты, и с запросом, что делать дальше. Я отдал распоряжение своему зятю, Алексею Хворостову, взять с Солгонских приисков партию моих рабочих и поставить их в разведку на одну указанную ему мной речку. Надо заметить, что зять мой работал на прииске «Богом дарованный», находившемся в соседстве с моими приисками. Прииск, на котором работал Хворостов, принадлежал моей матери и на ее средства разрабатывался.

Получив от меня указания, Хворостов взял моих рабочих и одного моего служащего и отвел их на разведочные работы, в указанное мной место. Здесь, в первых двух линиях заложенных шурфов, было найдено неглубоко лежавшее богатое золото.

Этот радостный результат разведки был немедленно доложен Хворостову, а также сообщен и управляющему моими Солгонскими приисками.

Что же сделал Хворостов?

Он выехал на разведку, срубил там явочные столбы, поставленные на мое имя, а работавшую на этой разведке партию моих рабочих сдвинул по долине речки верст на 5 вниз, как раз в то место, где речная долина стала немного шире и где менее всего можно было рассчитывать на нахождение золота.

На открытую мной, при посредстве моих рабочих, богатую золотом площадь Хворостов не замедлил по-

ставить своих рабочих, водрузил здесь свои явочные столбы, а затем не забыл, конечно, сделать и официальное заявление, куда нужно, об отводе лично ему этой площади.

Узнав обо всем этом еще в Красноярске, я, едва оправившись от болезни, выехал на прииска и здесь немедленно же вступил в объяснения со своим зятем, засыпав его вопросами: как и почему все это могло так случиться? Хворостов, прикинувшись невинным агнцем, дал мне следующее объяснение своих поступков. По его словам, открытая мной золотоносная речушка простиралась в длину на 10 верст, а по закону можно было заявлять на одно лицо не более 5 верст; вот почему он и позволил себе поступить так, как он поступил; как только власти сделают ему, Хворостову, отвод нового прииска и утвердят его за ним, он немедленно передаст его мне.

По молодости своих лет я поверил своему зятю, который сумел так искренне убедить меня в благородстве всех его поступков, что я и не заподозрил ничего худого для себя.

В действительности все вышло иначе, и зять мой не смог долю скрывать коварства, им совершенного. Когда вновь открытый богатый прииск был уже утвержден за ним, у него еще не хватало некоторое время совести открыто выявить свое злое и коварное отношение ко мне. Постепенно, и то только стороною, до меня стали доходить слухи о заявлениях Хворостова, что он будет вырабатывать свой, отведенный ему, золотоносный участок, а я должен буду работать на моем участке; каждому, дескать, свое и т. д.

Когда недобросовестное поведение моего зятя выяснилось для меня в окончательном виде, я подал прошение в Красноярское губернское правление. В этом своем прошении я, выяснив все обстоятельства дела,

просил прииск у Хворостова отобрать и возвратить его мне, как первому лицу, открывшему этот прииск, а на золото, намытое Хворостовым в первое лето, наложить арест.

Надо сказать, что Хворостов в это первое лето поставил на прииск полсотни рабочих и сумел добыть около 4 пудов золота – вот насколько богат золотом оказался открытый мной прииск. Первый же год работы на этом прииске дал Хворостову до 50 тысяч рублей прибыли.

Губернское правление наложило арест на золото, но, благодаря богатой добыче этого драгоценного металла, Хворостову легко удавалось устраивать свои дела к лучшему для себя. Он смог, по представляемым им сметам, почти полностью получать средства на операцию будущего года. В губернском суде это дело протянулось два года.

Потом Хворостов поступил совсем просто: он подкупил моего поверенного пропустить срок обжалования решения суда. В силу этого обстоятельства дело, по закону, было прекращено, и Хворостов, ранее ничего своего не имевший, сделался крупным богачом, купил себе дом в Томске, по Духовской улице, с 24 мясными лавками и подвалами для летнего хранения мяса, стоимостью в 100 тысяч рублей. Все это имущество давало ему годовую доходность в сумме не менее 20 тысяч рублей.

За этим Хворостовым была замужем моя любимая сестра, чрезвычайно тоже любившая меня. Как же тяжело было ей видеть и переносить все пакостные поступки ее грубого и неблагодарного мужа! В эти годы она ужасно мучилась и волновалась: пошли между супругами недоразумения и ссоры, что и повело к ее преждевременной смерти. В один из бурных моментов ее объяснений с мужем с ней случился удар, прекра-

тивший ее земное существование. После ее смерти осталось двое детей, сын и дочь, ненадолго пережившие свою мать.

Приведу здесь еще одну иллюстрацию того, как в прежние годы в Сибири вершились судебные дела.

Жила в Петербурге одна богатая золотопромышленница, полковница Родственнова, занимавшая видное положение в аристократических кругах столицы. Она имела крупные золотые прииска в енисейской тайге, на Алтае и в некоторых других горнопромышленных районах. Самые большие ее прииска находились в енисейской тайге. Этими приисками заведовал сын ее, Павел Иванович Родственнов, гвардейский ротмистр, живший постоянно в городе Красноярске. Это был человек семейный; он любил пожить весело и открыто, как и полагалось сынку богатой маменьки. Надо думать, что лишних дивидендов от его управления приисками маменьке не оставалось.

Как-то однажды Павел Иванович, пользуясь законной доверенностью своей мамаши, вздумал да и продал самый крупный свой прииск в енисейской тайге. Покупателем явился золотопромышленник Захар Михайлович Цыбульский, который заплатил за купленный прииск 200 тысяч рублей. По приобретении прииска Цыбульский сделал на нем крупную обстановку, приготовился к добыче золота – и вдруг неожиданно получил от властей запрет на владение приiском.

Полковница Родственнова, найдя настоящие действия ее сына пагубными для ее интересов, пустила в ход все свои могущественные и влиятельные связи в столице и сумела добиться приостановки работ на проданном ее сыном прииске.

В результате возник удививший всех судебный процесс, незаконно начатый и ни на чем не основанный, об обратном отобрании проданного прииска. Тянулся

этот процесс года два и кончился в Сенате, который присудил прииск от Цыбульского отобрать в пользу Родственновой. Основанием для такого сенатского решения послужило якобы ненормальное состояние молодого Родственнова, в момент подписания им договора о продаже прииска. Это «ненормальное» состояние ротмистра было установлено судом по показанию единственною свидетеля – одного красноярского извозчика, который привозил ротмистра в контору нотариуса для засвидетельствования его договора с поверенным Цыбульского.

Этот извозчик заявил на допросе: ему показалось, что ротмистр Родственнов, подъезжая к конторе нотариуса, был выпивши и что он, сходя с саней, пошатывался.

Вот это-то единственное показание извозчика и послужило в пользу выигрыша судебного дела полковницей Родственновой. Надо сказать, что Цыбульский и сам имел в Петербурге значительные связи и заручки, но они не помогли ему: влияние полковницы на исход судебного процесса оказалось сильнее.

Что же касается показания красноярского извозчика, то, может быть, оно и было беспристрастно: мало кто в Красноярске не знал, что Павел Иванович Родственнов имел особенную походку – перекачивался с боку на бок и часто вздергивал плечами. Поэтому лицу, не знавшему его близко, могло показаться, что перед ними находится человек выпивший.

Да, правосудие в те времена стояло не на высоте, и не только в провинции, но и в самой столице…

Исход дела Цыбульского и Родственновой никого и нисколько не удивил. При подобных результатах только говорили: молодец такой-то, сумел справиться с таким-то! – хотя все прекрасно знали, чем и с помощью чего справился. На непорядки в суде все смотрели как на обычное явление.

Кстати сказать, ротмистр Родственное в том же году, в котором состоялось описанное выше судебное разбирательство, был избран депутатом от города Красноярска на московские торжества по случаю коронации императора Николая II.

Нечего и говорить о том, что мало хорошего видел и получал от местной власти и от местного правосудия простой народ. Мужикам в деревне приходилось порою переносить много унижений и несправедливостей со стороны местных властей предержащих.

Расскажу еще один интересный в этом отношении случай, имеющий в то же время касательство и к моей личной жизни, в пору моей молодости.

Однажды зимой в городе Томске заявился ко мне один крестьянин Кузнецкого округа, из села по названию, кажется, Косминского. Фамилии его я теперь уже не помню. На вид это был крестьянин весьма солидный, старообрядец – если не изменяет мне память, молоканин. От одного известного мне лица он представил рекомендацию о себе как об исправном поставщике.

Этот старообрядец предложил мне поставить на мой прииск, находившийся в Кузнецком округе, по речке Ала-Кожух, 3 тысячи пудов мяса. В цене мы сторговались, и я выдал своему новому поставщику задаток под мясо в сумме 5 тысяч рублей.

Мясо по договору должно было быть доставлено в январе, но наступила уже половина февраля, а мясо все еще не было доставлено. Отправил я из Томска своего служащего на место жительства поставщика, узнать о причинах задержки. Возвратившись, мой служащий доложил мне, что он разыскал крестьянина-поставщика в селе, и по всей его домашней обстановке было видно, что это был зажиточный сельский хозяин. Жители же села отозвались о нем как о мошеннике. Он без всякого

стеснения заявил моему служащему, что деньги в сумме 5 тысяч рублей, в задаток под мясо, он взял, но что он на эти деньги проделал какую-то неудачную комбинацию, и теперь денег этих у него нет и поставить мясо для моих приисков он не может.

Я обратился тогда лично к томскому губернатору, камергеру двора Красовскому, с жалобой на мошеннические действия моего поставщика. Я объяснил губернатору, что дело обстоит весьма серьезно и что, в случае недостатка мяса на моем прииске, возможен бунт рабочих и уход их с прииска, что приведет к полному разорению дела.

Губернатор отнесся весьма внимательно и сочувственно к моему заявлению и сейчас же распорядился написать земскому заседателю строгий приказ о том, чтобы он принял меры воздействия на моего поставщика и понудил последнего доставить на мой приск мясо, как было условлено. Приказ этот был вручен мне в руки, и так как то село, где жил обманувший меня крестьянин, отстояло от Томска всего только в 100 верстах, то я лично выехал туда.

По приезде в село я вручил губернаторский приказ земскому заседателю, встретившись с ним на земской квартире, и он тут же сразу принялся за отправление правосудия, дав мне возможность понаблюдать, как это правосудие творится в деревне.

Первым делом заседатель вызвал ответчика и опросил последнего. Ответчик, не запираясь, подтвердил, что он получил от меня 5 тысяч рублей, в задаток под поставку мяса, но поставку произвести не может по таким-то и таким-то несчастным и непредвиденным обстоятельствам.

Казалось бы, все в дальнейшем было ясно, но, по мнению заседателя, было совсем иначе.

В первый день правосудие еще не было завершено, и мне пришлось остаться в селе и заночевать. На дру-

гой день с утра, к моему удивлению, было согнано к земской квартире человек сто разного народа – мужиков, баб, девок. Их поодиночке вызывали в земскую квартиру, и там при мне заседатель чинил допрос каждому.

Допустим, входит в земскую квартиру какая-нибудь баба или девка. Ее начинают допрашивать: когда родилась? в котором году? сколько тебе лет? состоишь или нет в родстве с таким-то? какого вероисповедания?

Отвечали определенно только относительно лет, а со всеми остальными вопросами дело обстояло хуже – чаще всего отвечали незнанием.

Положим, спрашивали:

– Какого вероисповедания?

– Не знаю, – следовал ответ.

– Как не знаешь? Ведь ты – христианка?

– Нет, я – *хресьянка.*

На помощь призывали других свидетельниц, чтобы выяснить вероисповедание допрашиваемой, но и эти свидетельницы, большей частью старообрядки, мало помогали делу. Одна из них сообщала, что допрашиваемая – веры Акулининой, другая называла веру Матренину, третья – веру Прасковьину, и так далее, и все же ничего нельзя было понять.

– Так ты веришь в Христа? – упорно вел свой допрос заседатель.

– Верю, – отвечает.

– Значит, христианка?

– Нет, хресьянка, веры Акулининой.

Так и шел допрос.

Видя, что вся эта комедия к делу моему совсем не относится, я спросил наконец заседателя:

– Для чего вы все это делаете? Ведь это не имеет никакого отношения к моему делу.

В ответ на свой вопрос я услышал:

– Вы не знаете условий деревенской жизни. Все это делается для острастки населения. Только таким путем можно добиться желаемых результатов.

Я понял совершенно ясно, к каким результатам заседатель направлял свое правосудие и административное усердие; для меня не оставалось сомнений в том, что он не упустил случая сорвать хорошую взятку с моего поставщика, проделавшего такое явное мошенничество.

Махнув рукой на всю эту комедию, я в тот же день уехал из села. Заседатель продолжал, вероятно, добиваться «желаемых» им результатов.

Разумеется, я так и не получил ни денег, ни мяса.

Спасибо заседателю и на том, что он дал мне возможность убедиться в полном невежестве большинства нашего русского деревенского населения, особенно того, что проживало в глухих местах, в стороне от железных дорог. Как мало, к стыду нашему, мы заботились об этом нашем народе…

О ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЕ СИНЕЛЬНИКОВЕ

В 70-х годах прошлого столетия, видимо, и до самых высоких сфер столицы дошли слухи, подкрепленные многими фактами, о непомерном взяточничестве и лихоимстве чиновников в Восточной Сибири.

Вследствие этого по высочайшему повелению был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири генерал Синельников, старый, крутого нрава человек, опытный и весьма строгий администратор, гроза чиновников.

Еще до приезда в свою новую резиденцию, город Иркутск, он сделал распоряжение, по которому многие земские заседатели и уездные исправники были заключены под арест. Конечно, это его распоряжение относилось к его генерал-губернаторству, в которое входили Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская и Якутская области.

По дороге в Иркутск Синельников останавливался попутно во многих городах своего генерал-губернаторства, вызывал к себе арестованных ранее чиновников и, чиня им строгий допрос, разносил их, не стесняясь никакими бранными словами. Он требовал от допрашиваемых объяснений согласно имевшимся в его распоряжении обвинительным материалам. В зависимости от данных объяснений Синельников или снимал арест с чиновника, или же, наоборот, своей властью сажал его в тюрьму на продолжительный срок.

Вспоминается мне, что особенно плохо пришлось минусинскому окружному исправнику Баранову. Он в своем округе, где жило не менее 10 тысяч человек степных жителей татарского и монгольского происхождения, обложил этих инородцев податью, в размере 3 рублей с души, и обращал собираемые им деньги в свою пользу. Нигде он эту подать не приходовал, да ее

и нельзя было приходовать, так как, по закону, минусинские инородцы, как аборигены своей земли, обложению податью не подлежали. Этого злостного изобретателя своеобразного податного обложения Синельников закупорил в тюрьму на вечные времена.

Строгому генерал-губернатору, честному и энергичному администратору, Синельникову, однако, в Иркутске не повезло, и его карьера закончилась здесь при следующих обстоятельствах.

Летом Синельников вставал всегда очень рано и нередко часов в шесть-семь утра выходил уже на прогулку пешком по городу. Ходил он гулять попросту, без всякой охраны. В этих своих утренних прогулках он часто посещал строящиеся казенные здания, наблюдал там за работой, следил за доброкачественностью строительных материалов.

Как-то в одно утро он пришел к такому строящемуся зданию. Там он увидел рабочего-каменщика, сидевшего без работы. Синельников по-военному прикрикнул на него, быть может, даже обругал его. Каменщик ответил дерзостью. Это вывело из себя вспыльчивого генерал-губернатора, и он ударил рабочего тростью. Тогда последний развернулся и дал высокому сановнику пощечину.

Конечный результат этого инцидента был таков: Синельников приказал немедленно, без суда и следствия, расстрелять злополучного каменщика, а сам тотчас же подал в отставку и выехал из Иркутска.

Впоследствии, насколько я знаю, Иркутск уже не видел более у себя такого деятельного и справедливого генерал-губернатора, каким был Синельников.

ЦЫБУЛЬСКИЕ И ИВАНИЦКИЕ

Хочу воскресить в своей памяти образы некоторых выдающихся людей, с которыми мне приходилось сталкиваться еще во времена моей ранней молодости. Встречаясь с такими людьми, я старался заимствовать у них жизненный опыт, который вообще дается людям не так легко, как это обычно думается, и прислушивался к их умным речам и замечаниям.

Надо признаться, что мы, таежники, не могли похвастаться богатством наших разумных развлечений. Увлекались мы больше всего охотою – этот спорт у нас стоял на первом месте; далее в свободные часы следовали встречи мужчин, беседы между ними обо всем понемножку, нередко об охотничьих же похождениях, затем частенько практиковалась игра в карты, в азартные игры.

Этого было, конечно, недостаточно для ума и сердца, почему я лично, по крайней мере, ценил и дорожил своими встречами с умными и выдающимися людьми.

В начале моей самостоятельной деятельности, когда мне было восемнадцать лет, я познакомился с одним из таких людей. Это был Захар Михайлович Цыбульский, томский коммерсант и золотопромышленник. Летом он обычно проживал в своей роскошной даче, построенной невдалеке от таежного инородческого селения Чебаки. При этой даче хозяином ее была устроена довольно поместительная церковь, где содержался духовный притч и хор певчих.

Самая дача представляла собой большой барский дом, с просторным танцевальным залом, бильярдной комнатой и со всеми барскими удобствами. При доме состоял довольно приличный оркестр музыкантов. На усадьбе дачи находился прекрасный сад с оранжереями, в которых к Рождеству выращивалось несколько штук совершенно созревших апельсинов.

На рождественские праздники супруги Цыбульские обычно приезжали из Томска в Чебаки, на свою дачу; и вот эти выращенные в оранжереях апельсины подавались тогда к столу, хозяева угощались сами, угощали и гостей, приезжавших к Цыбульским с рождественскими визитами.

По конторским отчетам, содержание дачи Цыбульского обходилось ему ежегодно в 40 тысяч рублей. Надо заметить, что эта дача служила одновременно и золотопромышленной резиденцией Цыбульского, имевшего ряд приисков в Ачинско-Минусинском районе.

Захар Михайлович Цыбульский был выдающимся местным самородком. Уроженец Минусинского округа, он по своему физическому типу напоминал несколько местных инородцев, но был высокого роста и имел весьма мужественный вид. Родословная его мне неизвестна, да, кажется, в нашем крае она была мало кому известна вообще. Это значило, что Цыбульский был обыкновенным смертным, выбившимся в люди своими личными способностями и силой воли, а не через протекцию сиятельных и сильных своим влиянием бабушек и тетушек.

Я знаю только, что Цыбульский учился в большом торговом селе Абаканском, казачьей станице, расположенной по реке Енисею, в пределах Минусинского округа. Как сложилась далее его жизнь в молодые годы, я не знаю.

Мое знакомство с Цыбульским началось, когда ему было под шестьдесят лет и когда он, будучи уже крупным миллионером, представлялся мне знатным, величественным магнатом; мне же в то время было всего только девятнадцать лет. Я был его соседом по разработке моих приисков в Ачинском и Мариинском округах. Разница в наших годах была большая, но

Цыбульский почему-то полюбил меня с первого же нашего знакомства. Возможно, что он смотрел на меня как на юношу, которого надо опекать и поучать, хотя мне казалось, я тогда в этом не нуждался и мог вести свои дела самостоятельно.

Супруга Цыбульского, Федосья Емельяновна, по возрасту подходила к мужу. Это была веселая, беспечная женщина; хотя она по характеру и представляла контраст своему мужу, тем не менее супруги жили очень дружно. Она не противилась его деловитости, он не мешал ее жизнерадостности.

Детей у супругов Цыбульских не было. Был приемный сын, взятый еще младенцем после смерти его матери из бедной рабочей семьи. Приемыша Цыбульские вырастили, воспитали и дали ему хорошее образование: он окончил коммерческое училище в Москве. Сама Цыбульская особенно сильно любила своего приемного сына и баловала его, не стесняя в средствах. Он был усыновлен и сделан наследником всего имущества и капиталов его приемных родителей.

В благодарность за все это Аркадий Захарович (так звали приемного сына Цыбульских) причинил множество неприятностей своим благодетелям. Он в Москве проникся не в меру разными либеральными и революционными идеями, и когда по окончании школы в Москве он явился обратно в дом своих родителей, то начал открыто яростно порицать их действия и их отношение к рабочим, называя эти действия недопустимо эксплуататорскими и вредными.

Цыбульская, очень любившая своего воспитанника, немало слез пролила от тех огорчений, которые он доставлял им. Она убеждала его бросить усвоенные им неправильные идеи и прекратить попреки, которыми он осыпал их, как совсем ими не заслуженные. Однако сколько родители ни бились, но укротить своего

воспитанника не смогли и с болью в сердце должны были с ним расстаться. После я слышал, что непокорный сын Цыбульских устроился на службу конторщиком к арендатору моего медеплавильного завода, Чернядьеву.

Я не берусь судить – может быть, этот протестант был по-своему и прав, осуждая действия своих приемных родителей, но он забыл, что получил образование на их средства и обязан им своим благополучием. Проще и приличнее ему было бы уйти из дела Цыбульских, как противоречащего его понятиям о справедливости, и притом уйти, не нанося тяжких оскорблений и обид людям, от всего сердца его любившим…

Кое-что из биографии Цыбульского я узнал из бесед с ним на его резиденции в Чебаках. Как он пробивал себе дорогу с самого начала, он мне никогда не рассказывал.

Биография его становится более или менее известной мне с того момента, как он стал правителем дел в канцелярии томского губернатора, будучи, видимо, привлечен к этой должности как способный и умный человек. В Томске Цыбульский женился на одной из многих дочерей Бобкова, когда-то, в старину, весьма крупного золотопромышленника. В начале 50-х годов была такая известная золотопромышленная компания: Куликов и Бобков.

По смерти Бобкова его золотопромышленные дела пришли в упадок, образовался значительный долг; стали вызывать наследников, а наследниками являлись только дочери Бобкова; все они были женщины замужние, бывшие замужем за крупными иркутскими богачами: Серебренниковым, Трапезниковым и другими. На вызов наследников все богатые зятья отказались от получения наследства, потому что долгу на наследстве было больше, чем оно само стоило.

Только один из зятьев, Цыбульский, изъявил согласие на принятие наследства Бобкова. Разумеется, по русским законам, принимавший наследство становился ответственным и по долгам, лежавшим на этом наследстве. Цыбульские, приняв наследство, ничем не рисковали, ибо у них никакой личной собственности не было, поэтому и ответственности бояться было нечего. В то же время были и надежды: авось золотопромышленное дело еще им и улыбнется…

С получением наследства Цыбульский оставил свою службу у губернатора и начал лично руководить своими золотыми приисками. Разрабатывалось у него всего пять или шесть приисков, в малых и бедных размерах. На доходы от них не было возможности покрывать долги. Кредиторы же, со своими требованиями, не переставали наседать на Цыбульского, подавали в суд ко взысканиям по векселям и требовали описи и продажи наследственного имущества с публичных торгов.

В продолжение примерно восьми лет Цыбульскому приходилось всячески изворачиваться и отбиваться от наседавших на него кредиторов, все в той же надежде, что золотое дело его наконец улучшится и тогда он рассчитается с долгами – я на себе испытывал годами подобного рода надежды и хорошо знал эти искушения. За все восемь лет счастье, однако, не улыбнулось Цыбульскому. Дело свое он все-таки вел, и вел умело, продолжая в то же время отбиваться от натиска кредиторов. За все это время он умел устраиваться так, что полиция не могла предъявить ему лично определение суда, сделанное уже в бесспорном порядке. Когда Цыбульский жил летом в Чебаках, на своих приисках, то дело по взысканию с него долгов лежало без движения в томской полиции, якобы в ожидании приезда его в Томск. Когда же он приезжал в этот город на зимние три или четыре месяца, для закупки на прииска товаров

и припасов, дело посылалось к минусинскому горному исправнику, где и лежало месяцами без всякого движения.

Бывали, рассказывал Цыбульский, случаи и похуже. Однажды он был в Томске; кредиторы его и их поверенные, узнав об этом, приняли экстренные меры, чтобы объявить ему под расписку постановление суда – для этого у его дома, были поставлены полицейские посты, которые должны были не допустить отлучки его из дома. И что же он придумал? Его рано утром вывез из дома дворник, спрятав его под снегом на дно короба, в каковых в Сибири обычно вывозят снег и мусор за город. Выехав так оригинально за пределы города, Цыбульский сумел оттуда благополучно пробраться к себе на прииска.

Вот так, в весьма нелегких условиях, прожил Цыбульский целых восемь лет – этот сибирский самородок был железным человеком, и его не так-то легко было сломить.

Наконец судьба сжалилась над ним и вознаградила его сторицей за все перенесенные им испытания и огорчения.

Однажды, совершенно неожиданно для Цыбульского, в дом его в Чебаках явился его сосед, некто Нагорнов. Это был служащий богатейших приисков красноярского золотопромышленника Петра Ивановича Кузнецова. Его прииска располагались по реке Кызасу, впадавшей в Абакан, в Минусинском округе. По каким-то причинам Нагорнов, заведовавший у Кузнецова разведками золотоносных площадей, был уволен со службы. Парень он был смышленый и себе на уме. Он разведал золото на небольшом ключике, который своим устьем выходил как раз к самым постройкам богатого прииска Кузнецова, по реке Кызасу. Этот прииск работался уже годы, и построек на нем создалось мно-

жество – целый городок, и постройки эти вышли даже за черту отведенного Кузнецову золотоносного участка.

Нагорнов рассердился на Кузнецова за увольнение его со службы и, в отместку своему прежнему хозяину, предложил Цыбульскому заявить на его имя разведанный им ключик. В ключике этом он нашел промышленное содержание золота, но его занимало не столько золото, сколько желание захватить, при отводе заявляемого ключика, постройки Кузнецова, вышедшие за черту его участка, и затем сорвать со своего прежнего хозяина хороший куш за право оставить постройки на чужом участке.

Цыбульский принял предложение Нагорнова. Они ночью привели на разведанный ключик несколько человек, образовав разведочную партию рабочих, и ночью же поставили на намеченном ими участке разведочные столбы, захватив в свою заявку и постройки Кузнецова.

Получив отвод себе нового прииска, Цыбульский был теперь вправе заставить Кузнецова снести с его отвода все строения.

Как они сговорились насчет этих строений, я не знаю, да это было и не так важно. Существенно было то, что в отведенном ключике разведочная партия Цыбульского нашла золото; основательной разведки Цыбульский все же сделать не смог: золотоносный пласт оказался под глубоким торфом, и работам мешал большой приток почвенной воды. Для окончательной разведки нужны были большие средства, чем те, коими располагал Цыбульский. Поэтому последний решил выехать в Петербург, чтобы подыскать себе компаньона со средствами. Такого компаньона он нашел в лице известного золотопромышленника и уральского заводчика генерала Ненюкова.

Цыбульский уступил Ненюкову половинное участие в новом заявленном им прииске за 25 тысяч рублей. Этой суммы было как раз достаточно для того, чтобы довершить разведку прииска и поставить на первый год небольшие работы на нем.

В результате этот маленький ключик дал Цыбульскому и Ненюкову один миллион рублей прибыли, за что и было дано ему название «Веселый Ключик».

Вот этот-то «Веселый Ключик» и послужил толчком к дальнейшим крупным заработкам Цыбульского на остальных, доставшихся ему по наследству приисках.

Все это, конечно, происходило еще до начала моего появления на сибирском промышленном горизонте. Мое знакомство с Цыбульским завязалось, как я уже сказал, тогда, когда он был миллионером и держал себя как родовитый аристократ. Став богатым человеком, он не скупился на пожертвования: 200 тысяч рублей пожертвовал на достройку кафедрального собора в Томске, 200 тысяч рублей дал на строившийся тогда в Томске первый Сибирский университет, на закладке которого я лично удостоился чести присутствовать.

Супруга Цыбульского также тратила большие средства на дела благотворительности. Между прочим, она содержала за свой счет женский Мариинский приют.

З. М. Цыбульский нес в Томске и общественные обязанности: он был два четырехлетия избираем городским головою этого города и служил обществу, не получая жалованья, что давало Томскому городскому управлению экономию в сумме 15 тысяч рублей в год. Зимой он пригонял в город со своих приисков до полусотни лошадей с таратайками, на коих возилась с берега реки Томи галька – для заваливания всех непроходимо грязных улиц города. Эта работа для городских нужд тоже, конечно, производилась Цыбульским совершенно бесплатно.

Несмотря на все эти исключительные заслуги Цыбульского перед городом, томские коренные купцы его недолюбливали, считая его гордецом, не общественным, по их понятиям, человеком, похожим скорее на сановника, чем на купца. Действительно, он мало подходил к кругу тогдашних купцов и их образу жизни. Сибирский купец того времени любил повеселиться нараспашку, по-своему, в теплой своей купеческой компании, зело хорошо выпить, в беседе не стесняться в выражениях – вроде всем известного тогда томского купца Евграфа Ивановича Кухтерина. Захар Михайлович к подобного рода компаниям относился несочувственно и в их гулянках никогда не принимал участия; дом свой в Томске держал с достоинством, как настоящий аристократ. Все это, разумеется, томичам не нравилось и было не в их духе, потому они и считали Цыбульского гордецом и нередко, только из-за личной ненависти к нему, во многих городских делах подставляли ему ногу.

Большой общественной заслугой Цыбульского было открытие им лечебного минерального курорта в Минусинском округе, именно озера Шира. Ему стоило немало средств, чтобы обставить курорт и сделать его популярным среди публики. Для размещения прибывавших на курорт посетителей он поставил за свой счет много бревенчатых, монгольского типа, юрт, построил курзал для танцев, с буфетом для вин; музыкантов он привозил со своей резиденции из Чебаков. Первыми посетителями курорта были представители местного горного начальства, а также красноярская интеллигенция. Потом, когда озеро Шира получило большую известность, на курорт стало приезжать много больных из других мест.

Официальное открытие курорта состоялось, если не изменяет мне память, в 1878 году, летом. В это лето я

жил на своих Солгонских приисках, в 90 верстах от курорта. Здесь я получил от Федосьи Емельяновны Цыбульской убедительное и строжайшее приглашение пожаловать на открытие курорта. Хотя это и случилось в самый разгар летних приисковых работ и мне не следовало бы отлучаться с приисков, я все же принял приглашение и выехал на озеро Шира, где и прогостил около двух недель.

Теперь я расскажу читателям, как оригинально было поставлено у Цыбульского управление приисками. В районе его Чебаковской резиденции в разных местах, но не далее 100 верст от Чебаков, разрабатывались у него хозяйственными способами шесть приисков, дававших хозяину хороший доход. Летом Цыбульский жил в своей резиденции, в Чебаках. Бывало, в иное лето он и не бывает ни на одном из своих приисков. На каждом прииске им были поставлены управляющие, люди солидные, знающие свое дело, по многу лет у него служившие. Получали эти управляющие жалованье небольшое: всего по 300 рублей в год, и никогда не обращались к хозяину с просьбами о прибавке жалованья.

Нередко хорошие знакомые говорили Цыбульскому:

– Как это у вас такой-то управляющий, человек семейный и сам состоятельный, может служить за триста рублей?

Цыбульский на это отвечал:

– Дай им хоть по три тысячи рублей в год, воровать все равно будут, да, пожалуй, еще и больше, чем раньше.

Главным управляющим приисками Цыбульского состоял его двоюродный брат, Иван Матвеевич Иваницкий, высокого роста человек, очень мужественного вида, с длинными бакенбардами, похожий, по всей сво-

ей военной выправке, скорее на какого-нибудь военного командира.

Иваницкий имел большую семью: семь дочерей и одного сына. И содержал он такую семью, получая жалованья всего только 400 рублей в год. Дочерей же своих воспитывал в лучших и дорогих городских школах.

Как все это могло быть согласовано?

Цыбульский заведомо предоставлял своим управляющим возможность наживаться, но так, чтобы это не затрагивало его интересов. Достигалось это такой практикой. Приисковый рабочий, после выработки заданного ему урока, получал право уходить с лотком в указанное им место и там добывать золото в свою пользу, сдавая его потом управляющему прииском по назначенной цене. В уплату за золото рабочий получал преимущественно спирт, каковой ввозился на прииска за счет управляющих приисками – вот тут-то эти управляющие и возмещали скудость своего жалованья сторицею.

Цыбульский смотрел на это сквозь пальцы, так как его интересам эти комбинации были выгодны.

Главноуправляющий Иваницкий со своей семьею жил в Чебаках, при резиденции Цыбульского, в отдельном домике. Патрон держал его на почтительном расстоянии от себя, соблюдая строгий этикет. Иваницкий, приходя в палаццо своего хозяина, всегда держал руки по швам и стоял навытяжку, пока Цыбульский не скажет ему:

– Ну, Иван, садись.

Бывало, я с чувством изумления смотрел на подобное зрелище: ведь и приятели были, и был Иваницкий в семье Цыбульского принят как свой человек, а все же, когда это требовалось, стоял перед своим хозяином навытяжку.

ОБ ОХОТЕ

Как сам Цыбульский, так и главноуправляющий его Иваницкий и сын последнего были по природе своей страстными охотниками. Ничто в жизни не интересовало их так сильно, как охота; излюбленной темой их бесед была только охота и охота. Даже барышни, дочери Иваницкого, и те любили говорить об охоте и нередко принимали живое участие в охотничьих разговорах.

Я лично не раз слышал от старика Цыбульского сетования на то, что он в молодости не имел таких отличных ружей, какие появились потом. Для своего любимого занятия – охоты – он не жалел денег и все, что было лучшего в области охотничьего снаряжения, приобретал за границей.

Будучи уже стариком, он все еще не терял своей страсти к охоте и иной раз зимой, в сильные морозы, ездил в глухую тайгу за 100 верст от Чебаков на высокие Терсинские горы, охотиться на крупного зверя, изюбря, и целыми неделями сидел на гольцах, поджидая зверя, на таком ветру, который мог сбить человека с ног. Сам он, по старости лет, не был уже в состоянии на лыжах взбираться на эти гольцы: его завозили туда охотники-татары на нартах.

Рассказывал мне как-то Цыбульский об одном трагикомическом случае, происшедшем с ним однажды на охоте. Охотился он недалеко от Чебаков на зайцев и неожиданно в упор встретился с медведем-муравьятником, зверем не особенно крупным, но по породе своей злым. Ружье у Цыбульского было заряжено дробью; растерявшись от неожиданности, он выстрелил в медведя и ранил его. Раненый медведь кинулся на охотника, у которого и все остальные патроны были заряжены мелкой дробью, и Цыбульскому

предстояло стать жертвой разъяренного зверя, но выручил его из беды много лет служивший у него охотник, хороший стрелок, местный тузумец-татарин, знаменитый Калолка, бывший с ним в то время на охоте.

Этот Калолка выхватил из-за плеч винтовку и уложил наповал зверя, наседавшего на Цыбульского; потом, в азарте, чувствуя себя героем-спасителем своего хозяина, возвеличил последнего с материнской стороны да еще и проворчал вдобавок:

– И так ни черта не видишь, а еще два стекла на глаза надел!

Цыбульский в это время действительно носил двое очков, каковое обстоятельство Калолка и поставил ему в вину.

За последние годы своей жизни Цыбульский уже не выезжал из Томска на свою резиденцию в Чебаки, и попечение обо мне, как об охотнике, взял на себя Иван Матвеевич Иваницкий. Я сейчас жалею, что все усилия его сделать из меня хорошего охотника пропали даром. Хотя я и охотился с юношеского возраста, но особая любовь к охоте не привилась ко мне и не сделалась страстью. Потому в данный момент я буду рассказывать об охоте не как настоящий охотник – без должного увлечения.

По окончании приисковой операции и расчета рабочих я, по заведенному у местных золотопромышленников порядку, выезжал в Чебаки, на резиденцию Цыбульских. По съезде всех гостей Иваницкий устраивал большую, длительную охоту.

В первых числах ноября, когда в тайге выпадал уже глубокий снег, козы, плодившиеся в глуши тайги, не могли уже более кормиться там из-за глубокого снега и мелкими табунами выходили на лесные опушки, туда, где леса примыкали к степи и где снега были неглубоки;

здесь они заполняли лога и долины речушек и паслись так до декабря. Далее козы начинали соединяться в большие табуны, по сотне голов, и выходили пастись уже в открытую степь, где часто снега и вовсе не бывало.

Вот в те периоды времени, когда козы еще держались на лесных опушках, и устраивал Иваницкий охоту на них. Охотники обычно уезжали верст за 30 от Чебаков, в татарские улусы. Здесь, для устройства охотничьих загонов, они нанимали десятка три татар в качестве загонщиков, за поденную плату в 30 копеек для каждого. За эту плату татары охотно скакали на своих лошадях весь день.

Днем охотники были на загонах, ночь проводили в татарских юртах. Охота продолжалась дней по десять. Набивали коз штук по ста и более, наваливая их целые возы. Некоторое количество убитых коз съедали загонщики-татары. До полуночи варили и жарили они козлятину и ели ее без хлеба; получали они при этом от охотников еще и по чарке водки, отчего испытывали полное блаженство, ясно выражавшееся на их лицах.

Мне в конце концов такая длительная охота становилась в тягость, начинало тянуть домой, и я вечерами не забывал делать напоминания Иваницкому: довольно, пора ехать домой!

Он, бывало, скажет:

– Вот видели еще лисиц татары, нужно сделать загон на них…

Смотришь, потом татары донесут Иваницкому, что в таком-то месте они обнаружили волчий выводок. Значит, надо сделать загон и на волков.

И так приходилось скрепя сердце проводить на охоте, при зимних морозах и ветрах, еще два-три лишних дня.

Недели через две наконец возвращались мы в Чебаки с возами настрелянной дичи, и вот тут-то дочки

Иваницкого набрасывались на нас, опережая одна другую, с бесконечными вопросами: как и где застигли этого зверя? при каких условиях он был убит во время загона? кто, счастливец, застрелил его? сколько дичи убил каждый из охотников?

На последний вопрос я всегда отвечал неохотно, так как на мою долю счастье убить много дичи выпадало редко. О причинах этого, как охотник, я уж лучше умолчу.

Вспоминаю, в мое старое время до невероятия много водилось дичи в сибирских таежных углах: был тут мелкий зверь и крупный и разная лесная птица, а в таежных озерах – гуси, утки; было за чем поохотиться там истовому охотнику.

МЕДВЕЖЬИ ОХОТЫ

Охота на медведя, пожалуй, безопаснее, чем охота на рябчика. Охотятся на него зимою, когда зверь сидит в берлоге, или летом, с лабаза.

Положим, где-нибудь на прииске издохнет животное: лошадь или корова. На больших приисках это бывало почти ежедневно. Павшее животное обычно вывозили в лес, примерно за версту от прииска, и бросали его здесь в таком месте, где было удобно устроить на деревьях особого рода «полати» – лабаз. Эти полати устраивались на высоте 2–3 сажен от земли и прикрывались кругом хвойными ветками, так что охотников, взбиравшихся на них, не было видно. В сумерки забирались на такой лабаз двое-трое охотников и, сидя тихо, не разговаривая и не куря, начинали выжидать появления зверя, который должен был подойти к падали.

Летом падаль быстро разлагалась и издавала сильное зловоние; чутье же у медведя такое, что он хоть за десять верст услышит этот запах и придет полакомиться если не в первую ночь, так в следующую, примерно в самую полночь. От охотников, сидевших на лабазе, невдалеке от приманки, требовалось соблюдение полнейшей тишины, чтобы не испугать зверя.

Интересно, как осторожно медведь подходит к падали. Не доходя полверсты до мертвого животного, он начинает красться и все прислушивается, хорошо понимая, что, возможно, и стерегут его где-нибудь люди. Подкрадывается медведь к падали так тихо и осторожно, что не треснет в густом лесу ни один сучок: кажется, даже заяц не смог бы тише прокрасться по лесу. Как это он ухитряется так проделывать, трудно даже понять.

Будучи еще сравнительно далеко от цели, зверь начинал останавливаться и подниматься на задние лапы

и, стоя, осматриваться и прислушиваться: нет ли чего подозрительного. Стоял он так, совершенно недвижимо, минут пять и более, затем опускался, продвигался сажен на 20 и опять делал такую же стойку. Так он проделывал несколько раз, пока не подходил вплотную к падали. Обычно тогда уже охотники из лабаза, разглядев зверя, делали по нему сразу несколько ружейных выстрелов. Разумеется, медведя удавалось, большей частью, убить: если же охотники из-за сильной темноты или по каким-нибудь другим причинам промахивались по зверю, то зачастую последний, напуганный неожиданными выстрелами, заболевал известной болезнью и бежал, чтобы где-нибудь поблизости издохнуть.

Где же тут опасность при такой охоте на медведя?

Вот если, скажем, вы охотитесь в тайге на рябчиков, имея лишь дробовые патроны, то здесь может сложиться опасное для вас положение, когда вы встретитесь с медведем с глазу на глаз. Вообще же медведь старается уйти от человека, которого он обычно начинает чуять еще издали.

Мои многолетние наблюдения позволяют мне сделать заключение о том, что из всех зверей сибирской тайги медведь – самое умное животное. Жаль только, что он не может говорить, а то бы мог, пожалуй, поспорить, по своей понятливости, с каким-либо обитателем нашего русского глухого деревенского угла.

Пришлось мне все же один раз в своей жизни встретиться с медведем, исключительно опасным и дерзким.

Это было еще тогда, когда я работал в алтайской тайге, на приисках Асташева и Гинзбурга, находившихся на речке Солдатке, притоке реки Мрасы. Я решил поехать на один пустой, не работавший уже приисковый стан, чтобы в его окрестностях поохотиться на глухарей. Этот стан находился в 8 верстах от моих

приисков. На нем жил только караульный, семейный человек, со стариками отцом и матерью, женой и ребятишками.

Я вышел на охоту, рассчитывая вернуться домой, на свои прииска, к вечеру.

Увлекшись охотой, я зашел далеко в тайгу и поздно вечером вернулся на стан. Было уже темно, ехать на свои прииска верхом одному, ночью, я побоялся и потому остался ночевать на стане. Постель мне постлали, по моей просьбе, в пустом складе, где я рассчитывал избежать неприятностей от клопов. Со мной улеглась спать в складе и моя охотничья собака – звали ее Амур. Позади склада тянулся небольшой ложок, в котором был устроен маленький дворик для скота, принадлежавшего караульному этого стана.

Только что я заснул (это было часов в десять или одиннадцать вечера), как услышал: заворчал мой Амур. Я цыкнул на собаку, она притихла, но несколько времени спустя заворчала еще сильнее. Я подумал, что к складу, где я спал, подошли, верно, собаки караульного и мой Амур ворчит на них; я рассердился на свою собаку и швырнул в нее сапогом. Она забилась под мою кровать и затихла.

Вдруг раздался ужасный, душу раздирающий рев, похожий на медвежий, который сразу поднял меня ото сна.

Что же оказалось?

Как потом все это выяснилось, медведь огромной величины подкрался тихо к скотному дворику, около которого я спал, схватил трехлетнего быка и поволок его в лес. Вот этот-то бык, находясь в объятиях медведя, и заорал диким, ужасным голосом, который я принял сначала за медвежий рев.

Я выскочил на улицу. Было темно – ничего было нельзя рассмотреть. Слышен был только какой-то шум,

и доносился рев похищенного быка из молодого березника за скотным двором; по этому березнику зверь и тащил свою жертву. Поняв, в чем дело, я выстрелил в воздух несколько раз дробовыми патронами по тому направлению. Медведь не обратил никакого внимания на мою стрельбу и продолжал тащить несчастного быка в лес.

Из дома караульного выскочили женщины, отец его зажег факел, сделанный из березовой коры, и все двинулись отбивать быка у медведя; я продолжал стрелять на ходу из ружья. Но ни стрельба, ни горящие факелы не помогали: медведь не отпускал своей жертвы. Наше наступление продолжалось, может быть, шагов двести; бык продолжал дико вопить, но наши факелы уже начали тухнуть, и наконец наша экспедиция вернулась без всякого успеха.

И, только придя домой и несколько успокоившись, мы стали рассуждать: а что было бы, если бы этот дерзкий медведь бросил тащить быка и занялся нашими персонами? Мы решили, что нам не поздоровилось бы тогда.

Медведь утащил быка сажен на 200 от скотного дворика, задавил его, полакомился его внутренностями; затем выкопал яму, в которую свалил задавленное животное, и засыпал его сверху землею.

Возвратившись к себе на прииски, я послал рабочих к тому месту, где лежал задавленный медведем бык, чтобы сделать там лабаз. Вечером мы двое – я и один казак-охотник – отправились к лабазу, для охоты за медведем. Приехали мы на место засветло, когда только что закатилось солнце. Рассчитывая, что зверь придет к падали еще не скоро, мы расположились пока под лабазом, присели на землю и закурили.

Но вышло не так, как мы предполагали. Неожиданно для нас зверь пожаловал ужинать засветло и застал

нас, охотников, сидевшими и курившими на земле, под лабазом. Это был громадный медведь; он шел по тропе от приисковой постройки нашим следом, а не из леса, откуда только мы и могли его ожидать. Мы увидели его, когда он был всего уже саженях в 50 от нас. Залезать на спасительный лабаз было некогда. Мы схватили в руки ружья и стали наблюдать за зверем. Не знаю, заметил ли он нас, но он свернул с тропы и подошел к месту, где был им закопан бык; тут он остановился, поднял голову и стал смотреть на лабаз. В этот момент одновременно раздались два наших выстрела.

Медведь дико рявкнул, поднялся на задние лапы, перевернулся через голову и, снова поднявшись, побежал в лес. Мы пошли по его следу: кровь из раны зверя текла по обе стороны его пути. Прошли мы по лесу сажен 100, а дальше идти побоялись, зная, что раненый зверь бывает опасен: может лежать где-нибудь под колодой, а потом вскочит и бросится на человека, а не добежит от него.

Решили мы оставить раненого медведя в покое до завтра. На другой день, рано утром, приехали к нам на прииск два татарина из соседнего улуса и сообщили нам:

– Ваша медведя приехала наша покоса, пропадила.

Послал я людей снять шкуру с медведя. Зверь, судя по снятой шкуре, оказался необычайно громадных размеров.

Кстати сказать, об этом исключительно дерзком медведе я слышал еще ранее, приблизительно недели за две до описанного мной эпизода. Он посетил три смежных улуса – это небольшие деревушки местных туземцев. Зверь выходил к улусам без всякого стеснения, днем подкрадывался к пасшимся лошадям или коровам, хватал одну из них и уволакивал в лес, где потом и съедал свою добычу. Через несколько дней хищник

являлся в следующий улус, где повторял нападение на скот, и так обошел он три улуса.

Татары приезжали даже на наш прииск с жалобой на этого медведя-разбойника и просили оберечь их от его набегов.

Мы их спрашивали:

– Почему же вы сами не устроите охоты на него?

Татары отвечали:

– Этот зверь не боится ни людского крику, ни выстрелов; у нас винтовки малопульные, на такого большого медведя не годятся, потому мы и боимся на него охотиться.

И вот судьбе угодно было распорядиться так, что я лично принял участие в охоте на этого страшного зверя и положил конец его разбойным похождениям.

Многое вспоминается мне из моих охотничьих впечатлений, но обо всем не напишешь.

Расскажу я все же о комичном эпизоде, случившемся на одной осенней охоте, устроенной Иваном Матвеевичем Иваницким, верстах в 6 от Чебаков. Набралось нас на эту охоту человек восемь. Охота была рассчитана на козу; при случае могла подвернуться и лисица. Все охотники имели с собой только дробовые патроны.

Один из участников охоты, земский заседатель, сказал нам:

– Вас, охотников, и так тут много; пойду я лучше в загон к татарам.

Сказал и ушел. Мы, остальные охотники, рассыпались цепью вдоль холмов, уселись. Начался загон.

К нашему удивлению, вдруг появился бежавший вдоль цепи небольшой медведь-муравьятник, видимо крайне напуганный загонщиками. Охотники начали угощать дробовыми патронами бежавшего зверя, дико рявкавшего после каждого выстрела, совершенно его изуродовали и добили.

Вечером, после загонов, у нас начались охотничьи разговоры, стали мы делиться своими впечатлениями о сегодняшней охоте, вспомнили, конечно, и о медведе, убитом нами. Каждый из охотников старался доказать, как ловко именно он выстрелил по медведю. Земский заседатель тоже не утерпел и выступил со своими возражениями другим охотникам, сказав им:

– А чем вы можете доказать, что попали в медведя? Я в загоне выстрелил в него пулей и попал; в доказательство у меня имеется клок медвежьей шерсти.

На это Иваницкий остроумно заметил заседателю:

– Да уж вам, полицейским, хоть клок шерсти – да подай сюда…

Выше я привел рассказ об одном дерзком медведе-разбойнике; теперь же я расскажу один случай, который будет говорить о медвежьей кротости, смирении и уме.

На Алтайских кабинетских золотых промыслах, вблизи Гурьевского железоплавильного завода, находилось подтаежное село Уруш, населенное крестьянами-землепашцами. Много лет тому назад здесь был кабинетский промысел, но потом образовалось большое село.

Однажды я проезжал через это село. Зашел я там в дом одного зажиточного крестьянина по фамилии Рубцов, ранее, при проездах моих через это село, всегда возившего меня на своих хороших лошадях. Помню, зашел я в дом Рубцова и спрашиваю его домашних:

– Дома хозяин-то?

– Дома, – отвечают, – лежит вон в горнице.

– Почему лежит?

– Да медведь изувечил.

Стал я расспрашивать, как это вышло, и мне рассказали следующую оригинальную историю.

Недалеко от села Уруш находилась поскотина, то есть место, отведенное для пастьбы скота. Появилась на этой поскотине медведица и мирно прожила здесь все лето. Она не задавила ни одного животного, паслась вместе со скотом, и последний привык к ней. Деревенские жители, отправляясь на покос или пашню или возвращаясь оттуда, нередко проезжали вблизи этой оригинальной медведицы совершенно спокойно: лошади крестьян тоже настолько привыкли к ней, что совсем перестали ее бояться и смотрели на нее как на домашнее животное.

Пришла осень. Медведица устроила себе берлогу. Для этого она нашла в поскотине сухое место, выкопала в нем яму и в ноябре улеглась в эту яму на всю зиму – спать и сосать собственную лапу.

Казалось бы, такому небывалому явлению нужно было только удивляться и кротости такого страшного зверя только радоваться. Кому и чем мешала эта тихая и добродушная медведица?

А вышло так – люди оказались неразумными, хуже зверя. Собралась в селе компания охотников, четыре человека, которая и решила медведицу в ее берлоге убить. Вошел в эту компанию и Рубцов. Охотники сделали у берлоги все необходимые подготовительные работы: навозили лесу, обложили наружный выход из берлоги бревнами, оставив только небольшое отверстие, в которое зверь должен был высунуть голову, если бы охотники вынудили его бежать из берлоги. Если бы медведица показала голову, то последовал бы залп выстрелов в нее.

Сделав все эти приготовления, охотники начали травить медведицу, понуждая ее подойти к выходу из берлоги. Для этого они начали проталкивать в берлогу зажженную бересту и солому, но, сколько они ни старались вызвать зверя этими способами, ничего

поделать не могли: медведица не подавала никаких признаков своего присутствия в берлоге. Тогда охотники решили, что берлога пустая и что медведица ушла отсюда в другое место. Решив так, они с огорчением убрали от берлоги навезенный лес, и один из охотников, именно Рубцов, человек небольшого роста, изъявил свое желание слазить, любопытства ради, в берлогу и осмотреть ее устройство.

Сказано – сделано. Рубцов пролез по норе сажен 5, уткнулся в конец берлоги, потом стал подниматься на ноги и ощупывать берлогу руками – и как раз наткнулся рукою на спящую медведицу. Она на это только уркнула и осталась лежать на устроенных ею в норе полатях.

Любопытно, что полати эти были устроены зверем, очевидно, на тот случай, чтобы при раннем таянии снегов вешняя вода, попав в берлогу, не помешала бы зверю спать.

Обнаружив медведицу, Рубцов со страху заорал во все горло и стал пятиться назад; тогда охотники вытащили его из берлоги за ноги. Медведица продолжала спокойно лежать на своих полатях. Охотники, видя ее добродушие и не принимая поэтому особых мер предосторожности, стали снова выживать зверя из норы.

После долгих усилий охотникам удалось-таки заставить медведицу покинуть берлогу. Когда она выскочила наружу, то стоявший у норы Рубцов попятился назад и, запнувшись за жердь, упал на спину, вскинув ноги кверху. Выскочившая медведица, обозленная и выведенная из терпения жестокой травлей, схватила зубами ступню Рубцова и сильно стиснула ее. Охотники взялись за ружья, последовали выстрелы, и бедное миролюбивое животное было убито.

Эта история заставила меня глубоко задуматься. Я не знал, кому в данном случае надо было отдать преимущество в разуме и наклонности к миролюбию: людям или животному, так бессмысленно ими убитому…

К. И. ИВАНИЦКИЙ

Иван Матвеевич Иваницкий передал свою страсть к охоте и сыну своему Константину.

Вспоминаю, как однажды летом я приехал к Иваницким. Иван Матвеевич, встретив меня, первым делом с восторгом сообщил мне новость о том, что его сын Костя убил на днях марала, то есть изюбря; это был крупный самец, в котором было 10 пудов мяса.

Костя в это время был четырнадцатилетним реалистом; он приехал к родителям на каникулы. С этой юной своей поры он стал страстным охотником, получив впоследствии в этом отношении даже большую известность.

Прошли года – и Костя превратился в Константина Ивановича и стал затем также одним из крупных золотопромышленных деятелей в Сибири. Разумеется, это был деятель совершенно другого типа, чем его дедушка Цыбульский. Он был к тому же большим счастливцем и удачником.

После смерти Цыбульского его дела и имущество перешли к И. М. Иваницкому, а после смерти последнего – к его сыну Константину Ивановичу, который и стал, таким образом, обладателем крупного наследственного имущества. Это имущество заключалось в хорошо оборудованных золотых промыслах и небольшом наличном капитале.

К. И. Иваницкий был человек неглупый и мог хорошо вести свои дела. Во время его хозяйничанья на его наследственных золотых приисках ему всегда везло. Золота добывалось там по 20 пудов в лето, на 400 тысяч рублей; это означало, что, самое малое, Константину Ивановичу оставалось до 100 тысяч рублей чистой прибыли. Но благодаря широкому размаху жизни ему этих денег не хватало. Держал он для себя два дома в

обеих столицах: в Москве и Петербурге. В обоих этих городах он имел и свои скаковые конюшни.

В результате такого широкого образа жизни К. И. Иваницкий задолжал изрядную сумму денег Государственному банку. В это время ему удалось продать в Петербурге часть своих более благонадежных приисков Российскому золотопромышленному обществу, за миллион 800 тысяч рублей. Это обстоятельство дало Иваницкому возможность рассчитаться с банком и в то же время удержать за собою марку крупного золотопромышленника.

Сначала казалось, что с продажей его лучших приисков дело Иваницкого, как золотопромышленника, было похоронено, но счастье вновь вывезло его и сторицей вернуло ему потерянное. Это случилось так.

Какие-то охотники-крестьяне в Минусинском округе, охотясь на глухарей, наткнулись на рудное золото. Крестьяне, открывшие руду, мало что понимали в этом деле, но все же поехали к ближайшему известному им золотопромышленнику, Иваницкому. Они указали ему местонахождение руды и получили за это от него 3 тысячи рублей вознаграждения.

При обследовании оказалось, что рудное нахождение представляло собой какое-то неслыханное до сих пор в золотопромышленной практике напластование – это была не жила, не россыпь, а в несколько сажен земляная трещина в мягких породах, наполненная разрушенной колчеданистой золотой рудой. На вид эта руда напоминала собой железную охру. Ее легко было добывать с помощью кайлы.

Руда имела богатое содержание золота. Открытие ее вновь сказочно обогатило Иваницкого. Свой новый золотой промысел он назвал Ольгинским прииском. На этом прииске он без особых усилий и крупных затрат производил добычу руды, из коей извлекал по 20

и более пудов золота в лето. И так продолжалась эта добыча лет шесть или семь, вплоть до революции 1917 года.

Русская революция вынудила К. И. Иваницкого бежать в Маньчжурию, в Харбин, где он, как мой старый друг, поселился в моем доме. Сумел он вывезти с собой за границу до 30 фунтов золота в слитках и некоторое ценное имущество, в виде, главным образом, дорогих одежд, принадлежавших в свое время еще Цыбульскому и его жене. Среди таковых были две мужские шубы – одна на дорогом меху из камчатского бобра, другая на меху черно-бурой лисицы; затем два женских меха, соболий и черно-бурой лисицы, и другие ценные меховые вещи.

Живя у меня, он продал одну шубу, камчатского бобра, за 7 тысяч иен. Продавал он и остальные меховые вещи, но по какой цене, не знаю. Кроме сего, вывез с собой Константин Иванович на порядочную сумму и бриллиантов. Казалось, во всяком случае, безбедная беженская жизнь была ему обеспечена.

При оставлении им своей золотопромышленной резиденции в Чебаках им было закопано в землю около 6 пудов золота. Место, где было скрыто золото, находилось верстах в 20 от Чебаков; о нем знали только сам Иваницкий и его жена.

С этим золотым кладом им тоже посчастливилось. Какие-то советские агенты в Харбине уговорили Иваницких сдать спрятанное ими золото советскому правительству. Для этого Таисья Алексеевна, жена Иваницкого, женщина весьма энергичная, по уговору с советскими агентами, съездила в Сибирь, в Чебаки (кажется, это произошло в 1930 году, точной даты не помню). Там по ее указанию золото было выкопано и сдано представителям советской власти. Эта операция дала Иваницким такие финансовые результаты: по

возвращении Таисьи Алексеевны в Харбин она получила здесь половину обусловленной с советскими агентами цены, именно 50 тысяч иен, а вторая половина была уплачена в Томске сестрам Иваницкого.

Казалось, что и тут счастье все еще не покидало Константина Ивановича.

За последние годы его жизни на чужбине это счастье, однако, стало изменять ему. Как-то известный харбинский вор основательно обчистил его квартиру, и многие ценные вещи его безвозвратно исчезли. Полученные за выдачу золотого клада в Сибири деньги не принесли Иваницким благополучия. Они стали раздавать эти деньги под проценты, и очень неудачно: дали 20 тысяч иен известному сибирскому коммерсанту Винокурову, и эти деньги пропали; 10 тысяч иен дали под дом, по второй закладной, коммерсанту Агееву – эти деньги тоже пропали. И вскоре дела Иваницких сложились в Харбине так, что они остались почти без всяких средств.

Хочу упомянуть здесь, что Константин Иванович не изменил своей охотничьей страсти до самой смерти. В прошлом году, глубокой осенью, он охотился на кабанов и изюбрей в районе станции Варим, под Хинганом. На этой охоте он схватил жестокую простуду, которая и закончила его земное существование.

Покойный Константин Иванович как-то сообщил мне, что за всю свою жизнь он убил 83 медведя. Быть может, многие подумают, что он, как профессиональный охотник, несколько преувеличил свои охотничьи трофеи, но я лично вполне допускаю правильность и точность его сообщения.

М. Д. БУТИН

Хочу познакомить моих читателей еще с одним крупным сибирским самородком – Михаилом Дмитриевичем Бутиным, известным сибирским торгово-промышленником, деятелем моего времени. Этот деятель был более крупного масштаба и более прогрессивного направления, чем Цыбульский.

Внешность Бутина выдавала его азиатское происхождение. Родом он был из Нерчинского округа Забайкальской области, и, кажется, его предки принадлежали к тем тунгусам, которые вели свое происхождение от известного князя Гантимура, добровольно перешедшего еще в XVII веке из китайского подданства в русское. От этого Гантимура пошел потом род князей Гантимуровых и некоторые другие роды Забайкалья.

Родословной Бутина я в подробностях не знаю. Не осведомлен я и о том, с чего он начал свою деятельность.

Познакомился я с Михаилом Дмитриевичем в Иркутске, в 1880 году. Я вел тогда с ним переговоры о продаже ему спирта с моего винокуренного завода, находившегося в Мариинском округе. Бутин вел в то время большую водочную торговлю в Иркутской губернии и Забайкальской области. Тогда это был еще сравнительно нестарый человек, приблизительно лет сорока – пятидесяти, и считался он одним из крупных торговых деятелей Иркутско-Забайкальского края. У него было два больших винокуренных завода: один, Александровский, находился под Иркутском, по Ангарскому тракту; другой, Борщевский, – около города Нерчинска.

Кроме сего, он оборудовал в крупных размерах железоделательный завод, называвшийся Николаевским.

Этот завод находился по реке Ангаре, верстах в 300 от Иркутска; на нем выделывалось разное сортовое железо.

М. Д. Бутин был и крупным золотопромышленником и разрабатывал Дарасунские золотые промыслы, находившиеся в 50 верстах от Нерчинска. На его промыслах сдельно работали по вскрытию торфов местные крестьяне со своими лошадьми; на летние работы ему, кроме того, приводили с нерчинской каторги человек до 500 каторжан. Последние работали под охраной воинских частей и получали на руки за свою работу грошовую плату; большая же часть их заработка шла на их содержание. И все же каторжане считали за счастье попасть на эти приисковые работы, получая здесь возможность приобрести на заработанные деньги кое-что необходимое для себя; да и, помимо этого, самая трудовая жизнь на приисках казалась им более содержательной и приятной, чем прозябание в каторжных тюрьмах.

О жизни этих каторжан на бутинских приисках мне много рассказывал бывший их смотритель, казачий офицер Яков Львович Большаков, живший в моем доме в Сретенске. Он, видимо, сочувственно относился к каторжанам и ознакомил меня со многими интересными эпизодами из их жизни, аттестовавшими их с хорошей стороны.

Бутин на своих Дарасунских золотых промыслах не ставил своей исключительной целью достижение крупного заработка. Его интересовали и другие задачи: он старался вводить в работу своих приисков все горно-технические усовершенствования и новинки, выписывая все это из-за границы; я имею в виду рельсовые пути, самоопрокидывающиеся железные вагонетки, цепные самотаски и пр. За неимением тогда в Сибири железнодорожных путей все это доставлялось на место

из-за границы с большим трудом и с затратой значительных средств, но Бутин, этот выдающийся сибирский самородок, находил для себя возможным преодолевать все эти препятствия, будучи заинтересован техникой дела и даже пропагандой этой техники в Сибири.

По прошествии двадцати лет Дарасунские золотые промыслы перешли в мою собственность. Из некоторых старых конторских материалов и от двух прежних служащих Бутина я узнал, что за все время разработки рассыпного золота на названных промыслах М. Д. Бутиным было добыто около 2 тысяч пудов драгоценного металла, но прибыли от этой добычи почти не было: все уходило на введение и применение разных новшеств. Я говорил до сих пор о промышленной деятельности Бутина, но теперь хочу засвидетельствовать, что он был и выдающимся коммерсантом, гремевшим на все Забайкалье. У него не было ни лавок, ни магазинов, а он брал от местных купцов заказы на покупку московских товаров. Покупал он разные товары большими партиями в Москве, по заказу от всех купцов, на миллионы рублей. Он был для Москвы весьма интересным и желанным покупателем, поэтому москвичи продавали ему товар с большой охотой, в кредит, на срок от девяти до двенадцати месяцев.

Бутин доставлял эти товары в Забайкалье и передавал их заказчикам за наличные деньги или под векселя, с учетом за счет покупателей, и векселя представлял к учету в Государственный или Сибирский банк; все вырученные миллионы рублей он пускал в оборот по своим личным заводским и золотопромышленным предприятиям, около которых кормились тысячи людей.

В таком роде Бутин продолжал свою энергичную деятельность многие годы, пока один печальный

случай не подорвал его торгового благосостояния. Случай этот заключался в следующем.

Закупив как-то товар в Москве, он отправил его на Амур, пользуясь пароходом Добровольного флота. Такая морская отправка товаров практиковалась им и ранее. В этот раз пароход с товаром затонул в пути – вот тут-то и получилась для него катастрофа. Купцы-заказчики остались без товара; однако выданных Бутину вперед денег и векселей они не потеряли, получив за погибшие товары страховку; денег же вновь под товары Бутину не дали. Поэтому ему рассчитаться с Москвой было нечем. Пришлось ему объявить себя несостоятельным должником на 7 миллионов рублей.

По добровольному соглашению с Москвой была учреждена администрация по делам Бутина. Не знаю, по чьему указанию во главе администрации был поставлен молодой юрист, незнакомый с коммерческими делами, – это был Петр Федорович Горданский, сын одного канского купца, хорошо мне знакомого. Видимо, этот юрист и Бутин во взглядах на дела разошлись, и отсюда начался полный развал во всех остававшихся у Бутина промышленных делах. В течение двух лет этот развал завершился; все дела были остановлены, и Бутин выехал в Петербург, откуда в течение восемнадцати лет не возвращался в Сибирь, ведя судебный процесс со своими кредиторами-москвичами.

Подробностей этого процесса я не знаю, но в результате его Бутин снова сделался единственным обладателем всего своего имущества в Сибири и поселился в Иркутске, где, недалеко от городского театра, построил себе барский особняк.

М. Д. Бутин скончался до наступления русской революции. Не имея детей, он завещал часть своих средств на дела благотворительности. Мне как-то в Иркутске передавали, что жена Бутина, постоянно жившая

в Петербурге, после смерти мужа приезжала в Иркутск и здесь своим добрым знакомым жаловалась по поводу того, что ее скончавшийся супруг оставил ей, по завещанию, всего только 100 тысяч рублей.

Вспоминая теперь жизнь М. Д. Бутина, я должен сказать: да, этот потомок князя Гантимура умел работать, умел и пожить в свое удовольствие, и притом пожить красиво.

В маленьком городе Нерчинске он примерно еще в 70-х годах прошлого столетия, построил себе большой барский каменный дом, похожий на замок; дом этот окружала большая усадьба с садом и оранжереей. Внутри он был так прекрасно обставлен, что любой барин-аристократ мог бы позавидовать этому. В комнатах его замка висело много отличных картин, нередко оригинальных, принадлежавших кисти известных художников. Танцевальный зал бутинского дома украшало огромное, во всю стену, зеркало, размером, кажется, в 9 квадратных сажен, доставленное в Нерчинск из Парижа. Многие приходили посмотреть на это зеркало, как на редкость, привезенную из-за границы. В танцевальном зале были устроены хоры для музыкантов: при доме содержался довольно приличный оркестр музыки.

Проездом через Нерчинск в доме Бутина останавливался наследник цесаревич, будущий император Николай II, во время его путешествия по Сибири в 1891 году. Разумеется, по тому времени дому Бутина была оказана этим высоким посещением большая честь.

Не забывал Михаил Дмитриевич и при жизни своей дел благотворительности, уделяя большое внимание просвещению русского юношества. Он выстроил в Нерчинске за свой счет прекрасное здание реального училища, которому помогал затем и денежными средствами.

В. Н. МИЧКОВ

Не смогу я умолчать в своих воспоминаниях и еще об одном русском самородке, проявившем свою деятельность в Харбине и Владивостоке, – Василии Николаевиче Мичкове.

Сын бедного уральского кузнеца, Мичков с юных лет проявил способность ковать свое житейское благополучие, будучи от природы одарен недюжинным умом, выдающейся энергией и здоровой физической комплекцией.

Находясь еще на Урале, он выказал свою сообразительность и расчетливость, помогая в делах своему отцу, причем не ограничил себя только кузнечной работой, а устроил мастерскую по выработке незатейливых городских экипажей, приспособленных к местным условиям. Этим предприятием он значительно улучшил свое положение и стал считаться мастером.

Решив попытать счастья в чужих краях, Мичков в 1889 году уехал на неизвестный ему Дальний Восток, в город Владивосток. Здесь, на Дальнем Востоке, он в скором времени оказался в первой партии русских рабочих, начавших работать по постройке Китайско-Восточной железной дороги, под руководством инженера князя Степана Николаевича Хилкова. На этой новой своей работе Мичков был на хорошем счету, как сметливый и незаменимый мастер.

Проработал он на постройке дороги год или два, точно не знаю. Заработав приличную сумму денег, он оставил службу по постройке, поселился в Харбине и здесь в центре города выстроил приличные европейские торговые бани. Это предприятие Мичкова начало работать без конкуренции; нужда в банях была тогда в Харбине большая. Быстро заработав на этом деле хорошие деньги, наш энергичный предприниматель ре-

шил соорудить в Харбине солидную электрическую станцию, для освещения торгового участка города, пристани, тогда находившейся еще в стадии усиленной стройки. Для сооружения станции Мичков заказал в Германии все нужные машины, делая все своим собственным разумением. Построенная им станция стала работать с большим материальным успехом.

В центральных районах Харбина Мичков приобрел ряд земельных участков; на одном из них он построил большой каменный дом, по заказу харбинского муниципалитета; в этом доме им, опять-таки по собственному соображению и разуму, был установлен лифт. Выстроенный дом был сдан в аренду муниципалитету за хорошую плату.

Этим энергия уральского самородка не ограничилась. Мичков задумал одно большое предприятие, в которое вовлек и меня. По его инициативе мы приобрели во Владивостоке крупное имущество, принадлежавшее итальянцу Джибелло Сокко, строителю тоннелей на Китайско-Восточной железной дороге; вблизи этого имущества мы скупили еще три домика для сноса. Купленное нами имущество находилось рядом с портом, в местности, которая называлась Гнилой Угол. Мы имели намерение создать во Владивостоке крупное заводско-фабричное предприятие для обслуживания культурных нужд города и области.

Вот все такие дела создавал совершенно неграмотный сын кузнеца, Василий Николаевич Мичков. Дать бы этому человеку в свое время надлежащее техническое образование – из него получилась бы солидная инженерная сила.

В. Н. Мичков имел двух взрослых сыновей, которые получили техническое образование в Германии, – один по механической части, другой по кожевенному производству. Но, как оказалось потом, наука мало помогла

сыновьям Мичкова: природа не наделила их теми редкими качествами, какими обладал их отец.

Много бывало на Руси ранее выдающихся самородков; будут они, конечно, и в дальнейшем времени. Вот почему можно надеяться, что наш многомиллионный русский народ не погибнет. Тяжелые для него революционные испытания разбудят его от пассивной жизни; в нем проснутся его былые великие силы, временно придавленные теперь. В будущем Россия займет среди других европейских государств более выдающееся положение, чем то было ранее, до революции. Русским гениям, талантам и самородкам будет дан полный простор, и народ проявит большую самодеятельность по созданию прочного уклада жизни в великом русском национальном государстве…

ИЗ ДОРОЖНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

По делам моим, разбросанным по всей Сибири, от Новониколаевска до Владивостока, мне приходилось много разъезжать по железным дорогам, вообще проводить немало времени в пути. По этим же делам приходилось раза два-три в год бывать мне в Петербурге.

В этих моих поездках случалось мне наблюдать порой весьма интересные сценки.

Вспоминается мне революционный 1917 год. Ехал я экспрессным поездом в Петроград. В этом же поезде, в одиночном купе рядом со мной, революционеры везли в столицу арестованного в Хабаровске Н. Л. Гондатти, бывшего приамурского генерал-губернатора. Сановника охранял конвой из трех солдат, которые по отношению к арестованному вели себя дерзко и бесцеремонно. Когда Гондатти выходил в коридор вагона или в столовую, то нередко в его купе появлялся солдат из его охраны и без всякого стеснения ложился на его постель прямо в сапогах.

Вот так судьба насмехалась над человеком, только что стоявшим у вершин власти… Еще не так давно я видел Гондатти в его служебном блестящем вагоне-салоне, а теперь его арестованным везли в Петроград, и он не знал, какая еще участь могла ждать его впереди.

Недавно мне пришлось встретиться с Гондатти в Харбине. Внешний облик Николая Львовича сильно изменился. Белая борода и длинные, тоже белые волосы на голове делали его маленьким, и неизвестно куда исчезла былая его генерал-губернаторская осанка. Но должен сознаться, к чести Николая Львовича, что о нем у меня сохранилось впечатление как о замечательно работоспособном и энергичном чиновнике и умном, практичном человеке, быстро схватывающем нужные мнения и умеющем в них разбираться. Такое впечатление о нем

создалось у меня на основании нашей совместной работы в Красном Кресте и других общественных организациях…

В том экспрессном поезде, где я, по дороге в Петроград, встретил арестованного Гондатти, ехал мой хороший знакомый, военный юрист, уралец Сунцев с шестью казаками. Они ехали в столицу для участия в работах какого-то социалистического собрания. Около них все время увивались двое юношей. Видимо, они старались изо всех сил подготовить казаков к тому, как они должны будут держать себя в столице – в революционном смысле, конечно.

Бывало, в коридоре вагона сходилось со всей этой компанией еще несколько человек, и начинались политические дебаты. Кто-нибудь из пассажиров задавал иногда юношам, ехавшим с казаками, весьма серьезные вопросы, и те становились в тупик, по существу ответить ничего не могли, злились и, убегая, говорили:

– Вам, верно, Николая надо!

Вот, кажется, на вид такие несерьезные мальчики, а ведь могли же разложить такое могучее государство, каким была всем изобильная и богатая Россия.

Почему так случилось?

Может быть, потому, что население, в своей массе, не понимало своих гражданских обязанностей, своего долга перед родиной. Гражданские чувства в народе могли бы воспитать наши школы, но они, влача самое жалкое существование, сделать этого не смогли.

О ТРЕХ ТОРЖЕСТВАХ

В моих поездках по Европе и Европейской России мне приходилось иной порой наблюдать грандиозные народные торжества. Хочется вспомнить некоторые из них и сказать по поводу них несколько слов.

В Берлине я наблюдал торжества по случаю 25-летия вступления на престол императора Вильгельма. Помню, сотни тысяч людей наполняли главные улицы столицы и двигались, как волны морские. Шумно, с величайшим энтузиазмом, немцы приветствовали императора, который выходил на балкон своего дворца, улыбался и раскланивался.

Было в этом торжестве много радости и ликования; было, я думаю, радостно и светло и в душе самого императора, сумевшего поднять свой народ на такую большую высоту.

Казалось тогда, никакое неблагополучие не могло угрожать в будущем ни императору Германии, ни его народу. Но судьба распорядилась по-своему, и через некоторый промежуток времени император Вильгельм оказался изгнанником из своей страны.

Великая война 1914–1918 годов принесла пагубу и несчастье не только Германии, но и всему миру. Несмотря на это, она никого и ничему не научила: мир напряженно готовится к новой войне, которая может стать всемирной катастрофой…

Скажу несколько слов о втором, более величавом и торжественном однородном зрелище, каковое мне случилось видеть, – это празднование 25-летия царствования английского короля Георга V. Празднование это происходило 6 мая 1935 года.

Я приехал из Парижа в Лондон дней за пять до юбилейного торжества, и мне удалось увидеть всю подготовку к этому торжеству в столице Англии.

Остановился я здесь в хорошем отеле на одной из главных улиц Лондона, против парка Пикадилли, недалеко от королевского дворца. За пять дней мне пришлось много поездить по Лондону, и я всюду, не исключая и окраин города, видел, с каким единодушием многомиллионное население Лондона готовилось торжественно отпраздновать юбилейный праздник своего короля. Ни один дом и ни один домик не остался не украшенным зеленью, цветами и национальными флагами, и все это делалось населением с полной любовью и удовольствием, а отнюдь не по принуждению: народ проявлял свою любовь и преданность к обожаемому монарху.

Главные улицы Лондона, где должен был проезжать король с многочисленной свитой, были украшены особенно пышно и богато.

В день юбилея король и его свита ехали по этим улицам в автомобилях, тихим ходом; некоторые из лиц свиты проезжали верхами на лошадях. Миллионы человек толпились на тротуарах, но никто никому не мешал, и всем ясно было видно королевское шествие. Никакой полиции в массе народа не было видно. Королевские автомобили сопровождала конная охрана. В таком виде королевская процессия продвигалась по улицам города несколько миль и на своем пути была засыпаема цветами.

Примечательно было то, что все эти миллионы людей соблюдали при королевском шествии почтительную тишину.

Вдоль улиц, где проходила процессия, по обеим сторонам был установлен выше уровня улиц десяток рядов кресел, кои сдавались зрителям за плату. В центральных улицах плата за кресло взималась от 5 до 25 фунтов, и весь этот приблизительно миллион кресел был разобран. С этих мест публика могла ясно рассмотреть короля, королеву и всю их свиту во время их продвижения по городу.

Нам с сыном в Лондоне в этом отношении повезло. Ввиду того обстоятельства, что наш отель находился на улице, где началось королевское шествие, нам не пришлось покупать билетов. Все зрелище нам было хорошо видно из окон и с балкона гостиницы.

В описанном мной юбилейном торжестве английская нация достаточно ярко проявила всю присущую ей сплоченность, каковая является ее настоящей силой и послужит ей еще и в будущем.

Лондон понравился мне более чем другие города Европы. В нем импонировали мне фундаментальность его строений и всей его структуры; это солидный город, который не заботится о своей показной стороне и мелочных архитектурных украшениях.

Третье торжество, которое запечатлелась в памяти у меня до гроба моей жизни, – это было великое духовное торжество, связанное с освящением русского православного собора в Варшаве. Я ездил туда из Петрограда специально только для того, чтобы посмотреть на это величественное зрелище.

На освящение собора приехали великий князь Сергей Александрович, бывший тогда московским генерал-губернатором, и сотни духовных лиц, начиная с митрополита Макария.

Память о чудном русском храме, возведенном в Варшаве, крепко запечатлелось в моем сознании. Особенно запомнилась мне внутренняя живопись храма; я часто вспоминал об этой живописи потом в Харбине еще и по следующей причине. Будучи в Варшаве на освящении собора, я купил книжечку с рисунками, изображавшими иконы этого собора, и затем отослал эту книжечку в Харбин, своему приятелю Илье Федоровичу Чистякову, высоконабожному человеку. Он как раз в это время реставрировал в Харбине свой Софийский храм, и ему посланные мной рисунки и

изображения икон так понравились, что он пригласил хороших художников и у себя в храме скопировал эти изображения. Глядя потом на них, я непременно вспоминал чудную роспись Варшавского собора.

Как известно, впоследствии этот собор был разрушен и уничтожен поляками. В этом разрушении погибла и та живопись собора, над которой годами работали лучшие русские художники.

Зачем был проделан этот акт жестокого разрушения, трудно понять и осмыслить. Если бы католики оставили в целости русский собор в Варшаве и переделали его в костел, то многие здравомыслящие православные христиане все же, с чувством благоговения, могли бы зайти в этот храм и там вознести свои моления Богу Отцу, Его Сыну, Иисусу Христу, Святому Духу и Матери Божией. В русских славянских сердцах не осталось бы желчной горечи и обиды на польский народ за уничтожение прекрасной русской святыни.

Полякам не к чему создавать среди русских возмущение против себя, тем более что Россия, по моим понятиям, должна, естественно, всеми силами охранять тридцатимиллионный польский народ от захвата его другими сильными государствами. России незачем захватывать Польшу и лишать ее независимости, ибо в России и без того земли много и в этой земле таятся великие богатства.

Надо просить Бога, чтобы Он помог нам наладить наш государственный строй и оберег нашу родину от таких беспочвенных самостийников, каковыми являются, например, малороссы или сибиряки.

Наша русская неурядица уладится своим внутренним путем без всякого внешнего вмешательства. Заблудившиеся русские люди, называемые коммунистами, вымрут естественным путем; коммунизм будет изжит, и люди поймут, что коммунистическое учение противо-

речит самой природе человека, которая не склонна к равенству. Каждому человеку свойственно бороться за свое лучшее существование – это неопровержимая истина; иначе не будет цели жизни.

КАНАДСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Достаточно я попутешествовал за последние годы и по Канаде, особенно по южному тихоокеанскому побережью этой страны, побывал в городе Ванкувере и его окрестностях. Канада тоже напоминает мне несколько мою родину, Сибирь: та же тайга – непроходимые дремучие леса, те же климатические условия. Это в общих чертах. В частности, в районе названного выше побережья имеются свои климатические особенности; здесь благодаря близости моря существует значительная влажность, бывает много дождей, туманов. Эта влажность мной, как сибиряком-северянином, привыкшим к сухому континентальному климату, очень сильно ощущалась и неблагоприятно отражалась на моем настроении.

В Ванкувере, портовом городе, я не наблюдал большой активной работы; возможно, мне не представилось случая к тому.

Что заслуживает здесь особого внимания, так это замечательный загородный парк Ванкувера. Это большой парк, расположенный на высоком холме, вокруг которого проходит хорошая автомобильная дорога. Эта дорога идет среди величественного леса и культурно обработанных площадей, на коих ласкают глаз путника всевозможные цветы. В середине парка тоже находится дремучий лес, в своем диком первобытном состоянии. Всякий горожанин, побывавший в этом лесу, уносил с собой представление о настоящей дикой природе.

Высокий холм парка окружал с одной стороны крутой подковой морской залив, каковое обстоятельство придавало парку особую красоту. Вид с холма бывал восхитительный, в особенности вечером, когда можно наблюдать с него город и его населенные окрестности.

В районе Ванкувера расселилось много русских эмигрантов, среди которых найдется немало лиц, знакомых харбинцам и тяньцзиньцам. Некоторых из них я посетил, и не один раз; видел их фермы: куриные, молочные, смешанные. В первые мои посещения дела русских фермеров шли недурно, они хорошо зарабатывали и расширяли свои предприятия.

За самое последнее время разразившаяся повсюду общемировая депрессия отразилась весьма пагубно и на хозяйствах этих русских фермеров – много сильнее, чем в соседних Соединенных Штатах, – и разорила их: цены на молоко, яйца, кур снизились более чем наполовину по сравнению с ценами, бывшими до депрессии. Некоторые из русских фермеров побросали здесь свои домики и разделанные усадьбы, все свое с таким трудом налаженное хозяйство, и перебрались в город Ванкувер, перенося тяжелые материальные лишения.

В числе таких русских оказались здесь мои знакомые: Николай Иванович Зотов, генерал Митрофанов, Никандр Алексеевич Дуров, Андрей Алексеевич Балакшин, Иосиф Константинович Окулич, Владимир Иванович Александров. Последний разорился вдребезги.

Я знал Александрова еще по Харбину. Это был выдающийся адвокат, хороший оратор; в начальные революционные годы он состоял в Харбине председателем Дальневосточного комитета.

Окончил он свое существование в Канаде весьма трагически. Как-то ночью он купил в Ванкувере билет на пароход, отходивший на остров Виктория, всего в двух часах езды от порта; на пароходе его видели некоторое время, потом он исчез – значит, нервы не выдержали, и бросился он в море, не будучи в состоянии смириться с той тяжелой жизнью, которая ожидала его впереди. Еще накануне этой катастрофы, находясь в Ванкувере, Александров написал мне письмо с просьбой об одном лично его касающемся деле…

БЫСТРЫЙ РОСТ САН-ФРАНЦИСКО

Мои наблюдения показывают, что ни один город в Европе и Америке не расцветает так быстро и богато, как Сан-Франциско. Восемнадцать лет тому назад, когда я в первый раз посетил Сан-Франциско, этот город не представлял ровно ничего интересного, сравнительно с другими городами Калифорнии. Это был, правда, большой, но серенький тихоокеанский порт.

За последние же годы Сан-Франциско стал неузнаваем. Около него выросли целые города, весьма красивого вида. В самой столице Калифорнии были построены сотни огромных зданий, в особенности в районе Президиума, с видом на океан. Берег залива здесь был еще не так давно совершенно пустынен мили на две, напоминая свалочное место; в данное же время он застроился великолепными домами, и жизнь на нем закипела, как и в центре.

В окрестностях Сан-Франциско, ранее пустынных, вы теперь повсюду встретите красиво построенные большие пригороды, украшенные садами, полными цветов и разных фруктовых и декоративных насаждений.

Не забыть мне знаменитого залива в Сан-Франциско, с его Золотыми Воротами и примыкающим к нему трехмильным парком Голден-Гейм. С этим парком, по его красоте, не может сравниться ни один городской парк во всей Америке. Особенно красив и наряден стал названный залив не так давно, когда он украсился двумя подвесными мостами, стоившими сотни миллионов долларов и представляющими собой сооружения, небывалые до сих пор в истории техники. Эти мосты переброшены через весь залив и связывают Сан-Франциско с Оклендом и Беркли. Окленд – это промышленный город, имеющий население 300 тысяч

человек. Беркли – город поменьше, в нем 100 тысяч жителей; он славится красотой своего расположения и, помимо этого, известен своим университетом, который называется Калифорнийским. В этом университете обучается до 12 тысяч студентов; при нем имеется футбольная площадка, рассчитанная на 60 тысяч зрителей, и театр греческого типа на 12 тысяч человек.

ФОРТ РОСС

Что меня особенно привлекает в американском народе, это его любовное и внимательное отношение к памятникам старины.

Милях в 60 от Сан-Франциско впадает в Тихий океан небольшая речка, протекающая среди весьма живописной природы. Речку эту американцы называют Рошан-Ривер, то есть Русская река. Такое название эта река получила потому, что когда-то, около ста тридцати лет тому назад, возле устья ее было построено русскими небольшое деревянное укрепление, получившее в Америке название форт Росс.

Это произошло тогда, когда русские еще владели в Северной Америке Аляской. Отсюда в 1811 или в 1812 году был послан русскими отряд в несколько сот человек на юг, вдоль тихоокеанского побережья. Этот отряд достиг Калифорнии и, высадившись у устья Русской реки, построил здесь форт. В то время на названном побережье господствовали испанские миссионеры, которые косо посмотрели на русских пришельцев, но удалить с форта Росс русский флаг не смогли.

Форт этот дорог русским как памятник былой русской предприимчивости; американцы же приложили усилия к сохранению и реставрированию форта Росс как интересного памятника старины. В форте сохраняется теперь в полном порядке русская церковь, реставрированная американцами, без всяких изменений, в прежнем виде. В церкви находятся иконы, которые были завезены сюда еще самими основателями форта. Около церкви сохранились и другие русские бревенчатые строения, из коих некоторые нуждаются еще в реставрации или, по крайней мере, в ремонте. Усадьба форта была обнесена тесовым стоячим тыном. Этот тын приведен в настоящее время в полную исправ-

ность. Для охраны форта Росс американские власти поставили сторожа, которому платят жалованье.

Каждый год в Ильин день, 20 июля по старому стилю, в форт Росс приезжает из Сан-Франциско русский священник, с причтом и певчими, и совершает здесь, в старой русской церкви, богослужение. На это церковное торжество съезжаются русские как из Сан-Франциско, так и с курорта Русской реки.

Я посещал это торжество три года подряд и, скажу откровенно, испытывал каждый раз какой-то особенный радостный подъем духа от пребывания в церкви – памятнике и русской и американской истории вместе…

От летнего курорта, расположенного на Русской реке, до устья этой реки, где находится форт Росс, расстояние не превышает 15 миль. Прогулка по берегу реки, по хорошей дороге, среди весьма живописной природы, каковую украшают стройные великаны-деревья, доставляет большое удовольствие. Кстати сказать, дождей здесь бояться нечего. За все шесть летних месяцев не бывает ни одного дождя, светит каждый день яркое солнце, но такой знойной и мучительной жары, как в Китае, совсем не бывает.

От Сан-Франциско на курорт Русской реки ходят автомобили, омнибусы; имеется и специальная железнодорожная ветка, по которой поезда ходят два раза в сутки.

ИЗ ИТОГОВ МОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

После описанного мной выше боксерского восстания 1900 года дела мои, материальные и финансовые, постепенно совершенно поправились, а с переселением моим с семьей в Харбин и открытием нашего мукомольного дела пошли так блестяще, что большего и желать было нельзя. За годы 1902–1917, то есть ровно за пятнадцать лет нормальной, спокойной, энергичной и усиленной работы в Китае и Сибири, организованное мной мукомольное предприятие выросло, по своему производству, в миллионное дело.

Я лично уделял этому делу немало забот и внимания, стараясь, чтобы оно шло своим нормальным руслом, прогрессивно развивалось в экономическом и техническом отношениях и не отставало от современной техники производства.

Многие из моих мельниц остались в Советском Союзе и, значит, потеряны мной. Кроме мельниц, осталось еще по городам Сибири много другого моего имущества, например: в Иркутске большой пивоваренный завод на берегу реки Ангары, стоивший мне 300 тысяч золотых рублей; в Чите – три дома на Базарной площади, стоившие 400 тысяч рублей (один дом – бывший пассаж Второва и бывшие дома Короткова); в Сретенске – большое имущество; в Никольск-Уссурийске и Владивостоке – четыре дома; один из них до революции занимал американский Союз христианской молодежи и платил мне годовую аренду в сумме 6 тысяч американских долларов. Кроме сего, в Забайкалье я оставил богатые Дарасунские золотые прииска.

Сожаления обо всех этих потерях в моем сознании не осталось: никакого впечатления на меня эти потери не произвели. Как будто я все это во сне видел.

А вот то, что происходило в юношеские и молодые мои годы, запечатлелось и сохранилось ясно в моей памяти до старости.

Вспоминаются мне часто те тяжелые для меня годы, когда я после смерти моего отца остался семнадцатилетним хозяином, один, без всякой поддержки. Памятны мне и неудачные опыты моей ранней золотопромышленной деятельности.

Впечатления моей молодости очень часто тревожат меня во сне. Снится мне – нахожусь я на каком-то прииске; по смете недополучено столько-то пудов золота. Намытого металла не хватает для расчета с приисковыми рабочими и служащими, а тут еще предстоят платежи за товары и продукты, взятые в кредит у купцов. Платить нечем. Стыдно – люди скажут: сынок размотал отцовское состояние. Деться от этого стыда некуда… Просыпаешься – и сразу еще не можешь себе уяснить, что все это происходило во сне. Через одну-две минуты прихожу в полное сознание, крещусь, благодарю Бога за то, что это был только сон, и испытываю невольное чувство радости…

Да, со времени революции я многое потерял на своей родине, в России, но, повторяю, потерянного мне ничуть не жалко, и я был бы даже очень рад, если бы все это потерянное мной имущество пошло действительно на пользу трудящегося русского народа. Если бы это было так, я благословил бы свою судьбу за то, что я недаром прожил свою жизнь, а что-то и полезное сделал для других.

Разумеется, на это мне скажут: экий благодетель нашелся – отобрали у него имущество, так он и бравирует своей добротою.

В ограждение себя от этого возможного упрека скажу, что я распоряжаюсь щедро не только насильно отобранным у меня имуществом, но и настоящими

свободными моими сбережениями, благодаря Богу оставшимися у меня в Китае. Это не простое хвастовство с моей стороны. Хвастовства я не люблю и всеми мерами его избегаю, это знает и вся русская эмиграция в Китае; но сейчас, по причине старческих моих восьмидесяти лет, я разрешу себе излишнюю болтливость, в чем и попрошу моих читателей извинить меня.

За те тридцать шесть лет, что я живу в Китае, я никогда и нигде, по силам моим и личному разумению, жертвовать на дела благотворительности не отказывался, а шел всегда первым в этом отношении. Взять хотя бы мои харбинские дела: я от прибылей по этим делам ежегодно отчислял на дела благотворительности от 15 до 20 процентов. За последние пятнадцать лет только по моей харбинской конторе было отчислено более 150 тысяч золотых рублей или иен на благотворительные нужды, чего не сделала ни одна харбинская фирма, даже и с большими оборотами, чем это было у меня. Я уж не считаю моих личных единовременных затрат, в сумме десятков тысяч рублей, на русские общественные начинания в Китае: церкви, школы, больницы.

Кроме этого мной основан в Америке капитал в сумме 250 тысяч американских долларов, предназначенный мной специально для обслуживания учебных заведений в родном мне сибирском городе Красноярске. В данное время с этою капитала получается процентов до 8 тысяч долларов в год. Эти процентные деньги все идут на благотворительность. В одну Францию, где имеется так много русских учебных заведений, ежегодно посылается мной пособие школам в сумме до 60 тысяч франков; посылаются также пособия и в другие страны.

Я – один из тех очень немногих русских эмигрантов, которые оказались за границей в таких исключительных условиях, что имеют возможность помогать

другим, и я весьма счастлив и рад, что не уклоняюсь от этой возможности и что основанный мной в Америке капитал поможет делу обучения и образования русской молодежи за границей. На старости моих лет меня удовлетворяет сознание того, что и я в жизни своей сделал кое-что полезное и нужное для других.

О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Позволю себе сказать несколько слов о русских, в рассеянии сущих.

Русские эмигранты, потерявшие свое отечество, основу нормальной человеческой жизни, или разочаровавшись в родине, могли ожидать найти за границей лишь тяжелое, суровое существование. Но на деле это оказалось совсем не так.

Живя долгие годы за границей, стоя близко к эмиграции и наблюдая за ее деятельностью в разных странах и за долгий период времени, я могу сказать теперь, что вовсе уж не так печально сложилась жизнь русских эмигрантов на чужбине, как это могло казаться с первого раза.

Конечно, приходилось на первых порах переживать жуткие моменты, и многих охватывало полное отчаяние, когда казалось, что нет никаких надежд на сносное существование. Но потом осмотрелись, приспособились и стали благословлять судьбу за то, что в это смутное время они не застряли в России и не испытали там мук голода и холода и, самое главное, ежечасного страха за свою жизнь – того страха, который испытали и все еще продолжают испытывать русские интеллигенты, оставшиеся в России. Все скорбные заботы и помыслы русских эмигрантов сосредоточились на тех близких и родных людях, что остались на родине, где они, голодные, оборванные, бездомные, постоянно дрожат за свою жизнь и влачат самое жалкое существование.

Конечно, эмигранты часто жалуются на свою участь, но надо помнить, что людям вообще свойственно жаловаться на судьбу и сетовать на то, что их жизнь сложилась не так, как они хотели. Это так было, есть и неизбежно будет.

За последние полтора десятка лет я жил год в Китае и год в Америке. В 1935 году я объехал все крупные города Европы и имел возможность познакомиться с условиями жизни русских эмигрантов в разных европейских странах. Я встречался с руководителями русской эмиграции в Европе: с В. А. Маклаковым и М. М. Федоровым, живущими в Париже, со многими русскими профессорами, представителями разных эмигрантских организаций. И из всех моих наблюдений я вывел заключение, что жизнь русской эмиграции сложилась не так плохо, как можно было этого ожидать.

Вся заграничная эмигрантская молодежь, без исключения, повсюду и везде получает надлежащее образование; и каждый молодой человек думает, надеется и рассчитывает только на свою трудовую работу.

Здесь, в Китае, русские эмигранты расселились в разных городах, главным образом в Тяньцзине и Шанхае, где сосредоточились преимущественно на иностранных концессиях. Тут они пользуются полными правами, наравне с другими европейцами, ведут нормально свои торговые и иные дела. Дети получают первоначальное образование дома или в русских школах, а дальнейшее – в иностранных колледжах. Изучив хорошо иностранные языки, главным образом английский, почти все, за редкими исключениями, устраиваются на службу в иностранные фирмы или агентами по продаже в Китае разных иностранных фабрикатов.

За последнее время в Китае, однако, русской эмиграции приходится переживать большие материальные затруднения благодаря охватившей весь мир депрессии. Много мешает ее экономической деятельности и неустойчивость местной валюты.

Что касается Америки, с которой я теперь близко соприкасаюсь, то я могу только порадоваться за наших русских эмигрантов здесь. Судьба забросила их в

благословенную, родственную русскому духу страну, где чувствуется простор и имеется свобода неограниченной деятельности. Приспособляйся к чему хочешь – пути всюду, во всех отраслях деятельности, открыты для тебя. Бери от жизни, что сумеешь взять. Правда, при тамошней конкуренции это не так просто сделать, как бывало раньше в России.

Все же русские люди оказались, в трудные минуты их жизни, вполне способными к устройству и приспособлению к тем новым жизненным условиям, которые они нашли в Америке. Все русские молодые люди, получив в Америке высшее образование, устраиваются, в виде правила, на соответствующую их знаниям работу, служат на железных дорогах, в муниципалитетах и т. д.

Во многих американских университетах имеются теперь русские профессора, нередко с большой научной известностью.

Немало среди русских в Америке найдется и таких деятелей, которые создали предприятия по своей специальности. Укажу на примеры этого. Бывший профессор Томского технологического института Павел Павлович Гудков в центре нефтяных месторождений в Америке, в большом городе Лос-Анджелесе, открыл контору по химическому исследованию нефтяных пород. Он работает уже несколько лет, с двумя русскими инженерами, обслуживая мелких нефтепромышленников-американцев.

Имеется и много других мелких русских предприятий. Некоторые из них были созданы даже бывшими военными; а ведь раньше в России нам казалось, что наши военные могут быть пригодны только к военной службе и ни к чему другому.

Я не буду уж распространяться об известной на весь мир деятельности в Америке нашего знаменитого соотечественника И. И. Сикорского, аэропланного инженера-конструктора.

МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Усилием памяти удалось мне восстановить мое прошлое. Как много все же прожито, как много лиц встречалось мне на моем жизненном пути. Сколько раз приходилось мне смотреть прямо в глаза смерти; сколько раз рушилась в самом начале терпеливо возводимая мной постройка моего материального благополучия и грозила сломить мою волю и похоронить под своими обломками всякое желание работать дальше. Но, верно, мне предназначен был судьбой другой удел.

Теперь уже все это осталось позади. Сейчас мне восемьдесят лет, у меня пятеро детей – четыре сына и дочь, два внука и три внучки. Немало еще лет пройдет, пока внучата смогут сознательно прочесть, что записано их дедом.

Дед их был человек без прихотей, простой и скромный. В обществе он был иногда застенчив – это, конечно, не недостаток, но и не является достоинством. Что же касается дела, работы – в этой области внукам не придется краснеть за своего деда. Везде, где этого требовали обстоятельства, он проявлял большую настойчивость, и никакие препятствия не могли заставить его уклониться от достижения намеченной им цели. Не всегда, разумеется, удавалось ему выходить победителем, но этому не была виной ни его небрежность, ни отсутствие настойчивости.

Давно-давно, когда я, еще юношей, водил партии на поиски золотоносных россыпей по малодоступным горным речкам сибирской тайги, случалось не раз попадать в весьма опасные положения, и никогда я в таких случаях не оставался позади, не посылал на опасность других вместо себя. Правда, часто в этих экскурсиях все опасности заканчивались только более или менее серьезными ушибами или ледяными ваннами в

водах шумливых горных речек; но ведь могло быть и гораздо хуже. Как бы то ни было, но и эти ледяные ванны не охладили во мне молодого золотоискательского пыла.

Уходит жизнь… И, оглядываясь на прошлое, задумываясь над всей моей протекшей разнообразной жизнью, я, как и многие другие люди, молодые и старые – старые чаще, – начинаю задавать себе вопрос: в чем смысл жизни? Вопрос, который извечно тревожил и привлекал человечество и на который не всегда найдешь нужный ответ.

Мои родители были оба людьми глубоко верующими и старались в нас, детях, воспитать религиозные чувства. Когда нам было семь-восемь лет, нас уже возили к пасхальной заутрене и в праздники будили рано утром, чтобы отправить в церковь к обедне. Конечно, тогда нам хотелось только спать и спать, и навряд ли церковные богослужения, на которых мы присутствовали, могли оставить существенный след в наших детских сердцах.

В какой мере старания моих родителей повлияли на мои религиозные убеждения, затрудняюсь сказать. Условия моей жизни складывались так, что я в последующие годы оказался оторванным от церкви. Юность моя протекала на приисках, где в течение шести летних месяцев люди не знали отдыха и праздников для них не существовало. Изо дня в день нужно было выполнять изнуряющую, тяжелую работу – каторжный труд, совершенно недопустимый теперь, при современном отношении к рабочему, которое диктуется не только человеколюбием, но и экономическими соображениями: рабочий – это та же машина, и в интересах государства необходимо заботиться об этой машине и поддерживать ее в хорошем состоянии, а не приводить ее в негодность. Нечего говорить, что при таких усло-

виях приисковой работы не оставалось времени для выполнения религиозных обязанностей, налагаемых православной церковью.

По заведенному обычаю, рабочие выходили на работу в 5 часов утра и приступали к выполнению урока, то есть очередного задания со стороны руководителей работ на прииске. Часто приходилось разрабатывать совершенно твердый грунт. Некоторым счастливцам удавалось закончить свой урок к 5 часам вечера, а большинство артелей освобождалось только к 7 часам. Следовательно, рабочий день продолжался двенадцать – четырнадцать часов. Если вычесть отсюда два часа на обед и отдых, то получится десять рабочих – и еще каких рабочих! – часов.

Места разработки золотоносных песков скорее походили на каменоломни. От восхода до заката солнца люди не переставали копать, рыть, долбить, нагибаться, уносить, толкать тачки, ходить, двигаться; целый день они обливались горячим потом и к вечеру чувствовали безмерную усталость во всем теле.

Мне тяжело сейчас сознание, что и я, как все другие, также эксплуатировал своих рабочих. В те годы меня преследовали неудачи – благополучие пришло гораздо позже.

И вот я думал: в чьих руках была моя судьба? Кто предусмотрел все случайности и перемены жизни и предначертал счастливый конец моих начинаний? Кто управляет жизнью моей и жизнями всех других людей? Для чего существует мир и кто сотворил его? В чем вообще смысл жизни?

Мысль пыталась постигнуть непостижимое, ответив на все эти вопросы, и сознание уходило в тупик.

Желание найти хоть какие-нибудь удовлетворительные ответы на все эти «зачем», «почему» и «отчего» заставили меня познакомиться с творениями некоторых

мыслителей и философов. Что же они мне сказали? Они критиковали познавательные способности человека и, при помощи созданной ими запутанной терминологии, пытались объяснять еще более непонятные для меня вещи. Их философские системы сложны, остроумны и оригинальны; они воздвигают стройную картину мироздания, стараются ответить на вопрос о смысле жизни. Но в процессе своих рассуждений философы и мыслители все же останавливаются перед извечной загадкой: где начало всех начал? где первопричина всего сущего? Они называют эту первопричину Провидением, Высшим Разумом Вселенной, Высшей Волей, Божественным Промыслом.

И, обращаясь от философии к религии, невольно приходишь к убеждению: только религия дает на все простой ответ и, не пытаясь ничего *доказывать*, предлагает лишь *верить*.

И я верую. Верую, что есть Бог, что Он руководит нашими поступками и ведет мир по Им Одним предначертанным, Ему Одному ведомым путям. И человек, ничтожная пылинка в безграничной Вселенной, носит в себе частицу Божественного начала; он сотворен по образу и подобию Божию и потому в состоянии познать Бога.

Я – христианин, и Бог для меня – не расплывчатое, неясное Нечто, а несомненная, отчетливо представляемая мною Сущность.

Я закончу свое «заключение» словами Льва Николаевича Толстого, хотя, спешу оговориться, я и не поклонник его философских суждений, – закончу именно этими словами потому, что в них удивительно хорошо и просто высказана отвечающая моим воззрениям мысль: «Пусть всякий искренний человек вспомнит хорошо свою жизнь – и он увидит, что никогда не пострадал от исполнения учения Христа».

Содержание

Предисловие 3
Записки русского предпринимателя 1875–1930 5
ВСТУПЛЕНИЕ 5
МОИ ПРЕДКИ 7
МОЙ ОТЕЦ 9
ДВА СОБЫТИЯ В НАШЕЙ СЕМЬЕ 19
ИЗ МОИХ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ 23
НОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ МОЕГО ОТЦА. ЕГО КОНЧИНА 26
НАЧАЛО МОЕЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 29
СУДЬБА НАШЕГО МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА 31
НАЧАЛО МОЕЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 35
НА АЛТАЕ 38
В ДОРОГЕ 43
В СРЕТЕНСКЕ 45
ПОЕЗДКА В СИСТЕМУ ОЛЕКМЫ 49
НА АМУРЕ 52
СНОВА В ОЛЕКМЕ 57
НА ПОСТРОЙКЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ... 63

ПОЕЗДКА В МАНЬЧЖУРИЮ 68
В МАНЬЧЖУРИИ 71
БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ 74
МОЯ ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПОЕЗДКА В МОСКВУ 84
УСМИРЕНИЕ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ. МОИ УБЫТКИ 88
ПОЕЗДКА В ПЕТЕРБУРГ. ХЛОПОТЫ О КОМПЕНСАЦИИ ЗА УБЫТКИ 94
В ХАРБИНЕ. МУКОМОЛЬНОЕ ДЕЛО 97
ДАРАСУНСКИЕ ЗОЛОТЫЕ ПРИИСКА .. 102
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ. 106
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДОБЫЧЕ ЗОЛОТА У НАС И В АМЕРИКЕ 109
МОИ ПРИИСКА́ В БАРГЕ 112
Русская экономическая политика в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке 119
ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ .. 119
ПОХИЩЕНИЕ МЕНЯ БАНДИТАМИ 126
ПОХИЩЕНИЕ МОИХ ДЕТЕЙ В ТЯНЬЦЗИНЕ 134
В АМЕРИКЕ 140
АВТОМОБИЛЬНЫЙ ИНЦИДЕНТ СО МНОЙ В ЧИКАГО 146
ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ .. 150
КРАСОТЫ КАЛИФОРНИИ 154
РОССИЯ И АМЕРИКА 160

ХАРБИНСКОЕ ИНТЕНДАНТСТВО ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 164
РЕВИЗИЯ СЕНАТОРА КУЗЬМИНСКОГО..... 172
НЕДОРАЗУМЕНИЯ С ИРКУТСКОЙ ТАМОЖНЕЙ..... 173
ХЛОПОТЫ В ПЕТЕРБУРГЕ 174
ПОЕЗДКИ В ШТАБ КУРОПАТКИНА..... 176
О БЕЗОБРАЗОВЕ..... 178
БУЙСТВА СОЛДАТ..... 180
ХИЩЕНИЯ В ХАРБИНЕ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 185
Б. В. ОСТРОУМОВ..... 188
ВАКХАНАЛИЯ НА СТАНЦИИ ИННОКЕНТЬЕВСКАЯ..... 189
АЗАРТ НАЖИВЫ..... 192
ДАВНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА РЕКЕ ЕНИСЕЕ 195
О СИБИРСКОМ СУДЕ 201
В РОЛИ ОПЕКУНА..... 206
ЕЩЕ ИЗ СТАРОЙ СИБИРСКОЙ СУДЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ..... 208
О ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЕ СИНЕЛЬНИКОВЕ..... 219
ЦЫБУЛЬСКИЕ И ИВАНИЦКИЕ..... 221
ОБ ОХОТЕ..... 232
МЕДВЕЖЬИ ОХОТЫ 236

К. И. ИВАНИЦКИЙ 245
М. Д. БУТИН..... 249
В. Н. МИЧКОВ 254
ИЗ ДОРОЖНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ..... 257
О ТРЕХ ТОРЖЕСТВАХ 259
КАНАДСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ 264
БЫСТРЫЙ РОСТ САН-ФРАНЦИСКО 266
ФОРТ РОСС 268
ИЗ ИТОГОВ МОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 270
О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 274
МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ 277

Иван Васильевич Кулаев

Под счастливой звездой

Записки русского предпринимателя 1875-1930

16+

Ответственный редактор *А. Иванова*
Корректор *М. Глаголева*
Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16